

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI

TOIMETISED

УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ

ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS

416

STUDIA ORIENTALIA
ET ANTIQUA

II

TARTU RIIKLIKU ÜLIKOOLI TOIMETISED
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ТАРТУСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ACTA ET COMMENTATIONES UNIVERSITATIS TARTUENSIS
ALUSTATUD 1893.a. VIHK 416 ВЫПУСК ОСНОВАНЫ В 1893.g.

STUDIA ORIENTALIA ET ANTIQUA

II

TARTU 1977

Редакционная коллегия:

О. Клаассен, П. Нурмекунд(отв. редактор), М. Тянава

АГРЕССИЯ ФАШИСТСКОЙ ИТАЛИИ В ЭФИОПИИ (1935-1936)

И ЭСТОНИЯ

О. Клаассен

Формирование знаний и установок в Эстонии по отношению к Эфиопии до начала 30-х годов 20 века

До конца 18 века Эфиопия была для европейцев практически terra incognita. Лишь немногим удавалось посетить эту экзотическую страну,¹ письменные сведения о ней были крайне скудными.² Лишь путешествие нидландского дипломата, врача и исследователя Джеймса Брюса (1730-1794) к истокам Нила в 1768-1773 годах и появившаяся в результате этого путешествия книга³ дали европейцам более широкое представление об Эфиопии.

Первое знакомство эстонцев с Эфиопией произошло, однако, значительно раньше, в 30-х годах 18 века. В 1731-1752 гг. в Эстонии жили прадед А. Пушкина, Абреха (Абрахам) Ганнибал, который был родом из северной части Эфиопии (Эритрея).⁴ Таким образом, эстонцы были знакомы с представителем этой

¹ По имеющимся сведениям первые европейцы достигли Эфиопии в 15 веке (см. Taddesse T a m r a t. Church and state in Ethiopia, 1270-1527. Oxford, 1972, p. 257); с конца 16 века Эфиопия вновь оказалась закрытой для европейцев.

² Кроме незначительных сведений античных авторов (Птоломей, Страбон, Плиний и др.), Эфиопию рассматривали: Joseph A b u d a s n i. Historia Jacobitarum seu Sceptorum in Aegypto, Lybia, Nubia, Aethiopia tota et parte Cyprae insulae habitantium. Oxonia, 1675 (английский перевод, 1693); Jobi L u d o l f i. Historia aethiopica sive brevis et succincta descriptio regni Nabessinorum, quod vulgo male presbyteri Johannis vocatur. Francofurti ad Maenum, 1681 (французское издание, 1684) M. L e G r a n d. Relation historique d'Abissinie, du R.F. Jérôme Lobo, de la compagnie de Jésus, traduite du portugais, continúee et augmentee de plusieurs dissertation, letters et memoires. Paris. 1728.

³ J. B r u c e. Travels to discover the sources of the Nile in the years 1768-73. London, 1790. Произведение было издано в пяти томах и переведено на французский язык (опубликовано в Париже в 1790-1792 гг.).

⁴ См. G. L e e t s. A. Puškini vaarisa Abraham Hannibal Eestis. - "Keel ja Kirjandus", 1974, nr. 6, lk. 356-363.

древней африканской страны и имели некоторое представление о расовых и этнических особенностях эфиопов, свойствах их характера и способностях.

Однако полученные сведения не были закреплены. Лишь спустя три четверти века появились печатные работы, в которых упоминалась Эфиопия: в 1827 году "Эстонский народный календарь" опубликовал длинную статью о разливах Нила, в которой, между прочим, указывалось, что в Абиссинии (как в то время обычно называли Эфиопию) "от Юрьева дня до дня святого Михаила часто идут проливные дожди, и все больше водой наполняется река Нил".⁵

По мере расширения международных контактов Эфиопии и углубления знания и интереса европейцев к Эфиопии стало проявляться и различное отношение к эфиопам. Определенные круги в Англии, Германии и других государствах Европы, поддерживавшие активную колониальную политику и видевшие в Эфиопии потенциальную колонию, стали развивать расистские концепции о неполноценности эфиопов, раздувать вражду против народа Эфиопии. В то же время европейские прогрессивные круги стремились относиться к Эфиопии и ее народу по взаимности объективно, с симпатией. С острой критикой в адрес колониализма выступали К. Маркс и Ф. Энгельс.⁶

Различие в отношениях к Эфиопии нашло свое отражение и в Эстонии. Прибалтийско-немецкие идеологи, воодушевленные все возрастающей воинственностью Пруссии, вступили на путь враждебного отношения к Эфиопии (и вообще Африки). Они внушали эстонцам, что эфиопы "это большие и сильные люди, а насковозь испорчены. Они суровы и жадны, а только называют себя христианами";⁷ "что в Африке царит сила, убийства, грабеж и разврат"⁸ и что император Эфиопии Федор II (1855-1868), возглавивший борьбу за независимость страны, "только называется христианиномъ, а на дѣле бывает хуже язычника"⁹.

5 Eesti-ma rahwa Kalender ehk Täht-ramat 1828 aasta peäle, pärraest meie Issanda Jesusse Kristusse sündimist. Tallinn, 1827.

6 См. подробнее: К. Маркс и Ф. Энгельс. О колониальной системе капитализма. М., 1959.

7 Koli-ramat. Wies jaggo. Keograhwi, ehk Öppetus Ma-ilma surusest ja Ma-ilma madest. Tartu, 1854, lk. 80.

8 Geograhwi, ehk Öppetus mailma surusest ja mailma madest. Tartu, 1871, lk. 18.

9 "Eesti Postimehhe II, lissaleht: Missionär ehk sõnnumed pagganatest", 23.nov.1866, nr.24, lk. 96.

Эстонские прогрессивные деятели культуры и демократическая общественность выступили против подобного идеалистического и политического направления. В 1867 году известная эстонская писательница и общественный деятель Лидия Койдула выступила на страницах литературного приложения к газете "Эстонский почтальон" с большой статьей, посвященной Эфиопии.¹⁰ В этой статье, написанной интересно и с большой эрудицией, хотя и отражаются местами тенденциозные точки зрения некоторых немецких этнографов и прибалтийских клерикальных кругов, все же заметна симпатия автора к эфиопскому народу и его стремлению к независимости. Лидия Койдула видела основную причину нищенской жизни эфиопского народа в жестокой эксплуатации, разнузданном образе жизни феодалов и духовенства, в их самоуправстве и взаимных расприх, а также во вмешательстве иностранных государств во внутренние дела Эфиопии.

Краткое объективное описание Эфиопии дал Карл Роберт Якобсон в своем учебнике географии, первое издание которого вышло в 1868 году.¹¹

Положительное отношение к эфиопам проявилось в ряде статей, вышедших в конце 19 века.¹² С резкой критикой в адрес итальянской агрессии (1895-1896) выступил Карл Аугуст Херманн. В начале 1896 года он писал: "Италия не имела никакого права нападать на Абиссинию. Лишь желание захватить землю заставило итальянцев вести там войну. Сочувствие христианского мира на стороне абиссинцев, защищающих свой дом и родину от врагов".¹³

¹⁰ (L. K o i d u l a). Abessinia rahwas ja nende kuningas. - "Eesti Postimehes juttotuba", 1867, nr. 41/42, lk. 162-166. Поводом к написанию этой статьи послужил возрастающий интерес эстонской общественности к Эфиопии в связи с усилением английской экспансии в этом районе.

¹¹ C.R. J a k o b s o n. Weikene Geograafia ehk Maade teaduse käsiraamat. Tartu, 1868, lk. 78.

¹² (J. J ä n e s). Abessiinia maa ja rahwas. - "Oma Maa", 1889, nr. 4, lk. 223-228; J.A. Lossmann. Abessiinia ja Abessiinlased. - "Wirmalise lisa", 1892, nr. 11, lk. 168-171; nr. 12, lk. 185-188; nr. 13, lk. 201-203; Abessinia maa ja rahwas. - "Linda", 1896, nr. 13, lk. 188-190.

¹³ (K.A. H e r m a n n). Abessinia. - "Postimees", 9. veebr. 1896; указанная статья была опубликована в газете "Postimees" 6-9 февр. 1896 и в книге: K.A. H e r m a n n. Wanad poisid. Tartu, 1896, lk. 32-53.

Свою роль в создании положительного отношения к Эфиопии в Эстонии сыграли экспедиции и миссии русских исследователей, этнографов и дипломатов (А.В. Елисеев, Н.С. Леонтьев, К.С. Звягин, А.К. Булатович, Л.К. Артамонов и др.).¹⁴ Материалы этих экспедиций, которые были в скором времени частично опубликованы,¹⁵ дали совершенно другое, более соответствующее действительности представление об Эфиопии, чем то, которое пыталась создать проколониальная печать в Европе.

В 19 веке контакты эстонцев с Эфиопией не ограничивались пассивным знакомством через печать. В 1865-1868 годах работал миссионером среди одной из народностей Эфиопии, галлов, крестьянский сын Ганс Тийсман, родом из Харьюмаа, Алуской волости.¹⁶ Неизвестно, достигали ли его походы на земле галлов административных границ теперешней Эфиопии, но от него галлы, должно быть впервые, узнали о существовании Эстонии. И через его посредничество достигло берегов Балтийского моря приветствие пастуха-галла Мунгома: "Ma alamina Avenoa oovi usunguni Estonia!" (Я приветствую всех твоих друзей в Европе в Эстонии!).¹⁷

Значительную роль в ознакомлении эстонцев с галлами и их

¹⁴ См. подробнее: М.П. Забродская. Русские путешественники по Африке. М., 1955, стр. 56-70; М.В. Райт. Русские экспедиции в Эфиопии в середине XIX - начале XX в. и их этнографические материалы. - В кн.: Африканский этнографический сборник, I. М., 1956, стр. 220-281.

¹⁵ "Postimees", 12.dets.1895, 3.juul 1896; К.С. Звягин. Очерк современной Абиссинии. По личным впечатлениям. СПб., 1895; Ю.Д. Елец. Император Менелик и война его с Италией. По документам и походным дневникам Н.С. Леонтьева. СПб., 1898.

¹⁶ О жизни и деятельности Г. Тийсмана см.: "Eesti Postimehe" Missiooni-leht, 1900, nr. 10, lk.73-75; 1902, nr. 3, lk. 17-18; Paul A r i s t e. Missionär H.I. Tiieman eesti kirjakeele uuendajana. - "Eesti Kirjandus", 1937, nr.6, lk.302-309; Abram D r i d z o. Eesti Aafrika-uuri-jaist. - "Keel ja Kirjandus", 1965, nr.11, lk. 675-681; Pent M u r m e k u n d. Die Anfangsgründe der estnischen Afrikanistik. - "Wort und Religion. Kalima na Dini". Stuttgart, 1969, S. 139-142.

¹⁷ "Eesti Postimehe II lisa-leht; Missionär ehk sõnnumed pappanatest", 5. juuli 1867, nr. 14, lk. 56.

страной сыграла работа Ганса Тийсмана "Цветок Африки"¹⁸, которую советский исследователь Абрам Дридзо высоко оценил за встречающийся в ней оригинальный этнографический материал¹⁹. Книга была издана тиражом в 2500 экземпляров - для того времени - большая цифра.

Возникший и развившийся во второй половине 19 века интерес эстонцев к Эфиопии в начале 20 века стал падать. Это было вызвано объективными причинами. Военное поражение Италии в 1896 году вынудило империалистические державы изменить свою тактику в Эфиопии. Начались попытки покорить Эфиопию экономическими и дипломатическими методами, которые привлекали внимание общественности меньше, чем военные действия. На первый план встали события в других местах земного шара.

В течение первых трех десятилетий 20 века в Эстонию проникали лишь отдельные сведения об Эфиопии. Эти сведения были связаны или с некоторыми важными внутриполитическими событиями в Эфиопии (свержение с трона императора Лиджа Ясу в 1916 году,²⁰ заговор рас Тафари Маконнена против императрицы Заудиту весной 1930 года и празднества по случаю провозглашения его императором осенью того же года²¹ и т.п.), принятием Эфиопии в члены Лиги Наций в 1923 году²² с некоторыми другими проблемами. обстоятельные статьи об Эфиопии в эстонской печати появлялись очень редко²³.

Несколько больше сведений, чем в 19 веке, можно было почерпнуть из географической и исторической литературы. В 1907 году вышел учебник географии Ю.Л. Юргенса и К. Тасака, в ко-

18

I. H. T i i s m a n i. Ahrikamaa õis ehk ühe Ahrikamaa Galla neitsi Pauliine Fathme õnsad elupäevad, kes Jumala ime nõu järel olei Euroopamaale tulnud ja siin ristitrahwa armastuse keskel ka Issanda armu läbi risti imesõnake saanud ning wiimaks kui üks tõsine Jeesuse usklik sel 11. Septembria 1855 oma Issanda Jeesuse juure koju läinud. Tallinn, 1882.

19

J. K o b i t s i a n o v, A. D r i d z o, V. M i r i s h a n o v. Tsivilisatsioonide kohtumine Aafrikas. Tallinn, 1973, lk. 278.

20

"Postimees", 2. okt. 1916.

21

"Päevaleht", 23. märts ja 7. nov. 1930, ras Тафари Маконнен стал императором под именем Хайле Селассие I.

22

"Päevaleht", 30.sept. 1923.

23

Abessinien. - "Tallinna Testaja", 6.-7.okt. 1916; Moodne Abessiinia. - "Päevaleht", 15.sept.1927; Kohus Abessiinia. - "Päevaleht", 26.juuli 1928.

тором Эфиопии было посвящено уже примерно две страницы.²⁴ Отрывки из истории Эфиопии рассматривались и во втором томе "Всеобщей истории" К.О. Линдеквиста, который был издан в 1911 году.²⁵ Примерно полторы страницы данных об Эфиопии нашли свое место в книгах С. Сютта и В. Коппеля "В широком мире"²⁶ и "Зарубежные части света"²⁷, вышедших в 1927 году.

В 20-х годах у Эстонии возникли также некоторые непосредственные контакты с Эфиопией.

Прежде всего следует отметить отношения, возникшие в рамках Лиги Наций, членом которой буржуазная Эстонская Республика являлась с 1921 года. Когда осенью 1923 года возник вопрос о принятии Эфиопии в члены Лиги Наций, эстонская делегация приняла участие в обсуждении вопроса и голосовала за положительное решение.²⁸ Это положило начало совместной работе в органах Лиги Наций и участию во многих международных конференциях. В сентябре 1934 года правительству Союза Советских Социалистических Республик Лигой Наций была послана телеграмма, в которой выражалась просьба о вступлении Советского Союза в члены Лиги Наций. Под этой телеграммой стояли рядом подписи представителя буржуазной Эстонской Республики Клууса Сельямаа и делегата Эфиопии Текла Хавариата.²⁹

Однако дипломатические отношения между Эфиопией и буржуазной Эстонией не были установлены. В этом не было ни практической необходимости, ни возможностей. Торговые отношения между обеими странами носили незначительный и односторонний характер и ограничивались ввозом в Эстонию некоторого количества эфиопского кофе: в 1929 году на сумму 3573 кронны,

²⁴ J.L. J ü r g e n s ja K. T a s a k. Geografia õperaamat, III. Tallinn, 1907, lk. 114-116.

²⁵ Dr. K.O. L i n d e q u i s t. Üleüldine ajalugu. 2. osa. Tartu, 1911, lk.674,678,687.

²⁶ S. S ü t t, D. K o p p e l. Avaras maailmas. 3.Aafrika. Tartu, 1927, lk.31-32.

²⁷ J. K e n t s, J. R u m m a. Välisilmajaod. Tartu, 1927, lk. 184-186.

²⁸ "Päevaleht", 30.sept. 1923.

²⁹ "Päevaleht", 19.sept. 1934.

в 1930 году на сумму 5204 кроны, в 1931 году - на 6044 кроны и в 1932 году всего лишь на 202 кроны.³⁰ Что касается экспорта товаров из Эстонии, то лишь отдельные эстонские товары попадали в Эфиопию, и то случайно, косвенным путем.³¹

В истории взаимоотношений Эстонии и Эфиопии имели определенное значение и эстонские поселенцы в Эфиопии.³² В 1927 году в Эфиопию переселился уроженец города Элва Вольдемар Хендриксон, в 1932 году за ним последовал бывший киноактер Георг Лейес.³³ Оба они знакомили эфиопов с Эстонией и ее народом³⁴ и в своих многочисленных письмах в Эстонию сообщали много интересного об Эфиопии.³⁵

Подготовка фашистской Италии к войне против Эфиопии и Эстония

В момент принятия Эфиопии в члены Лиги Наций, в Италии был уже в течение II месяцев у власти фашизм - диктатура самых реакционных кругов финансового капитала, на террористический характер которой Владимир Ильич Ленин обращал внимание уже весной 1921 г.³⁶

Однако позиции фашистского правительства, пришедшего к власти благодаря финансовой и политической поддержке италья-

³⁰ Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства Эстонской ССР (ШТАСР ЭССР), ф. 1831, сп. 1, ед. хр. 4394, стр. 1.

³¹ "Rahvaleht", 4. jaan. 1936; упоминаются студенты эстонского происхождения в Макалле и Асмаре.

³² В Эфиопии проживали также отдельные прибалтийские немцы (см. "Välis-Eesti Almanak", 1933, nr.3, lk. 26; "Rahvaleht", 16.sept. 1935).

³³ "Välis-Eesti Almanak", 1935, nr.4, lk. 23.

³⁴ Там же, стр. 23-24.

³⁵ Первым было опубликовано письмо В. Хендриксона от 5 ноября 1930 г., напечатанное в "Rahvaleht" 27 ноября 1930; однако большинство писем относятся ко второй половине 30-х годов.

³⁶ В.И. Ленин. О продовольственном налоге. - Полн. собр. соч. Изд. 5-е. Т. 43. М., 1963, стр. 235.

янской крупной буржуазии и одобрения экстремистских группировок международного империализма, оказались не очень устойчивыми. Внутри страны развивалось руководимое коммунистами антифашистское движение, основной силой которого являлся итальянский рабочий класс.³⁷ В итальянской колонии Ливии активизировались национально-освободительные силы.³⁸ Мировая демократическая общественность выступала с резкой критикой в адрес фашизма. Буржуазные правительства многих стран также относились к "итальянскому эксперименту" с недоверием.

В этих условиях фашисты не осмеливались открыто выступать с захватническими планами, хотя, как правильно отметил Пальмиро Тольятти, "с момента своего прихода к власти Муссолини сделал войну своей программой".³⁹ Италия стала проводить лавирующую внешнюю политику.

Вместе с другими итальянские делегаты голосовали в сентябре 1923 г. за принятие Эфиопии в члены Лиги Наций, и в 1924 году в Риме с большой торжественностью был принят рас Тафари Маконне, совершавший поездку по Европе.⁴⁰

Но вскоре в итальянских правящих кругах возникли планы вторжения в Эфиопию. Уже в июле 1925 года Муссолини обратил внимание на то, что граница Эритреи с Эфиопией, зафиксированная соглашениями от 10 июля 1900 г. и 16 мая 1908 г.,⁴¹ проложена, с точки зрения Италии, неудовлетворительно.⁴² В конце того же года Италия получила от Англии принципиальное

37 Об антифашистском движении в Италии см. М.А. Д о г о - л е в. Демократическая оппозиция и рабочее движение в Италии 1922-1926 гг. М., 1975; Б.Р. Л о п у х о в. Фашизм и рабочее движение в Италии 1919-1929. М., 1968; Б.Р. Л о п у х о в. Из истории борьбы итальянской коммунистической партии против фашизма. - В кн.: Боевой авангард трудящихся Италии. М., 1971, стр. 107-123.

38 Новейшая история арабских стран. М., 1968, стр. 483.

39 Пальмиро Т о л ь я т т и. Избранные статьи и речи, I. М., 1965, стр. 220.

40 Д.Р. В о б л и к о в. Эфиопия в борьбе за сохранение независимости, 1860-1960. М., 1961, стр. 41-43.

41 Vt. League of Nations. Report to the Council in virtue of Article 15, paragraph 4, of the Covenant, presented by the Council Committee. Geneva, October 5th, 1935. С. 411. М. 207. 1935. VII, pà 10.

42 Emilio de B o n o. Die Vorbereitungen und die ersten Operationen zur Eroberung Abessinieniens. München, 1936, S. 5.

согласие на приобретение сферы влияния в Эфиопии.⁴³

Попытки фашистской Италии вторгнуться в Эфиопию путем применения экономических и дипломатических мер потерпели неудачу в результате решительного противодействия правительства рас Тафари Маконнена. Тогда фашисты встали на путь военных провокаций. В 1930 году итальянские войска оккупировали стратегически важный район Уадуал в юго-восточной Эфиопии.⁴⁴ В том же году по подстрекательству губернатора Эритреи Коррадо Золи в северной Эфиопии вспыхнуло антиправительственное движение.⁴⁵ В 1932 году итальянские власти помогли организовать побег из тюрьмы бывшего императора Лижд Ясу, рассчитывая использовать его в своих агрессивных планах.⁴⁶ Одновременно итальянская печать начала кампанию "за выход из Средиземного моря в мировую политику."⁴⁷

Возникшие в результате мирового экономического кризиса трудности, рост недовольства фашистской диктатурой в различных социальных и политических кругах Италии,⁴⁸ успехи национал-социалистов в Германии, бессилие Лиги Наций в задерживании японской агрессии - все это воодушевило фашистов Италии перейти к открытой захватнической политике.

18 марта 1934 года в Риме Муссолини выступил с воинственной речью, в которой предъявил претензии к расширению итальянских колониальных владений в Африке.⁴⁹ Осенью того же года Италия начала интенсивно вооружаться.⁵⁰

До этого времени фашистская Италия сравнительно редко попадала в орбиту общественного внимания Эстонии. В эстонской буржуазной печати время от времени хотя и появлялись отдельные сообщения о внутри- и внешнеполитических действиях итальянского правительства, но они оставались в тени более

43 Maxwell H.H. M a s a r t n e u, Paul C r e m o n a. Italy's foreign and colonial policy, 1914-1937. London, 1938, pp. 289-292.

44 Pitman B. P o t t e r. The Wal Wal arbitration. Washington, 1938, p. 177.

45 Angelo del B o s a. The Ethiopian war, 1935-1941. Chicago, 1969, p. 14.

46 Там же, стр. 13.

47 По данным ЦГАОР ЭССР.

48 "Klassivõitlus", 1934, nr.5, lk. 30-31.

49 "Päevaleht", 21.märts 1934.

50 История Италии, Ш. М., 1971, стр. 115.

существенных событий. Следует отметить, что тематика и тон этих сообщений большей частью были благожелательными по отношению к фашистскому режиму. Осенью 1934 года главный редактор газеты "Päevaleht" А. Таммер писал, что "из Италии до нас не доходят недостатки и теневые стороны фашистского режима, а лишь хвалебные песни по адресу Муссолини. У нас здесь легко может создаться впечатление, что весь итальянский народ живет словно в земном раю, и ничего другого не делает, только восхваляет ум и величие Муссолини".⁵¹

Отдельные критические высказывания, появившиеся на страницах эстонской буржуазной печати, не вникали сколько-нибудь глубоко в настоящую сущность фашистской диктатуры. Они не разоблачали корней фашистского террора и демагогии, умалчивали о том, что за спиной фашистов стояли итальянские банкиры, промышленники и крупные землевладельцы, а также международная финансовая олигархия.

Правительство буржуазной Эстонской Республики старалось сохранить с Италией хорошие отношения, возникшие еще до прихода к власти фашистов.⁵² Аналогичное желание выразил в 1923 году и Муссолини, отметив, что фашистская Италия хочет быть с Эстонией "в наилучших и фактических отношениях".⁵³

Торговые отношения Эстонии с Италией развивались на первых порах стихийно. Вопрос о заключении торгового соглашения был поднят уже в 1922 году.⁵⁴ Практические результаты, однако, были достигнуты только спустя шесть лет. 1 июля 1928 года Муссолини и представитель буржуазной Эстонской Республики Карл Тофер обменялись в Риме нотами о заключении временного торгового соглашения между Италией и Эстонией.⁵⁵ Этот дого-

⁵¹ H. Tammer/. Fasism propaganda artiklina ja tegelikult.- "Päevaleht", 11.aug. 1934.

⁵² Италия была одной из первых империалистических держав, которая признала буржуазную Эстонскую Республику де-юре; она также одной из первых заключила с буржуазной Эстонией дипломатические отношения ("Päevaleht", 29.sept.1923).

⁵³ H. N e l l a t. Itaalia ja Eesti. - "Päevaleht", 12.sept. 1923.

⁵⁴ "Päevaleht", 28.jaan.1922, 3.veebr.1922.

⁵⁵ "Riige Teataja", 1929, nr.1, lk. 3-8; договор был утвержден в Государственном собрании 20 дек. 1928.

вор, основанный на принципе наибольшего благоприятствования, сохранился в качестве основания для товарообмена между обеими странами до осени 1936 года.

Несмотря на заключение договора, товарооборот между Эстонией и Италией не принял больших размеров. В 1934 году он составлял лишь 1,6% эстонского импорта и 0,8% эстонского экспорта.⁵⁶ В денежном выражении (в кронах) товарооборот между Эстонией и Италией в 1929-1934 гг был следующий:⁵⁷

<u>Год</u>	<u>Эстонский импорт</u>	<u>Эстонский экспорт</u>
1929	1 025 000	12 000
1930	451 000	3 000
1931	471 000	400
1932	532 000	39 000
1933	461 000	142 000
1934	902 000	534 000

Ограниченные размеры и односторонность товарообмена вызвали недовольство в промышленных и торговых кругах буржуазной Эстонии. Это видно, например, из правительственного годового обзора внешнеторговой политики за 1933 год, где отмечено, что "к сожалению, уплотнение экономических связей с Италией, желательное по политическим соображениям, со стороны Эстонии находится пока на заднем плане".⁵⁸ Все же в 1934 году товарооборот возрос более чем в два раза, и первые восемь месяцев 1935 года показывали продолжение этой тенденции.⁵⁹ Расширение возможностей увеличило интерес буржуазных кругов Эстонии к Италии как к торговому партнеру. Причем эти

56 "Välisministeeiriumi Väliskaubanduse Osakonna Teated", 1935, nr. 2, lk. 27-28.

57 По данным ЦГАОР ЭССР.

58 По данным ЦГАОР ЭССР; здесь ясно выражена тенденция политического сближения с фашистской Италией, не ставшей, однако, в то время еще доминирующей.

59 С января по август 1935 года эстонский импорт из Италии составлял 727 000 крон, экспорт в Италию 910 000 крон (ЦГАОР ЭССР, ф. 969, сл. 2, ед. хр. 363, стр. II).

круги несколько не смущало то обстоятельство, что кушленные в Эстонии товары (фанера, различные пищевые продукты и пр.) шли на усиление военноэкономического потенциала Италии и на подготовку нападения на Эфиопию.

Начиная с 1934 года итальянские фашисты не скрывали своих агрессивных планов. Вооружение происходило с открытым цинизмом. Если в предшествующие годы правительство Италии проявляло определенный интерес к проблемам разоружения,⁶⁰ то после провала международной конференции по разоружению (февраль 1932 - май 1934), одной из виновниц которого являлась сама Италия,⁶¹ Муссолини открыто объявил на страницах газеты "Иль Пополо д'Италия", что следует начинать гонку вооружения.⁶²

Министерство иностранных дел буржуазной Эстонской Республики внимательно следило за развязыванием агрессии фашистской Италией и за отношением к этому других великих держав. Эстонское буржуазное правительство особенно интересовала позиция Англии, так как с британским империализмом его связывали самые тесные экономические и политические связи.⁶³

В те годы Советский Союз был единственным государством, которое энергично боролось за мир и международную безопасность. 6 февраля 1933 года глава делегации Советского Союза на международной конференции по разоружению в Женеве М.М. Литвинов внес проект декларации об определении понятия аг-

⁶⁰ "Интерес" к проблемам разоружения был для фашистской Италии с самого начала дымовой завесой для прикрытия ее истинных планов.

⁶¹ "Päevaleht", 10.märts, 15.märts ja 16. okt. 1933; документы внешней политики СССР, т. 17. М., 1971, стр. 383.

⁶² Benito M u s s o l i n i. Verso il riarmo. - "Il Popolo d'Italia", 19.mai 1934.

⁶³ О внешнеполитической ориентации буржуазной Эстонии в первую половину 30-х годов см.: J. R e e s e n. Pätsi-Laidoneri fašistliku diktatuuri sise- ja välispoliitika. - "Klassivõitlus", 1935, nr. 7/8, lk. 23-26; A. R a a d i k. Kodanliku Eesti sõltumusest imperialistlikest suurriikidest. Tallinn, 1957, lk.5-6; M. P e s t i. Rahvuslik reetmine "rahvusluse" sildi all. Tallinn, 1960, lk.19-20; O. S e p r e. Kodanliku Eesti sõltuvus imperialistlikest maadest. Tallinn, 1964, lk. 14-15; Paul V i h a l e m. Eesti kodanluse üleminek saksa fašismi teenistusse. Tallinn, 1971, lk. 16.

рессий.⁶⁴ Целью этой декларации было способствовать предотвращению военной угрозы. 3 июля 1933 года в Лондоне восемь государств (в том числе и Эстония)⁶⁵ подписали составленную по инициативе Советского Союза конвенцию об определении понятия "агрессия".⁶⁶ А 18 сентября 1934 года Советский Союз вступил в члены Лиги Наций, тем самым еще раз подчеркнув свою ленинскую политику мира и сотрудничества между народами.⁶⁷

Включение Советского Союза в работу Лиги Наций происходило в то время, когда военные приготовления Италии обретали все более конкретное направление - против Эфиопии. 5 декабря 1934 года в незаконно оккупированной Уалуале вспыхнула перестрелка, положившая начало т.н. Итало-Эфиопскому конфликту. Последний немедленно стал центром внимания всего мира.

Западные державы заняли фактически позиции ободрения Италии. Секретарь посольства Эстонской буржуазной Республики в Лондоне Р. Каск писал 12 июля 1935 года министерству иностранных дел, что в английских правящих кругах придерживаются в отношении Итало-Эфиопского конфликта "сдержанных и выжидательных позиций. Франция не станет ради Абиссинии рисковать своей дружбой с Италией, и Англия без участия Франции ничего не предпримет против Италии".⁶⁸ В министерстве иностранных дел Франции на запрос посла Отто Страндмана 23 августа 1935 года ответили, что "целью дипломатии, разумеется, было бы не допустить военного столкновения между Италией и Абиссинией, и, если это не удастся, то хотя бы локализовать его в Африке".⁶⁹ Практически это означало: если не удастся уговорить Италию на раздел Эфиопии, то в случае, если между Италией и Эфиопией вспыхнет война, придерживаться позиций невмешательства. Из гитлеровской Германии представительство буржуазной Эстонской Республики сообщило, что "официальное

64 Документы внешней политики СССР, т. 16. М., 1970, стр. 80-82.

65 По данным ЦГАОР ЭССР.

66 Документы внешней политики СССР, т. 16, стр. 388-392.

67 О. А ф а н а с ь е в а. Краткий очерк истории Лиги Наций. М., 1945, стр. 23-24.

68 По данным ЦГАОР ЭССР.

69 По данным ЦГАОР ЭССР.

отношение к этому вопросу - нейтральное"⁷⁰, т.е. развязывающее Италию руки.

В то же время дипломатические доклады подтверждали, что симпатии демократической общественности Англии, Франции и Германии на стороне Эфиопии.⁷¹ Даже из Рима поверенный в делах буржуазной Эстонии Давид Янсон сообщил, что в народных массах не заметно никакой враждебности против Эфиопии, несмотря на то, что фашистская печать пытается ее создать.⁷²

Выступая на УП конгрессе Коминтерна (13-14 августа 1935 года), Пальмиро Тольятти (Эрколи) подчеркнул, что "итальянский народ, который героически дрался на баррикадах в годы гражданской войны, во время боев за национальную независимость, когда он сознавал, что борется за свою свободу и за свое право, не намерен драться за колониальные авантюры ненавистных властителей" и что "абиссинский народ является союзником итальянского пролетариата против фашизма".⁷³

Советские народы решительно осудили агрессивные намерения Италии.⁷⁴ Преобладающее большинство эстонского народа также осудило намерение фашистской Италии вторгнуться в Эфиопию. Интерес эстонцев к Эфиопии возрос: в книжных магазинах Таллина каждый день спрашивалось "что-нибудь про Абиссинию", имевшиеся в фондах Таллинской городской библиотеки две книги про Эфиопию были постоянно на руках, повысился спрос на географические карты и марки Эфиопии, а также возрос интерес к деньгам Эфиопии, т.н. талерам Марии Терезы.⁷⁵ В печати буржуазной Эстонии в 1935 году стали в массовом количестве появляться пространные и более короткие статьи об Эфиопии. Их тон был в общем дружеским по отношению к Эфиопии, в то время как в адрес Италии нередко встречались до-

⁷⁰ По данным ЦГАОР ЭССР.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же.

⁷³ Пальмиро Т о л ь я т т и. Цит. соч., стр. 143, 147.

⁷⁴ См. "Известия", 6 сент. 1935 г.

⁷⁵ "Вяшаарäе", 29. sept. 1935.

вольно резкие высказывания.⁷⁶ Однако были и статьи, пытавшиеся оправдать колониальную экспансию Италии. Так, например, известный своими фашистскими взглядами генерал Яан Тырванд⁷⁷ писал в газете "Päevaleht", что развитие Итало-Эфиопского конфликта показывает "неизбежность войны, если к этому настало время", что "Италия сделала свое решение совершенно обдуманно" и что "смелое решение" Муссолини отнюдь не авантюризм, а "государственная необходимость, исходящая из реальной политики". Статья генерала Я. Тырванда выражала взгляды тех буржуазных кругов Эстонии, которые одобряли политическое сближение с гитлеровской Германией и ее потенциальным союзником - фашистской Италией.

9 сентября 1935 года собралась Ассамблея Лиги Наций. Ее задачей было найти мирное разрешение Итало-Эфиопского конфликта, который мог каждую минуту перейти в военные действия. Задача эта практически была трудно осуществима, так как правительство Муссолини свое решение уже сделало. Будучи уверенным в поддержке влиятельных империалистических кругов всего мира,⁷⁸ Муссолини игнорировал осуждение мировой общественности, слухи об огромных размерах эфиопской армии,⁷⁹ а также демонстрацию британского флота в Средиземном море.⁸⁰ На аргументированные обвинения со стороны Эфиопии он, со своей стороны, ответил пространным меморандумом,⁸¹ в котором

- ⁷⁶ См. например: *Abessiinia ja meie*. - "Vaba Maa", 32. juuli 1935; *Abessiinia naine läheb sõtta*. - "Vaba Maa", 21. aug. 1935; *Silm silma vastu, hambahamba vastu*. - "Rahvaleht", 29. märts 1935.
- ⁷⁷ J. T õ r v a n d. *Abessiinia-Itaalia konflikt. Põhjusti, andmeid, vaatlusi*. - "Päevaleht", 24. aug. - 30. sept. 1935.
- ⁷⁸ L. S. A m e r y. *My political life*, III. London, 1955, p. 166; Maxwell H. H. M a s a r t n e y, Paul C r e m o n a. Цит. соч., стр. 279-299.
- ⁷⁹ В различных источниках проводились разные цифры, начиная от 500 000 (по данным ЦК ВКП(б) СССР) до двух миллионов ("Eemasrõev", 21. juuli 1935).
- ⁸⁰ В сентябре 1935 г. Англия сосредоточила в Средиземном море 144 военных корабля (Angelo del B o s a. Цит. соч., стр. 23).
- ⁸¹ Société des Nations. *Mémoire du Gouvernement italien sur la situation en Ethiopie*. I. Rapport. C. 340. M. 171. 1935. VII; II. Documents. C. 340 (a). M. 171(a). 1935. VII. Genève, le 11 et 28 septembre 1935.

была сделана попытка всю вину за создавшееся напряжение свалить на Эфиопию.

Однако итальянских фашистов несколько беспокоила возможность применения экономических санкций. Еще до открытия 16 сессии Ассамблеи Лиги Наций правительство Муссолини предприняло шаги, чтобы расколоть Лигу Наций. Оно неоднократно угрожало покинуть Лигу Наций, если не последует отказа от применения санкций.⁸² 31 августа 1935 года посол Италии В. Вейлшотт посетил министра иностранных дел буржуазной Эстонии Я. Сельямаа и пытался убедить его, что "конфликт, имевший место между Италией и Абиссинией, должен стоять вне компетенции Лиги Наций. "Италия надеется, - отметил посол далее, - что Эстония не примет участия в обсуждении необходимости применения по отношению к Италии санкций, предусмотренных пактом Лиги Наций, так как абиссинский вопрос, по мнению Италии, является чисто колониальным делом".⁸³

Делегация буржуазной Эстонской Республики на 16 сессии Ассамблеи Лиги Наций, в составе министра иностранных дел Клууса Сельямаа, посла Аугуста Шмидта и секретаря постоянного представительства при Лиге Наций Иоханнеса Кыдара,⁸⁴ не намеревалась в Женеве играть активной роли. Эта принципиальная позиция была сформулирована уже летом 1935 года.⁸⁵ В то время, как делегация Советского Союза решительно осудила агрессивные планы Италии и подчеркивала необходимость коллективной защиты мира,⁸⁶ делегация буржуазной Эстонии не сделала ни одного заявления.⁸⁷ Правительство Муссолини выразило свою признательность, пожаловав президенту республики Константину Пятсу орден "Святого Маврикия и Лазаря"⁸⁸.

82 В конце августа 1935 года английская газета "Дейли Мейл" опубликовала беседу своего корреспондента Уорда Прайса с Муссолини. Последний заявил, что если Совет Лиги Наций решит применить против Италии санкции, то Италия "немедленно покинет" Лигу Наций ("Pöevalent" 26. aug. 1935).

83 По данным ЦГАОР ЭССР.

84 Там же.

85 Там же.

86 Документы внешней политики СССР, т. 18, М., 1973, стр. 494-496, 506-512.

87 "Pöevalent", 23. sept. 1935.

88 "Vaba Maa", 27. sept. 1935.

Несмотря на усилия Советского Союза, Лига Наций оказалась бессильной предотвратить итальянскую агрессию. 3 октября 1935 года итальянские войска без объявления войны вторглись в Эфиопию.

Присоединение Эстонии к санкциям против Италии

Начало войны вызвало среди демократической общественности всего мира новый взрыв возмущения против фашистской Италии. Исполком Коминтерна опубликовал адресованное всем народам мира воззвание "Долой войну!", сформулировав в нем боевые лозунги антифашистов "Ни одного поезда, ни одного корабля в поддержку итальянской войны в Абиссинии!", "Руки прочь от абиссинского народа!" и "Долой империалистическую войну!".⁸⁹ С лозунгом совместной борьбы в защиту народа Эфиопии выступил VI конгресс Коммунистического интернационала молодежи.⁹⁰ Против итальянской агрессии выступили рабочие США и Мексики,⁹¹ архиепископ Кентерберийский⁹² и английские лейбористы,⁹³ антифашисты Испании.⁹⁴ Коммунисты Европы, Азии и Африки организовывали выступления в защиту Эфиопии.⁹⁵ В самой Италии развернулось антивоенное движение, проходили демонстрации и столкновения с полицией.⁹⁶

Фашистская Италия начала наступление в Эфиопии с большим военнотехническим преимуществом: она ввела в действие в 20 раз больше танков и бронемашин, в 25 раз больше самолетов и в 47 раз больше орудий, чем имела в своем распоряжении эфи-

89 "Klassivõitlus", 1935, nr.10, lk. 4-5.

90 В. П р и в а л о в. Коммунистический интернационал молодежи. М., 1973, стр. 250-251.

91 "Edasi", 20.ja 26.okt.1935.

92 "The Times", 7.okt.1935.

93 Gaetano S a l v e m i n i. Prelude to World War II. London, 1935, p. 326.

94 "Edasi", 26.okt.1935.

95 См. подробнее: Ф.И. Ф и р с о в. Коммунисты против фашизма и войны. М., 1975, стр. 42-43.

96 "Rahvaleht", 14.okt.1935.

опская армия.⁹⁷ Несмотря на это, успех был минимальным. Эфиопы сражались самоотверженно и отбили попытки итальянцев проникнуть вглубь страны. Это дало Лиге Наций время заняться вопросами санкций.

7 октября 1935 года Лига Наций признала Италию агрессором и декларировала, что по отношению к ней применяется 16-я статья устава Лиги Наций, которая предусматривала меры воздействия как военного, экономического, так и морального характера.

Правительство Советского Союза, выражая точку зрения советского народа и демократических сил всего мира, встало на позицию коллективного применения санкций. 10 октября 1935 года на заседании Ассамблеи Лиги Наций выступил представитель СССР В.П. Потемкин. Он отметил, что "в отношении итало-абиссинского конфликта позиция СССР известна ... Делегация СССР считает долгом подтвердить свою готовность выполнить все обязательства наряду с прочими членами Лиги Наций, которые налагает на всех их без исключения ее Устав. Единство действий является вернейшим средством ликвидировать конфликт, возникший на почве стремления колониальной экспансии, грозящей территориальной целостности и национальной независимости одного из членов Лиги, представляющий опасность для всего человечества".⁹⁸

Правительства Англии и Франции не приняли предложения Советского Союза о введении в действие решительных мер. Эстонский генерал Йоханн Лайдонер, хорошо знакомый с политическими кулуарами империалистических держав, уже 12 октября 1935 года отметил в интервью газете "Уус Ээсти", что, хотя и возможно применение каких-то санкций, "эти санкции, очевидно, будут преимущественно морального и экономического характера. В применение военных санкций я не верю".⁹⁹

В самом деле, правящие круги западных держав уже с самого начала исключили возможность применения мер воздействия военного характера. Они пытались найти такое решение ситуации, которое, во-первых, успокоило бы мировое общественное

⁹⁷ Friedrich I m m a n u e l. Der Untergang Abessinians. Der Krieg 1935/36 militärisch, politisch, wirtschaftlich betrachtet. Berlin, 1936, S.37-45.

⁹⁸ Документы внешней политики СССР, т. 18, стр. 525-526.

⁹⁹ "Uus-Eesti", 12.okt.1935.

мнение, во-вторых, предостерегло бы итальянских фашистов от расширения своих претензий на владения Англии и Франции в Африке, и, в-третьих, обеспечило бы монополистическому капиталу, несмотря на санкции, рост прибылей. Они не желали поражения Италии, боясь, что этому будет сопутствовать подъем национально-освободительного движения в колониях. Их стремлением было лишь до некоторой степени сдерживать фашистскую Италию. ¹⁰⁰

Из числа санкций было исключено закрытие Суэцкого канала для итальянских военных и транспортных кораблей, так как это означало бы, как выразилась газета "Ваба Маа" ¹⁰¹, "полное фиаско итальянской авантюры", и одновременно лишило бы акционеров компании Суэцкого канала солидных прибылей. ¹⁰² Дирекция Суэцкого канала сообщила, что, несмотря на военные действия, канал остается открытым для всех. ¹⁰³ Таким образом Италия смогла продолжать переброску в Восточную Африку войск, оружия и боеприпасов.

Избегали также установления эмбарго на нефть, так как здесь затрагивались интересы крупных международных монополий. ¹⁰⁴

Дискуссии о характере и размерах санкций, методах их установления и возможных последствиях продолжались неделями.

¹⁰⁰ Определенные империалистические круги (Л. Ллойд Джордж, В. Черчилль, И.К. Смэтс и др.) высказали опасение, что итальянские фашисты могут создать из туземцев Эфиопии армию, которая станет опасной для колониальных владений Англии и Франции в Африке (Gaetano Salvemini. Цит. соч., стр. 316).

¹⁰¹ "Vaaba Maan", 23. juuli 1935.

¹⁰² До конца января 1936 г. Италия уплатила за пользование каналом только лишь для транспорта раненых 1,5 миллиона лир ("Rahvaleht", 27. jaan. 1936).

¹⁰³ "Rahvaleht", 6. nov. 1935.

¹⁰⁴ Основным поставщиком нефти в Италию была Румыния (в 1935 г. 46,5% итальянского нефтяного импорта), однако большую роль играли также Иран (13%), голландские колонии (12,5%) и США (6,3%). (Societe des Nations. Rapport du Comite des Experts pour l'examen technique des conditions regissant le commerce et le transport du petrole et de ses derives, sous-produits et residus. Geneve, le 12 fevrier 1936, p. 19-22).

Лишь 19 октября и 2 ноября 1935 года Координационный комитет Лиги Наций¹⁰⁵ сформулировал пять предложений, выработанных экспертами. Предложения эти были следующие:¹⁰⁶

1. Установление эмбарго на продажу Италии оружия и боеприпасов и отмена соответствующих запретов в отношении Эфиопии.

2. Прекращение предоставления Италии ссуд и банковских кредитов.

3. Запрещение покупки и ввоза товаров из Италии.

4. Запрещение вывоза в Италию некоторых, необходимых для военных действий сырьевых материалов.

5. Взаимная помощь для возмещения убытков, возникших в связи с применением санкций.

Предложения Координационного комитета являлись рекомендациями, а не приказами. Каждое государство должно было само решить, какие из них и в каком объеме оно проведет в жизнь. Некоторые государства (Япония, Венгрия, Австрия) уже ранее сообщили, что они не присоединяются к санкциям.¹⁰⁷ Другие реализовали лишь часть предложений, третьи всячески оттягивали их выполнение.¹⁰⁸ Особую позицию заняли Соединенные Штаты Америки: согласно закону о нейтралитете от 31 августа 1935 года правительство установило эмбарго на оружие как для

¹⁰⁵ 10 октября 1935 года был создан Координационный комитет, в котором было представлено 17 государств: Англия, Аргентина, Бельгия, Голландия, Греция, Испания, Канада, Польша, Португалия, Румыния, СССР, Турция, Франция, Чехословакия, Швеция, Швейцария и Южно-Африканский союз ("The Times", 12.окт.1935).

¹⁰⁶ The new international year-book. A compendium of the world's progress for the year 1935. New York and London, 1936, p. 389.

¹⁰⁷ "Päevaliht", 10.окт. 1935; из членов Лиги Наций к санкциям не присоединились еще Албания и Швейцария.

¹⁰⁸ По данным на 1 февраля 1936 г. I предложение приняли 52 государства, II предложения - 52 государства, III предложение - 50 государств, IV предложение - 51 государство, V предложение - 46 государств (по данным ЦГАОР СССР); практически эмбарго на оружие не установило 7 государств, финансовые санкции - 7 государств, запрет экспорта в Италию - 10 государств, запрет импорта из Италии - 13 государств (документы внешней политики СССР, т. 19. М., 1974, стр. 331); к концу октября 1935 года четыре первых предложения Координационного комитета приняли лишь соответственно 39, 25, 18 и 19 государств ("Päevaliht", 30.окт.1935).

Италии, так и для Эфиопии.^{I09} Этот шаг ограничил возможности Эфиопии на приобретение средств защиты. В то же время фирмы США увеличили экспорт товаров в Италию: если в 1934 году экспорт составлял в среднем 25 000 долларов в месяц, то в ноябре 1935 года он возрос до 583 000 долларов.^{II0}

Полностью и в кратчайший срок предложения Лиги Наций осуществил Советский Союз. 17 октября 1935 года он установил в отношении Италии эмбарго на оружие и боеприпасы и ввел в действие финансовые санкции, 14 ноября 1935 года была запрещена закупка товаров из Италии и вывоз в Италию стратегического сырья.^{III}

Проблема санкций явилась осенью 1935 года предметом обсуждения и в Эстонии. В это время велись переговоры между некоторыми фирмами Эстонии и Италией относительно расширения товарооборота.^{II2} Это еще более увеличивало актуальность проблемы. 16 октября газета "Ваба Маа" опубликовало письмо в редакцию, в котором подробно анализировались связанные с присоединением к санкциям аргументы за и против.^{II3} Хотя автор и привел ряд аргументов за сохранение связей с Италией (хорошие взаимоотношения, влияние итальянской культуры, увеличение товарооборота в последние годы), однако в заключение он все же приходил к выводу, что Эстонии следует присоединиться к санкциям, чтобы выполнить свой долг члена Лиги Наций. Автор выразил мнение, что применение санкций не принесет Эстонии ни политических, ни экономических трудностей.

Аналогичную точку зрения занял бывший министр иностранных дел Яан Тыниссон. Он направил председателю комиссии по иностранным делам при Государственном собрании Яану Тээманту письмо, в котором предлагал созвать комиссию для обсуждения, как выполнить свои обязательства в качестве члена Лиги На-

I09 International conciliation. Documents for the year 1936. New York, 1936, pp.53-55.

II0 Frank P. C h a m b e r s, Christina Phelps H a r r i s, Charles C. B a y l e y. This age of conflict. A contemporary world history, 1914 to the present. New York, 1950, p. 598.

II1 По данным ЦГАОР ЭССР

II2 Переговоры происходили относительно закупки авиационного снаряжения и серы и продажи картофеля и металлолома (ЦГАОР ЭССР, ф. 969, сп. 2, ед. хр. 363, л. 121; "Ваба Маа", 21. sept. 1935).

II3 "Ваба Маа", 16. okt. 1935.

ций и помощь Англии в ее политике в отношении итало-эфиопского конфликта.^{II4} Орган печати Коммунистической партии Эстонии "Классовая борьба" отметил по этому поводу: "Очевидно у Тыниссона есть причины опасаться симпатий эстонского правительства к фашистской Италии".^{II5} Как бы в подтверждение этого мнения президент республики отказался созвать комиссию.^{II6} Все же правительство не намеревалось еще отказаться от своей английской ориентации и решило присоединиться к санкциям.

Это решение было вынесено окончательно в середине октября 1935 г. 16 октября была создана специальная комиссия по подготовке применения санкций, в которую вошли помощник министра иностранных дел Х. Ларетей (председатель), представитель министерства обороны полковник А. Казекамп, А. Тухк из министерства экономики и А. Клэзмент из министерства юстиции. 19 октября состоялось первое заседание комиссии, на котором ознакомились с проблемой и распределили задачи.^{II7} Два дня спустя министр иностранных дел Я. Сельямаа официально сообщил новому послу Италии В. Чикконарди, что Эстония решила присоединиться к санкциям.^{II8}

При вынесении решения правительство учитывало как политические, так и экономические соображения. Оно исходило из того, что доля Италии во внешней торговле буржуазной Эстонии минимальна. Кроме того, Италию можно сравнительно легко заменить другими партнерами по внешней торговле. В Эстонии основными предметами ввоза из Италии были лимоны (85% соответствующего импорта) и искусственный шелк (59% соответствующего импорта). В 1934 году они составляли вместе (в денежном выражении) 80,4% товаров, импортируемых из Италии. Но первый товар можно было ввозить и из Испании, второй - из Франции. Сложнее обстояло дело с экспортом: кроме фанеры, спрос на которую на итальянском рынке в 1932-1934 годах возрос примерно в 13 раз, Италия принимала 41% экспортируемого карто-

II4 "Vaba Maa", 21.okt.1935.

II5 "Klassivõitlus", 1935, nr.12, lk. 29.

II6 По данным ЦГАОР ЭССР.

II7 По данным ЦГАОР ЭССР.

II8 По данным ЦГАОР ЭССР.

феля и 27% экспортируемого крахмала.¹¹⁹ Найти новый рынок было для буржуазной Эстонии нелегко, несмотря на 5-ое предложение Координационного комитета Лиги Наций о взаимопомощи. Все же оставалась надежда, что этот вопрос со временем разрешится.

Созданная правительством 16 октября 1935 года комиссия прежде всего приступила к обсуждению установления эмбарго на оружие и боеприпасы. Это не представляло особой проблемы, так как уже в 1926 году был запрещен транзит оружия и боеприпасов через территорию Эстонии¹²⁰ и согласно установленному законом 1930 года порядку в Эстонии можно было изготовлять и продавать оружие, порох и прочие взрывчатые вещества только на основании соответствующих разрешений правительственных органов.¹²¹ 23 октября 1935 года министр иностранных дел Я. Сельямаа предложил правительству:

1) запретить экспорт и реэкспорт в Италию и ее владения, а также через третьи государства оружия, автоматического оружия, огнеметов, химических средств военного назначения, боеприпасов, самолетов, авиамоторов и военных кораблей и

2) разрешить, в виде исключения, транзит через территорию Эстонии средств военного назначения, если местом их назначения является Эфиопия.¹²² В тот же день правительство утвердило это предложение.¹²³

Этим буржуазная Эстонская Республика сделала первый (хотя практически маловажный) шаг на пути присоединения к санкциям. Однако, когда посол Италии В. Чикконарди 24 октября 1935 года вручил президенту республики свои верительные грамоты, оба собеседника ни словом не обмолвились о санкциях. Напротив, оба выразили надежду, что "связи живой симпатии и сердечности" между двумя государствами будут и в даль-

¹¹⁹ "Majandusteated", 1935, nr. 47, lk. 858-860.

¹²⁰ "Riigi Teataja", 1926, nr. 51, lk. 662-663.

¹²¹ "Riigi Teataja", 1930, nr. 39, lk. 433-436.

¹²² По данным ЦГАОР ЭССР.

¹²³ По данным ЦГАОР ЭССР.

нейшем развиваться и крепнуть.¹²⁴

В буржуазных кругах Эстонии существовали группировки, которые питали симпатии к фашистской Италии и пытались оправдать ее колониальную экспансию. Не без основания посол В. Чикконарди в своей беседе с Я. Сельямаа, состоявшейся в министерстве иностранных дел 28 ноября 1935 года, заверил, что ему известны симпатии, "которые царят среди руководящих деятелей эстонского общества и в правительственных кругах по отношению к Италии".¹²⁵ Но в условиях начавшейся войны эти группировки все же не отваживались открыто желать успеха фашистам и предпочитали оставаться на выжидательных позициях. Осторожность в суждениях относительно итало-эфиопского конфликта проявляли и такие политические деятели буржуазной Эстонской Республики, как генерал Йоханн Лайдонер и профессор Айтс Пийп, известные своей английской ориентацией.¹²⁶

Я. Лайдонер считал, что война затянется, что Италии придется преодолеть много трудностей, но, в конечном итоге, все же победит Италия. Акцентируя военный аспект, он писал: "В предыдущей войне против Абиссинии итальянцы допустили крупную военно-тактическую ошибку, продвинувшись слабыми силами слишком быстро вперед. Не хочется верить, что итальянцы вновь повторят эту ошибку".¹²⁷ Профессор А. Пийп в своем докладе 13 октября 1935 года в клубе Тартуской дружины рассматривал преимущественно политический аспект конфликта. Он утверждал, что государства, сгруппировавшиеся вокруг Англии, к которым "в известной мере" принадлежат и Прибалтийские страны, "желают, чтобы восцарился общий мир" и что вероятно Лига Наций сумеет разрешить возникшую проблему так, чтобы предотвратить опасность войны в Европе. Разумеется, прибавил он, Абиссинии придется пострадать, но в этом она, якобы, и сама виновата

¹²⁴ "Räevaleht", 24.okt.1935.

¹²⁵ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹²⁶ Во второй половине 30-х годов некоторые группировки эстонской буржуазии, ранее развивавшие проанглийский курс внешней политики, изменили ориентацию на гитлеровскую Германию и ее союзников (см. подробнее: Paul Viha 1 e m. Цит. соч., стр. 30-32, 37-39, 42-45, 47 и т.д.).

¹²⁷ "Uus Eesti", 12.okt.1935;

своей неумелой политикой.¹²⁸

Однако симпатии к фашистской Италии в Эстонии не были доминирующими. Преобладающее большинство эстонцев – трудовые массы, демократическая интеллигенция – осуждали как фашистскую диктатуру, так и ее политику развязывания войны. В. Чикконарди жаловался министру иностранных дел Я. Сельямаа, что некоторые газеты "допускают по отношению к Италии недружелюбный тон".¹²⁹ И итальянское посольство упорно добивалось, чтобы перед его резиденцией (Суур-Пяру маантэе, 23) по ночам выставлялся полицейский патруль.¹³⁰

Правительство буржуазной Эстонской Республики официально не поддерживало колониальную экспансию фашистской Италии в Африке. Сообщив о присоединении к санкциям, правительство продолжало разработку конкретных мероприятий по внедрению в жизнь предложений Координационного комитета Лиги Наций. После установления эмбарго на оружие, специальная межминистерская комиссия приступила к рассмотрению вопроса о применении финансовых санкций. 29 октября 1935 года министр иностранных дел представил правительству на утверждение выработанный комиссией проект постановления. Согласно этому постановлению запрещалось 1) предоставление Италии и действующим на ее территории публично-правовым учреждениям, физическим и юридическим лицам каких-либо прямых или косвенных ссуд и предоставление банковских или иных кредитов, а также реализация ранее предоставленных кредитов, и 2) подписка на займы, выпущенные правительством Италии и действующими на ее территории публично-правовыми учреждениями, физическими и юридическими лицами. Запрещалось 3) накопление капитала в пользу находящихся на территории Италии публично-правовых учреждений, физических и юридических лиц и участие в соответствующих операциях (эмиссия и подписка акций и пр.).¹³¹

1 ноября 1935 года правительство утвердило предложение министра иностранных дел о применении финансовых санкций.¹³²

¹²⁸ "Uus Eesti", 14. okt. 1935; "Vaba Maa", 14. okt. 1935.

¹²⁹ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹³⁰ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹³¹ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹³² По данным ЦГАОР ЭССР.

Одновременно были даны соответствующие директивы Эстонскому банку. Однако ввиду того, что Эстония не имела с Италией финансовых связей, запрещенных указанным постановлением, то практически запрет мог затрагивать лишь интересы отдельных фирм и частных лиц.¹³³

Несмотря на то, что ни эмбарго на оружие, ни применение финансовых санкций со стороны буржуазной Эстонии не имели для Италии практического значения, правительство Муссолини сочло все же необходимым предупредить Эстонию и прочие малые государства. Газета "Жорнале д'Италия" в резком тоне нападала на Финляндию и Прибалтийские государства за их решение присоединиться к эмбарго на оружие.¹³⁴ А посол Италии в Берлине Б. Аттолико отметил 22 октября 1935 года, что "все малые государства, имеющие с Италией хорошие отношения, должны были отказаться от присоединения к финансовым санкциям. Это следовало бы сделать и Эстонии, чтобы сохранить хорошее отношение к Италии".¹³⁵ Активность итальянского правительства еще более возрасла, когда на повестку дня встал вопрос об ограничении товарообмена. Хотя доля Эстонии в итальянском импорте и экспорте была незначительной,¹³⁶ все же правительство Муссолини сочло нужным причислить Эстонию к тем государствам, которым 11 ноября 1935 года была предъявлена вербальная нота с протестом против участия в санкциях.

В этой ноте¹³⁷ фашистское правительство Италии пыталось оправдать агрессию в Эфиопии желанием освободить эфиопский народ от рабства и произвола амхаров. Оно обвиняло государства, выступившие против Италии, в умерщвлении "духа" устава Лиги Наций и напоминало об ответственности, вытекающей из применения санкций. В конце ноты отмечалось, что "правительство Италии было бы благодарно правительству Эстонии,

¹³³ "Uus Eesti", 20.nov.1935.

¹³⁴ "Giornale d'Italia", 22.okt.1935.

¹³⁵ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹³⁶ Эстония покупала, например, искусственного шелка 0,3% и лимонов 0,05% от экспорта Италии ("Majandusteadused", 1935, nr. 47, lk. 858-859).

¹³⁷ По данным ЦГАОР ЭССР; В. Чикконарди вручил ноту Х. Ларетей в полдень 12 ноября ("Uus Eesti", 12.nov.1935).

если бы оно пожелало ему сообщить, как оно намеревается по своему свободному и суверенному усмотрению применить ограничения, предложенные против Италии".

Выражение "свободное и суверенное усмотрение" было с одной стороны, намеком на продолжающуюся английскую ориентацию буржуазного правительства Эстонии, выражавшуюся в официальном отношении к итало-эфиопскому конфликту, с другой же стороны, поощрением к ослаблению этой ориентации. В Италии считали Англию одной из главных виновниц применения санкций.¹³⁸

Министерство иностранных дел не торопилось с ответом.

Особая комиссия под руководством Х. Ларетя занималась в это время разработкой проекта запрета ввоза и вывоза товаров на основании 3 и 4 предложения Координационного комитета Лиги Наций. Утвержденный правительством 13 ноября он вступил в действие 18 ноября 1935 года.¹³⁹

Согласно этому постановлению:

1) запрещался импорт товаров из Италии и ее владений, если эти товары были произведены, изготовлены или переработаны в указанных странах и если стоимость их переработки в какой-либо другой стране не превышала 25%; в запрет не входили слитки золота и серебра, монеты, книги, журналы и про-

¹³⁸ Правительственным кругам Англии было выгодно представлять роль апологета экономических санкций: этим успокаивали как мировое, так и общественное мнение самой Англии, предостерегали итальянских фашистов от излишних претензий, и все это лишь ценой незначительных отъездов: доля Италии в английском экспорте была всего 2,6%, в импорте - 1% (Egon Heuschapf, *England und der Abyssinische Krieg. Die Legende der Englisch-Italienischen Freundschaft*. Berlin, 1940, S. 56). Кроме того, английские фирмы заранее запаслись достаточным количеством итальянского сыра, макарон, вина и прочих товаров ("Päevaleht", 21.nov.1935). Однако в Англии были все же влиятельные круги, во главе с Л.С. Эмери, открыто выступавшие против санкций (см. Gaetano Salvemini. *Цит. соч.*, стр. 359). Так, 8 октября 1935 года Л.С. Эмери решительно декларировал, что он никогда не согласится "послать хотя бы одного бирмингемского вношу умирать за Абиссинию" (L.S. А м е р у. *Цит. соч.*, стр. 425).

¹³⁹ Текст постановления см. в "Riigi Teataja", 1935, nr. 98, lk. 2273-2274; правительство получило право на введение в действие этого постановления на основании декрета президента республики от 8 ноября 1935 года "Riigi Teataja", 1935, nr. 97, lk. 2265).

чие периодические издания, географические карты, картографические издания и ноты, а также личный багаж пассажиров;

2) запрет не распространялся на те товары, за которые было полностью уплачено до 19 октября 1935 года или которые 18 ноября 1935 года были уже в пути, если они достигнут территории Эстонии не позднее 18 января 1936 года;

3) запрещался экспорт и ре-экспорт ряда веществ в Италию и ее владения; в эмбарго входили животные, используемые для транспорта (лошади, верблюды, ослы и др.) и сырье стратегической важности (каучук, боксит, никель, хром, титан, ванадий и др.), кроме тех, которые 18 ноября 1935 года находились уже в пути.

В день вступления в силу запрета на ввоз и вывоз Х. Ларетей информировал об этом представительство буржуазной Эстонии в Женеве, с тем, чтобы последнее, в свою очередь, сообщило об этом в секретариат Лиги Наций.¹⁴⁰ Таким образом, Эстония официально присоединилась ко всем санкциям против Италии.

Принимая предложения Координационного комитета Лиги Наций и присоединяясь к экономическим санкциям против Италии, правительство буржуазной Эстонской Республики учитывало существующую в империалистическом лагере расстановку сил, сложившиеся в нем отношения и направления их развития. Согласно общему мнению, правящие круги Англии и Франции смогли бы заставить Италию отказаться от войны против Эфиопии, если бы они этого захотели.¹⁴¹ Вместо этого они предпочли поощрять фашистов к военной экспансии, очевидно, имея на это свои причины. И как показали события в будущем, намерение направить фашистскую агрессию в конечном итоге против Советского Союза было среди этих причин отнюдь не на последнем месте.

Ориентируясь в вопросах санкций на Англию, эстонское буржуазное правительство не могло, однако, не считаться и с позицией Советского Союза, выражавшей осуждение фашизма и империалистической колониальной войны прогрессивной общественностью всего мира, в том числе и эстонским народом. Советский Союз продолжал последовательно и решительно бороться

¹⁴⁰ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹⁴¹ По данным ЦГАОР ЭССР.

за полное и единодушное применение санкций.¹⁴²

Италия ответила на применение санкций со своей стороны контрмерами. 21 ноября 1935 года правительство Муссолини установило ограничение на импорт товаров из стран, которые присоединились к санкциям. В отношении Эстонии эти ограничения не имели особого эффекта.¹⁴³

Участие Эстонии в применении санкций против Италии

К моменту окончательного установления санкций, т.е. к 18 ноября 1935 года фашистская Италия не достигла в Эфиопии сколько-нибудь значительного успеха. Генерал Эмилио де Боно, один из основателей фашистского режима, которому правительство Муссолини доверило непосредственную подготовку и развязывание агрессии, не сумел привести итальянские армии к скорой победе. 15 ноября он был заменен генералом Пьетро Бадольо.¹⁴⁴ Считалось, что теперь начнется "настоящая война".¹⁴⁵ Однако замены в военном руководстве не принесли Италии благоприятного поворота, так как причины неудач скрывались глубже. Эфиопские солдаты, плохо обученные, скудно вооруженные и часто неумело руководимые, оказывали итальянцам упорное сопротивление. В ряде сражений в последние месяцы 1935 года и в начале 1936 года фашистские армии потерпели тяжелые поражения. Им не удалось в условиях Эфиопии проявить свое военно-техническое превосходство. В итальянских войсках царил нехватка провианта и воды, участились случаи дезертирства.¹⁴⁶ Недовольство охватило итальянских рабочих, работающих в Эртрее.¹⁴⁷ В самой Италии ширились антивоенные настроения.¹⁴⁸

Пытаясь добиться перелома в войне, согласно распоряжению

142 Документы внешней политики СССР, т. 18, стр. 548-549, 554-555, 560-561.

143 ЦГАОР ЭССР, ф. 969, сп. 2, ед. хр. 360, л. 41.

144 Pietro B a d o g l i o. Der abessinische Krieg. München, 1937, S. 7.

145 "Rävaleht", 18.nov.1935.

146 "Edasi", 24.veebr.1936.

147 "Rahvaleht", 18.nov.1935.

148 "Klassivõitlus", 1936, nr. 2, lk. 15.

Муссолини итальянцы начали с 23 декабря 1935 года систематическое применение отравляющих газов.¹⁴⁹ Позиции эфиопов обстреливались снарядами, начиненными ипритом, с самолетов сбрасывались контейнеры, также наполненные ипритом.¹⁵⁰ Хайле Селассие I отметил позднее: "От газов пострадали не только абиссинские солдаты, но и старики, женщины и дети, павшие жертвами этого смертоносного дождя. Даже амбулатории не избежали этой участи".¹⁵¹ Так фашисты применили еще один варварский прием для нападения на беззащитные города и села, для бомбардировки церквей и больниц, уничтожения гражданского населения.¹⁵²

Правительство Эфиопии выразило резкий протест против применения газов.¹⁵³ К протесту присоединились прогрессивные антифашистские силы во всем мире. Были выдвинуты требования усилить санкции, сделать более эффективным оказание помощи Эфиопии, а также требование об отставке государственных деятелей, покровительствующих действиям итальянских фашистов.¹⁵⁴ Развернулась борьба за создание единого антифашистского фронта, согласно воззваниям VII конгресса Коминтерна.¹⁵⁵

Во главе антифашистских сил мира стоял Советский Союз. На IV съезде КПСС (1934 г.) подчеркивалось, что внешняя политика Советского Союза является политикой защиты мира.¹⁵⁶

¹⁴⁹ В отдельных случаях итальянцы применяли газы и раньше ("Edasi", 10.okt.1935).

¹⁵⁰ Angelo del V o s a. Цит. соч., стр. 78-79.

¹⁵¹ "Rahvaleht", 3.juuni 1936.

¹⁵² Согласно официальным сообщениям Эфиопии итальянцы с 3 октября 1935 г. по 18 февраля 1936 г. 50 раз бомбили открытые города, разрушили церкви в 5 городах, 13 раз нападали на учреждения Красного Креста (по данным ЦГАОР ЭССР).

¹⁵³ "Deutsche Allgemeine Zeitung", 31.dets.1935.

¹⁵⁴ В Англии министр иностранных дел С. Хор вышел в отставку уже 19 декабря, на его место 22 декабря был назначен А. Иден; министр иностранных дел Франции П. Лаваль был вынужден уйти в отставку 22 января 1936 г.

¹⁵⁵ О деятельности и решениях VII конгресса Коминтерна по вопросам фашизма и войны см. Б.М. Лейбзон, К.К. Шириня. Поворот в политике Коминтерна. М., 1975, стр. 143-199.

¹⁵⁶ И. С т а л и н. Вопросы ленинизма. М., 1953, стр. 474.

Эту ленинскую линию правительство Советского Союза проводило и в отношении итало-эфиопского конфликта. Советский Союз, отметил В.М. Молотов на II сессии УП созыва Центрального Исполнительного комитета СССР (10 января 1936 года), в качестве единственного государства исходил из принципа равноправия и независимости Эфиопии и боролся против попыток ликвидировать ее суверенитет и государственную целостность.¹⁵⁷

Мировая демократическая общественность осудила стремление правительств Англии и Франции закончить войну путем раздела Эфиопии между империалистическими великими державами.¹⁵⁸ В арабских странах, Индии и по всей Африке развилось движение солидарности с Эфиопией.¹⁵⁹ Портовые рабочие Намибии отказались обслуживать итальянские корабли.¹⁶⁰ С резким протестом против итальянской агрессии выступил антивоенный и антифашистский конгресс американских прогрессивных сил в Нью-Йорке, 2200 делегатов которого представляли более чем 1,9 миллионов американцев.¹⁶¹ Против фашистской военной политики выступили также профсоюзы.¹⁶²

В Италии усилилось антивоенное и антифашистское движение. В некоторых итальянских военных частях вспыхнули волнения, столкновения с чернорубашечниками,¹⁶³ даже восстания.¹⁶⁴ Все больше симпатий приобретал лозунг итальянской Коммунистической партии "Руки прочь от Абиссинии!"¹⁶⁵

¹⁵⁷ "Edasi", 16.jaan.1936.

¹⁵⁸ О содержании т.н. соглашения Хор-Лавала (9 дек. 1935) см. "The Times", 10.dets.1935; Frank P.Chambers jt. Цит. соч., стр. 508.

¹⁵⁹ "Yaba Maa", 18.dets.1935; Ф.И. Фирсов. Цит. соч., стр. 42-43.

¹⁶⁰ "Meie Misjon", 1936, nr.2, lk.27.

¹⁶¹ "Edasi", 10.jaan.1936.

¹⁶² "Edasi", 20.jaan.1936.

¹⁶³ "Edasi", 22.jaan.1936.

¹⁶⁴ "Yaba Maa", 9.jaan.1936.

¹⁶⁵ "Klassivõitlus", 1936,nr.2, lk.15.

Эстонская Коммунистическая партия решительно выступила против фашизма и агрессии.¹⁶⁶ Органы печати ЭКП "Эдази" и "Классовая борьба" опубликовали ряд сообщений и статей, в которых выражалась симпатия к эфиопскому народу и осуждение колониальных амбиций фашистской Италии.¹⁶⁷ В этих статьях выражалось отрицательное отношение эстонского трудового народа и прогрессивной интеллигенции к империалистической политике, к фашизму.

В Эстонии внимательно следили за развитием событий в Эфиопии. Интерес к этой стране был настолько велик, что проф. А. Пийп отметил: "Надо полагать, мы знаем теперь Абиссинию лучше, чем Петсерский уезд".¹⁶⁸ С большим успехом демонстрировался в таллинском кинотеатре "Глория" в конце октября 1935 года фильм, снятый немцем Марином Рикли, — "Абиссиния, последняя империя в Африке".¹⁶⁹ С интересом покупалась и читалась книга Х. Валласте и Т. Кауритса об Эфиопии,¹⁷⁰ которую издательство "Эстонская книга" выпустило в начале ноября 1935 г.¹⁷¹ В конце 1935 года Таллин посетил солист песни и танца народности галла из юго-восточной Эфиопии Принц Тито.¹⁷² 27 октября 1935 г. в Тарту выступил с докладом, касавшимся Эфиопии, известный исследователь Африки Эрик Блэс.¹⁷³ С интересом читались статьи и письма живущего в Эфиопии эс-

166 Ülevaade Eestiama Kommunistliku Partei ajaloost, II. Tallinn, 1963, lk. 278-279. К у у с к. Эстонский пролетариат в борьбе против фашизма и войны. — В кн.: Коммунистические партии Прибалтики в борьбе за единый фронт против фашизма и войны. М., 1935, стр. 44-57.

167 O.M. Itaalia võidud Abessiinias. — "Edasi", 24. veebr. 1936; N. T i m s o n. Imperialistide sõjapoliitika ja õhvardavad sõjakolled. — "Klassivõitlus", 1936, nr. 2, lk. 11-22; A q u i l a. Abessiinia küsimus. — "Klassivõitlus", 1935, nr. 7/8, lk. 34-39; jt.

168 "Uus Eesti", 14. okt. 1935.

170 H. V a l l a s t e, T. K a u r i t s. Abessiinia. Musta mandri 3000-aastane keiserriik. Ajalugu ja tänapäev. Tartu, 1935.

171 "Sakala", 6. nov. 1935.

172 "Uus Eesti", 17. det. 1935.

173 "Postimees", 26. okt. 1935.

тонца Георга Лейеса, печатавшиеся в газете "Эсмаспяэв" и альманахе "Заграничная Эстония".¹⁷⁴ С нетерпением ожидалось и другие сообщения об Эфиопии, которые в большом количестве публиковали все газеты.

Правительство буржуазной Эстонии, присоединившись к санкциям, приступило к их практической реализации, стараясь при этом не обострять отношений с Италией. В своей ответной ноте от 28 ноября 1935 года итальянскому правительству¹⁷⁵ министерство иностранных дел отмечало, что оно серьезно обеспокоено создавшимся положением и желает способствовать скорейшему разрешению конфликта "в форме, способной удовлетворить все заинтересованные стороны".¹⁷⁶ Как член Лиги Наций, отмечалось далее в ответной ноте, Эстония обязана выполнять решения ее органов. Вследствие этого Эстония была вынуждена, "хотя и с великим сожалением, применить в отношении Италии, как дружественного государства, с которым у нее никогда не было разногласий, предусмотренные санкции". В ответ на иронический намек на псевдосуверенитет Эстонии, содержащийся в итальянской ноте, министерство иностранных дел подчеркнуло еще раз необходимость подчинения решениям Лиги Наций.

В ответной ноте, составленной министерством иностранных дел, не содержалось ни единого слова осуждения итальянской агрессии в Эфиопии. Указывалось лишь на то, что, начав войну, итальянцы нарушили 12 статью Устава Лиги Наций.¹⁷⁷

Итальянское правительство спокойно приняло присоединение Эстонии к санкциям, так как это не оказывало значительного влияния на экономику Италии, кроме того, у него были более важные проблемы для беспокойства. В отношении фашистов в буржуазной Эстонской республике не замечалось возникновения недружелюбия.¹⁷⁸

Доля Эстонии в санкциях выражалась, главным образом, в ос-

¹⁷⁴ "Esmaspäev", 13.okt. ja 8.dets.1935, 28.märts ja 27.juuni 1936; "Välis-Eesti Almanak", 1936, nr.1 ja 7; jt.

¹⁷⁵ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹⁷⁶ В первоначальном тексте вместо этого стояли слова: "для удовлетворения законных требований Италии" - наглядный пример действительной симпатии министерства иностранных дел.

¹⁷⁷ Текст устава см.: N. K a a s i k. Rahvasteliit. Tartu, 1933, lk.150-161.

¹⁷⁸ По данным ЦГАОР ЭССР.

лаблении торговых отношений с Италией. На основании официальных данных Лиги Наций показатели (в долларах США) были следующими:¹⁷⁹

Эстонский импорт из Италии

ноябрь 1934	14,0	ноябрь 1935	16,5
декабрь 1934	12,6	декабрь 1935	9,0
январь 1935	14,1	январь 1936	0,8
февраль 1935	12,9	февраль 1936	14,4
март 1935	16,2	март 1936	8,0
апрель 1935	16,8	апрель 1936	-

Эстонский экспорт в Италию

ноябрь 1934	24,6	ноябрь 1935	3,0
декабрь 1934	14,2	декабрь 1935	19,6
январь 1935	67,6	январь 1936	47,9
февраль 1935	6,0	февраль 1936	9,7
март 1935	24,8	март 1936	8,6
апрель 1935	23,3	апрель 1936	7,0

Таким образом, в период с ноября 1935 по апрель 1936, эстонский импорт из Италии, по сравнению с периодом с ноября 1934 по апрель 1935, уменьшился на 43,8%, и эстонский экспорт в Италию уменьшился на 40,3%. Окончательные итоги подведены Государственным Центральным Статистическим бюро после официального прекращения санкций. Они выразились в следующих цифрах (в кронах):¹⁸⁰

	<u>Эстонский экспорт</u> <u>в Италию</u>	<u>Эстонский импорт</u> <u>из Италии</u>
с I ноября 1934 - I июля 1935	I 068 000	703 000
с I ноября 1935 - I июля 1936	638 000	350 000

¹⁷⁹ League of Nations. Statistics of trade with Italy and the Italian colonies for the period November 1935 - January 1936 and the corresponding period of the preceding year. Geneva, April 9th, 1936, pp.10,12,40; League of Nations. Statistics of trade with Italy and the Italian colonies, III. December 1935-- March 1936. Geneva, June 2nd, 1936, pp.11,13,59.

¹⁸⁰ По данным ЦГАОР ЭССР.

Сокращение товарооборота с Италией не причинило экономике Эстонии сколько-нибудь значительного ущерба.¹⁸¹ Без особых трудностей удалось расширить торговые связи с другими государствами. Только в течение первых трех месяцев (ноябрь 1935 - январь 1936), по сравнению с соответствующим периодом годом раньше, импорт Эстонии из других стран увеличился на 19,8% и экспорт в другие государства на 18,1%.¹⁸² Во внешней торговле Эстонии все более возрастающую роль начала играть гитлеровская Германия,¹⁸³ которая не присоединилась к санкциям и постепенно снабжала Италию всем необходимым для ведения войны. Это обстоятельство еще более уменьшило практическое значение присоединения буржуазной Эстонии к санкциям.

В правящих кругах Англии и Франции было одобрено ограничение торговли с Италией. Однако тревога поднялась, когда выяснилось, что эстонский импорт из Италии в феврале 1936 года был на 1500 долларов выше чем в феврале 1935 г. 8 апреля 1936 года секретарь постоянного представительства в Лиге Наций Я. Кыдар запросил министерство иностранных дел, не имела ли места ошибка.¹⁸⁴ В ходе переписки между Таллином и Женевой, длившейся два месяца,¹⁸⁵ удалось выяснить, что вопрос заключался в 125 тоннах искусственного шелка, купленного фирмой Г. Херценберга у миланского завода "Итал-район". Договор был заключен в августе 1935 года и сразу же оплачен крахмалом и пшеницей.

К тому времени, когда была достигнута ясность относительно импорта февраля месяца, в международном масштабе уже возник вопрос о прекращении санкций. Весеннее наступление Италии, в ходе которого в большом количестве были применены отравляющие газы, сломило сопротивление эфиопских армий. Фашистским войскам удалось прорвать эфиопский фронт и 5 мая

¹⁸¹ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹⁸² League of Nations. Statistics of trade with Italy and the Italian colonies for the period November 1935 - January 1936, pp.16-17.

¹⁸³ О. С е р г е. Цит. соч., стр. 77-82.

¹⁸⁴ По данным ЦГАОР ЭССР

¹⁸⁵ По данным ЦГАОР ЭССР.

1936 года войти в Аддис Абебу.¹⁸⁶ Император Хайле Селассие I эмигрировал в Англию. Муссолини объявил войну оконченной.

Западные империалистические круги немедленно начали агитацию за прекращение санкций. Представляя интересы британских монополий, Л.С. Эмери, В. Черчилль, Н. Чемберлен и другие лидеры консервативной партии требовали отказа от всех мер экономического воздействия в отношении Италии.¹⁸⁷ 16 июня 1936 года "Совет Мира и дружбы между Англией и Италией" организовал в Лондоне большой митинг за прекращение санкций.¹⁸⁸ Двумя днями позднее министр иностранных дел Англии А. Иден декларировал в нижней палате парламента о решении правительства прекратить санкции.¹⁸⁹ На ту же позицию встало правительство Франции в своей внешнеполитической декларации.¹⁹⁰ 20 июня 1936 года правительство США прекратило эмбарго на оружие.¹⁹¹

В создавшемся положении свою точку зрения пришлось принять и правительству Советского Союза. Позиция империалистических держав, сорвавшая разрешение проблемы разоружения и организацию коллективного сопротивления агрессору, фактически поощрявшая итальянскую колониальную экспансию и направленная против территориальной целостности и национальной независимости Эфиопии, эта позиция привела к тому, что применение экономических санкций не оказало должного эффекта. Теперь эти государства декларировали об отказе от санкций. В этих условиях продолжение применения санкций для Советского Союза означало бы попасть в неблагоприятное положение.

Выступая 1 июля 1936 года на заседании Ассамблеи Лиги Наций, руководитель делегации СССР М.М. Литвинов проанализировал причины, приведшие к аннектированию Эфиопии Италией, и присоединился к точке зрения о необходимости прекращения санкций. При этом он подчеркнул важность определения понятия

¹⁸⁶ См. подробнее: Angelo del Boca. Цит. соч., стр.125-156.

¹⁸⁷ Gaetano Salvemini. Цит. соч., стр. 451-453.

¹⁸⁸ Там же, стр. 462.

¹⁸⁹ "The Times", 19. juuni 1936.

¹⁹⁰ International conciliation, p. 433.

¹⁹¹ Frank P. Chambers jt. Цит. соч., стр. 511.

агрессии, создание системы коллективной безопасности, превращения в обязанность применение санкций и дальнейшего укрепления Лиги Наций.¹⁹² 4 июля Ассамблея Лиги Наций проголосовала за аннулирование санкций.¹⁹³ Официально применение санкций было прекращено 15 июля.¹⁹⁴

Получив от Я. Кыдара информацию о решении Ассамблеи Лиги Наций,¹⁹⁵ министр иностранных дел Эстонии Фридрих Акель¹⁹⁶ 9 июля 1936 года предложил правительству немедленно провести это решение в жизнь.¹⁹⁷ 10 июля правительство приняло это предложение.¹⁹⁸

О дальнейших контактах Эстонии с Эфиопией

После прекращения санкций эстонская буржуазия полностью восстановила свои экономические отношения с фашистской Италией. Зондирование почвы в министерстве иностранных дел Италии¹⁹⁹ подтвердило наличие благоприятных перспектив для дальнейшего расширения этих связей. 6 октября 1936 г. в Риме был подписан торговый и налоговый договор, который значительно расширил товарооборот между обеими странами.²⁰⁰ Несколько месяцев спустя директор политического отдела министерства иностранных дел Н. Каазик писал, что приходится сожалеть об участии Эстонии в экономических санкциях против

¹⁹² Документы внешней политики СССР, т. 19, стр. 329-335.

¹⁹³ "Rahvaleht", 6. juuli 1936.

¹⁹⁴ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹⁹⁵ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹⁹⁶ Ф. Акель был назначен министром иностранных дел в июне 1936 г.

¹⁹⁷ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹⁹⁸ По данным ЦГАОР ЭССР.

¹⁹⁹ По данным ЦГАОР ЭССР.

²⁰⁰ "Riigi Teataja", 1936, nr.86, lk. 1848-1850.

Италии и о том, что Эфиопия до сих пор осталась членом Лиги Наций.²⁰¹

Изменился и тон эстонских буржуазных газет. Уже весной 1936 года стали появляться статьи, в которых ясно проявилась враждебная к Эфиопии позиция. 15 мая газета "Рахвалехт" опубликовала сообщение о том, что в Эфиопии, якобы, существует ганнибализм.²⁰² 4 июля в газете "Олевик" появилось краткое изложение работы профессора римского университета Г.Ч. Баравелли, написанной с расистских позиций, "Последний оборонительный вал рабства. Абиссиния."²⁰³ под заглавием "Страна ужасов. Заслуживала ли Абиссиния поддержки культурного мира?"²⁰⁴

Аннексия Эфиопии со стороны Италии прервала и без того слабые и эпизодические контакты Эстонии с Эфиопией почти полностью. Лишь в 1937 году в Эстонию прибыло 380 килограммов эфиопского кофе всего на сумму 528 крон.²⁰⁵ Оба эстонца, проживавшие в Эфиопии, были вынуждены покинуть страну. Г. Лейес отправился уже в 1936 году в Южную Африку.²⁰⁶ В. Хендриксон же, после непродолжительной попытки приспособиться к итальянской оккупации, уехал в 1937 году в Аден.²⁰⁷ В конце следующего года он посетил Эстонию, располагая новыми сведениями об Эфиопии, где происходила упорная партизанская война против оккупантов.²⁰⁸ В своем интервью газете "Сакала"²⁰⁹ он уверенно заметил, что оккупация еще не означает конца войны

201 N. K a a s i k . V ä l i s p o l i i t i l i s i k ü s i m u s i . K o g u t e e s "V ä i d u p ü h a". Tallinn, 1937, lk. 13-15.

202 "Rahvaleht", 15.mai 1936.

203 G.C. B a r a v e l l i . Das letzte Bollwerk der Sklaverei. Abessinien. Roma, 1935.

204 "Olevik", 4.juuli 1936.

205 По данным ЦГАОР ЭССР.

206 "Välis-Eesti Almanak", 1936, nr. 7, lk. 198-199.

207 "Välis-Eesti Almanak", 1939, nr. 2, lk. 38.

208 "Välis-Eesti Almanak", 1939, nr. 4, lk. 131-136.

209 "Sakala", 16.dets. 1938.

и капитуляции эфиопов. Он оказался прав. С годами на базе мелких боевых отрядов возникли крупные партизанские армии, сыгравшие существенную роль в разгроме итало-фашистских войск в Восточной Африке в 1941-1942 гг.²¹⁰ Фашистская авантюра, как ее с самого начала называли итальянские коммунисты, потерпела в Эфиопии закономерный крах.

Вторая мировая война, успехи социализма и ослабление империализма оказали свое влияние и на Эфиопию. Изменения в социально-экономических отношениях, которые вначале были мало заметными, привели в первой половине 70-х годов к революционным преобразованиям. Монархия была свергнута и Эфиопия вступила на путь глубоких социально-экономических преобразований.

В 1940 году произошло принятие Эстонии в семью народов Советского Союза. Это открыло новую главу в истории контактов эстонского народа с Эфиопией. В качестве полноправной союзной республики Эстония участвовала в июле 1944 года делегации в установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Эфиопией.²¹¹ Эстонская ССР внесла свой вклад в развитие экономических отношений между Советским Союзом и Эфиопией, которые приняли широкие размеры на основании заключенного 11 июля 1959 года в Москве торгового соглашения.²¹² Если в 1960 г. товарооборот между Советским Союзом и Эфиопией составлял 1,2 миллиона рублей, то к 1965 году он возрос уже до 9,3 миллионов рублей.²¹³ Торговый договор 13 января 1961 года дополнился соглашением о культурном сотрудничестве.²¹⁴

В составе Советского Союза эстонскому народу открылась возможность посредством литературы и периодики на русском языке познакомиться со всеми аспектами жизни эфиопского народа. Знания эстонцев об Эфиопии значительно расширились.

²¹⁰ См. Д.Р. В о б л и к о в. Цит. соч., стр. 132-140.

²¹¹ Принципиальная договоренность об установлении дипломатических отношений между Советским Союзом и Эфиопией существовала уже в марте 1936 г. (Документы внешней политики СССР, т. 19, стр. 184).

²¹² СССР и страны Африки 1946-1962 гг. Документы и материалы, I, М., 1963, стр. 456-458.

²¹³ Африка. Статистический сборник. М., 1969, стр. 226.

²¹⁴ СССР и страны Африки 1946-1962 гг. Документы и материалы, II, М., 1963, стр. 155-158.

Понятно, что в Эстонской ССР с большим интересом следят за процессом революционных преобразований в Эфиопии, центральным вопросом которого, как отметил Л.И. Брежнев, является "позиция крестьянства, составляющего там большинство населения".²¹⁵ Программа Коммунистической Партии Советского Союза подчеркивает: "Интересы нации требуют уничтожения остатков колониализма, выкорчевывания корней господства империализма, вытеснения иностранных монополий, создания национальной промышленности, упразднения феодальных порядков и пережитков, проведения радикальных аграрных преобразований с участием всего крестьянства и в его интересах, осуществления самостоятельной миролюбивой внешней политики, демократизации общественной жизни, укрепления политической независимости".²¹⁶

События последних лет в Эфиопии подтверждают жизненность этого утверждения.

²¹⁵ Л.И. Брежнев. За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. М., 1969, стр. 27.

²¹⁶ Программа Коммунистической Партии Советского Союза. М., 1968, стр. 45.

THE BOURGEOIS ESTONIA'S ATTITUDE TOWARDS
THE ITALIAN FASCIST AGRESSION IN ETHIOPIA
(in 1935 and 1936)

O. Klaassen

S u m m a r y

The conflict between Italy and Ethiopia was in the centre of attention of the Estonian public in the middle of 30-s of the 20th century. Estonian democratic circles expressed their sympathy for Ethiopia. Only some pro-fascist groups tried to justify Italian aggressive intentions.

Estonia had diplomatic relations with Italy (since 1921) and regular commercial relations which increased considerably since early 30-s. But the political and commercial contacts with Ethiopia were rather casual; there were but two Estonians who had lived in Ethiopia for a longer period - Voldemar Hendrikson and Georg Leies.

When the war between Italy and Ethiopia broke out the majority of Estonians sympathized with Ethiopia. The Estonian Communist Party condemned the fascist aggression. The bourgeois Estonian government whose foreign policy of these years based its orientation on Great Britain joined the sanctions against Italy proclaimed by League of Nations. This resulted in the decrease of export to Italy by 40 per cent and import from Italy by 50 per cent. Nevertheless Estonia's participation in the sanctions did not lead to breaking up of diplomatic or commercial relations with Italy. But relations with Ethiopia were almost entirely broken up in 1936.

О ВОЗНИКНОВЕНИИ СОЛДАТСКОГО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА В РИМЕ

М. Тянава

Происхождение римской профессиональной армии обычно связывают с военной реформой Гая Мария (конец II в. до н.э.). Тем не менее, на наш взгляд, имеющиеся в распоряжении исследователя источники – главным образом труд Ливия – указывают на наличие зачатков некоторых черт солдатского профессионализма в Римской республике еще до эпохи Мария.

Первым симптомом начала превращения гражданского войска классического полиса в профессиональную армию, видимо, можно считать тот момент, когда определенные категории гражданства оказываются заинтересованными в войне.¹ Оплата военной службы, а также надежда на получение добычи и других материальных благ (земли) становится главным стимулом такому гражданину для участия в походе.

Предпосылкой возникновения этого нового явления были, в первую очередь, глубокие перемены в результате развития рабовладения в социально-экономической жизни римского общества: во II в. до н.э. для некоторых групп граждан военная служба стала весьма важным источником существования. Отсюда субъективный фактор возникновения профессионализма – личная заинтересованность в военной службе и вызванное этим развитие добровольности.² С другой стороны, профессионализация войска было бы трудно объяснить без учета изменения характера войн и самой армии как чисто военной организации.³ В условиях II в. до н.э. Рим уже не мог полагаться на образуемое от случая к случаю и затем распускаемое войско, а вынужден был постоянно иметь готовые легионы в различных частях империи. В случае необходимости, когда предстояла более крупная война, создавались дополнительные военные силы. Но и они уже

¹ См. Л.П. Мариневич. Наемники в период Пелопоннесской войны. – "Вестник древней истории", 1968, № 4, стр. 88-89.

² Вопрос о роли добровольности в военной организации Римской республики автор надеется рассмотреть более подробно в отдельной статье.

³ См. об этом подробнее М. Тянава. К вопросу о возникновении постоянной армии в Римской республике. – Труды кафедры всеобщей истории, I. Тарту, 1970, стр. 50-75.

не были похожи на армию прежних времен, поскольку их держали под знаменами много лет подряд, как правило, до конца войны. Иногда эти легионы оставались еще на несколько лет в завоеванной стране. В прошлом, когда войны велись в самой Италии, каждый гражданин имел ясное представление о цели и важности похода, он чувствовал, что борется за свой дом и за свою землю. Теперь, когда военные действия были перенесены далеко от Италии, цели войны зачастую оставались непонятными солдату. В таких условиях единственным стимулом при поступлении в армию становилась личная материальная заинтересованность, желание извлечь из войны как можно больше выгоды для себя. В долговременные периоды военной службы в далеких провинциях или во время затяжных войн в заморских странах складывалась характерная для солдата-профессионала психология, резко отличающаяся от психологии воина периода гражданской милиции.

Во времена Полибия, т.е. в середине II в. до н.э. легионер получал в день два обола, что в пересчете на римские денежные единицы того времени составляло около 5 ассов в день или 180 денариев в год.⁴ Центурионы и всадники получали соответственно в два и три раза больше. Из этой суммы производились вычеты за выдаваемые государством продовольствие, одежду и оружие.⁵ Какую часть этой первоначальной суммы выплачивали солдату на самом деле, точно неизвестно. Можно только утверждать, что солдат обычно получал не меньше половины номинальной платы. Это явствует из одного случая, произошедшего в 180 г. до н.э., когда весь легион из-за нарушений дисциплины сенат решил наказать, урезав полугодовое жалование.⁶ Если бы солдаты получали меньше половины, такое наказание не имело бы смысла. Поэтому трудно согласиться с Паркером, который утверждает, что фактически солдатам выплачивали значительно меньше половины номинальной суммы.⁷ Никаких аргументов для подтверждения своей точки зрения он не приводит.

⁴ G.R. Watson. The Pay of the Roman Army: the Republic. - "Historia", Bd. VII, Heft 1, 1958, p. 117.

⁵ Polyb., VI, 39, 15.

⁶ Liv., XL, 41, 11.

⁷ H.M.D. Parker. The Roman Legions. New York, 1958, p. 214.

Только что упомянутый случай из армейской жизни позволяет сделать еще один, притом более важный вывод. Факт урезания солдатского жалования в качестве меры наказания показывает, что оплата имела жизненно важное значение для солдат. О том же свидетельствует и практика увеличения жалования в целях поощрения. Например, Лиций Корнелий Сципион дважды выдавал своим солдатам жалование в двойном размере: в первый раз после битвы при Магнезии, во второй раз после триумфа над Антиохом (189 г. до н.э.).⁸ В 187 г. до н.э. двойное жалование получили воины Гнея Манлиция после его триумфа над галатами.⁹ Приведенные факты указывают на то, что во II в. до н.э. солдатское жалование уже рассматривалось как плата за участие в военных походах, как вознаграждение солдата за его "труд".

Для гражданина прошлого времени участие в походах означало исключительно выполнение его гражданского долга, причем жалование, которое до начала III в. до н.э., вероятно, выдавали еще в натуральном виде, служило лишь небольшим дополнением к его постоянному доходу с земельного участка. Иное дело гражданин II в. до н.э., для которого военная служба, отрывавшая его на долгие годы от мирной жизни, была не просто выполнением его гражданского долга, но стала своего рода работой, а для многих даже профессией, требовавшей должного вознаграждения. Отсюда новое отношение к оплате и со стороны солдат, и их командиров.

Со времени Второй пунической войны в источниках неоднократно упоминается о щедрых раздачах легионерам как в ходе войны, так и во время триумфа. Согласно Полибию, грабеж и деление добычи происходили следующим образом.¹⁰ После взятия города, в зависимости от его величины, для грабежа из каждого манипула выделялось определенное количество солдат или же на грабеж шли целыми манипулами, но никогда для этой цели не назначалось больше половины войска. Солдаты, выделенные для грабежа, сносили добычу в одно место к своему легиону, после чего военные трибуны делили ее поровну между всеми солдата-

⁸ Liv., XXXVII, 59, 6.

⁹ Liv., XXXIX, 7, 2.

¹⁰ Polyb., I, 16.

ми. Перед выступлением в поход военные трибуны даже принимали у солдат специальную клятву в том, что никто не будет воровать или утаивать найденное добро.¹¹

Обычай раздачи военной добычи существовал и раньше, но широкое распространение этого явления и резкое увеличение раздаваемых сумм были новыми явлениями. Это вызвало возмущение со стороны поборника чистоты римских нравов Катона Старшего. Находясь в 202 г. до н.э. в качестве квестора при Сципионе в Сицилии и видя, что полководец щедро раздает солдатам деньги, он упрекал его за то, что тот губит исконную римскую простоту и приучает солдат к удовольствиям и изнеженности.¹² Катон даже подал на Сципиона жалобу в сенат, отправившего в Сицилию комиссию народных трибунов для расследования этого дела. Однако Сципион убедительно доказал им, что его щедрость никак не означает легкомыслия по отношению к военным делам, и после этого спокойно отплыл в Африку. Вернувшись в Рим после победы над Карфагеном в 201 г. до н.э., он раздал воинам из добычи по 400 ассов.¹³ И сам Катон, оказавшись в роли полководца, вынужден был делать то же самое, за что недавно критиковал Сципиона. Будучи консулом в Испании в 196 г. до н.э., он обильно раздавал добычу своим солдатам, которые изрядно наживались.¹⁴ Празднуя свой триумф над Испанией в 194 г. до н.э., он кроме того раздал каждому солдату по 270 ассов, а всадникам - втрое больше.¹⁵ Согласно Плутарху, воины Катона получили даже по фунту серебра.¹⁶

Награждение солдат после триумфа за участие в походах становится, судя по приведенным у Ливия сведениям, обычным явлением. Луций Корнелий Лентул после овации по случаю побед в Испании в 200 г. до н.э. раздал воинам по 120 ассов.¹⁷ Гай Корнелий Цетег и Квинт Минуций после побед над галлами и ли-

¹¹ Polyb., VI, 33, 2.

¹² Plut., Cato Maior, 3.

¹³ Liv., XXX, 45, 3.

¹⁴ Plut., Cato Maior, 10.

¹⁵ Liv., XXXIV, 46, 3.

¹⁶ Plut., Cato Maior, 10.

¹⁷ Liv., XXXI, 20, 7.

гурами в 197 г. до н.э. наградили воинов 70 ассами, центурионов и всадников 140 ассами.¹⁸ Марк Клавдий Марцелл, празднуя триумф над галлами в 196 г. до н.э., наделил каждого пехотинца 80 ассами, а всадников и центурионов - 240 ассами.¹⁹ Тит Квинкций Фламиний после триумфа над Македонией в 194 г. до н.э. роздал пехотинцам по 250 ассов, центурионам - вдвое и всадникам - втрое больше.²⁰ Публий Корнелий Насика после побед над боями в 191 г. до н.э. дал воинам по 125 ассов каждому, по 250 - центурионам и по 375 всадникам.²¹ После триумфа Луция Корнелия Сципиона над Антиохом в 189 г. до н.э. воины получили по 25 денариев, центурионы - по 50 и всадники по 75 денариев.²² Марк Фульвий, после победы над этолийцами в 187 г. до н.э., роздал воинам по 25 денариев каждому,²³ а его коллега по консульству Гней Манлий после над галатами дал каждому по 42 денария.²⁴ Квинтом Фульвием Флакком в 180 г. до н.э. было роздано каждому воину по 50 денариев,²⁵ им же в 179 г. до н.э. - по 300 ассов,²⁶ Тиберием Семпронием Гракхом в 178 г. до н.э. - по 25 денариев,²⁷ Гаем Клавдием Пульхером в 177 г. до н.э. - по 15 денариев.²⁸ Во всех случаях центурионы, как правило, получили вдвое, а всадники втрое больше. Из добычи, награбленной в Эпире (167 г. до н.э.), солдатам Эмилия Павла было роздано по 200 денариев

18 Liv., XXXIII, 23, 7, 9.

19 Liv., XXXIII, 37, 12.

20 Liv., XXXIV, 52, 11.

21 Liv., XXXIV, 40, 13.

22 Liv., XXXVII, 59, 6.

23 Liv., XXXIX, 5, 17.

24 Liv., XXXIX, 7, 2.

25 Liv., XL, 43, 5.

26 Liv., XL, 59, 2.

27 Liv., XLII, 7, 3.

28 Liv., XLII, 13, 7.

и всадникам - по 400,²⁹ а после триумфа в Риме они получили еще по 100 и по 300 денариев соответственно.³⁰ Солдаты Луция Ацилия после победы над иллирийцами в 167 г. до н.э. получили по 45 денариев каждый.³¹

Поступавший в армию желал, чтобы его зачислили в как можно более легкий и безопасный поход,³² но, непременно, в такой, который сулил обильную добычу. Например, в начале Третьей македонской войны, в 171 г. до н.э. было много добровольцев, потому что они помнили разбогатевшими тех, кто участвовал в предшествующих войнах в Македонии и Азии.³³ Так было и в начале Третьей пунической войны (149 г. до н.э.), когда ввиду явной надежды на легкую победу не было недостатка в добровольцах.³⁴ Целью каждой войны в глазах солдат становился захват добычи. С этим фактом был вынужден, правда поневоле, согласиться и Катон. По словам Плутарха, он сказал: "Я не порицаю тех, кто старается обратить войну в средство наживы, но я предпочитаю соревноваться с доблестными в доблестях, чем с богатыми в богатствах или же с корыстолюбивыми в корыстолюбии".³⁵

Превращение войны в средство наживы отразилось и на общем падении чувства дисциплины.³⁶ Учащались акты неповиновения командирам и другие нарушения военной дисциплины, которые нередко возникали на почве материальных интересов солдат, из-за неудовлетворения их профессиональных требований.

²⁹ Liv., XLV, 34, 5.

³⁰ Liv., XLV, 40, 5.

³¹ Liv., XLV, 43, 7.

³² App., Hisp., 49.

³³ Liv., XLII, 32, 6: multi voluntate nomina dabant, quia locupletes videbant, qui priore Macedonico bello aut adversus Antiochum in Asia stipendia fecerant.

³⁴ App., Lib., 75.

³⁵ Plut., Cato Maior, 10.

³⁶ J. Kromayer and G. Veith. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928, S. 332-335; A.J. Toynbee. Hannibal's Legacy. Vol. II, Oxford, 1965, p. 79-84.

Первый известный нам случай самовольного грабежа мирного населения относится ко времени войны с царем Эпира Пирром, когда один легион захватил город Регий и в течение десяти лет терроризировал его население.³⁷ Это было для того времени чрезвычайным происшествием и потому привело к строгому наказанию всего личного состава легиона (4000 человек были казнены на Римском форуме).

Со времени Второй пунической войны всякие нарушения дисциплины и даже мятежи стали частыми явлениями. Ливий рассказывает о мятеже в войсках Сципиона в Испании в 206 г. до н. э.³⁸ События развивались там следующим образом. В лагере римских войск недалеко от Сукрона, где находилось 8000 солдат, имело место общее разложение дисциплины. Одной из главных причин этого явилось недовольство солдат, привыкших к большой вольности и грабежу, строгими условиями гарнизонной службы, а также замедлением выплаты жалования.³⁹ "Если в Испании идет война, — рассуждали они, — что им тогда делать здесь, среди мирного населения? Если же война закончена и провинция покорена, почему тогда их не отправят в Италию?"⁴⁰ Солдаты начали самовольно выходить из лагеря и грабить окружающее мирное население, для защиты которого они, собственно, и находились там. Наконец, военные трибуны были изгнаны, и власть перешла в руки двух солдат, руководителей мятежа.

Требования, выдвинутые мятежниками, выглядят как вполне профессиональные. Солдаты не настаивали на том, чтобы они во что бы то ни стало были отпущены домой. Наоборот, они были готовы воевать, так как это сулило им добычу и обеспечивало своевременную выплату жалования. Получив ложные сведения о смерти Сципиона, солдаты намеревались, пользуясь общим смятением, потребовать деньги от союзных общин и разграбить со-

³⁷ Liv., XXVII, 28, 2-3.

³⁸ Liv., XXVIII, 24-29.

³⁹ Liv., XXVIII, 24, 6-8: quod in hostico laxius rapto suetis vivere artiores in pace res erant... Flagitatum quoque stipendium.

⁴⁰ Liv., XXVIII, 24, 7: Si bellum in provincia esset, quid sese inter pacatos facere? Si debellatum iam et confecta provincia esset, cur in Italiam non revehi?

седние города.⁴¹

Во время Сирийской войны, после капитуляции Фокей (190 г. до н.э.), солдаты, игнорируя приказ претора о сохранении жизни и имущества жителей, своевольно разграбили город.⁴² В 189 г. до н.э., после победы над Антиохом, римская армия во главе с консулом Гнеем Манлием вторглась во внутренние области Малой Азии.⁴³ Во время этого похода, который был назван "грандиозным разбойничьим набегом",⁴⁴ как солдаты, так и сам консул были охвачены всеобщей жадной наживы. После взятия крепости галльского племени толлстобогиев на горе Олимп, где галаты скрывались со своими женами, детьми и имуществом,⁴⁵ имело место нарушение клятвы о равном распределении добычи. В то время, как солдаты, непосредственно захватившие крепость, ушли преследовать неприятеля, подошел другой отряд, который вопреки запрету со стороны командира, незаконно присвоил всю добычу.⁴⁶ Упадок дисциплины, жадность, жажда роскоши, — все эти явления наблюдаются в римских войсках под Карфагеном,⁴⁷ в Испании⁴⁸ и, конечно, во время войны с Пугуртой.⁴⁹

Одним из симптомов зарождающегося профессионализма можно считать наделение ветеранов землей. Согласно сведениям Ливия,⁵⁰ в 201 и 200 гг. до н.э. сенат принял решения о награждении ветеранов, воевавших под командованием Сципиона в

⁴¹ Liv., XXVIII, 24, 16: in eo tumultu et sociis pecunias imperari et diripi propinquas urbes posse.

⁴² Liv., XXXVII, 32, 11-12.

⁴³ Liv., XXXVIII, 12-27; Polyb., XXI, 33-40.

⁴⁴ H. Bengtson. Grundriss der römischen Geschichte. Bd. I. München, 1970, S. 119.

⁴⁵ Liv., XXXVIII, 18, 15; Polyb., XXI, 37, 9.

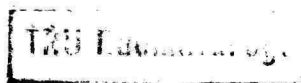
⁴⁶ Liv., XXXVIII, 23, 2-4.

⁴⁷ App., Lib., 115-117.

⁴⁸ App., Hisp., 84-85.

⁴⁹ Sall., Jug., 44.

⁵⁰ Liv., XXXI, 4, 1-3; 49, 5.

Испании и Африке, земельными участками в Италии. В 199 г. до н.э. было принято постановление о награждении и тех легионеров, которые много лет прослужили в Сицилии и Сардинии.⁵¹ Разделу подлежали государственные земли в Самнии и Апулии (видимо, конфискованные у изменивших Риму союзников), причем каждый ветеран должен получить по участку земли из расчета по два югера за каждый год военной службы. Через четверть века, в 173 г. до н.э. сенат вновь постановил наградить ветеранов, как полагают, в основном воинов из армии Гая Клавдия Пульхера и Тиберия Семпрония Гракха,⁵² земельными участками в недавно завоеванных Цизальпинской Галлии и Лигурии.⁵³ На этот раз римские граждане получили по десять югеров, а союзники — по три.

Вышеуказанные факты наделения ветеранов землей производились в индивидуальном порядке. Кроме того, во II в. до н.э. воины в награду за службу неоднократно получали наделы в колониях.⁵⁴ В 193 г. до н.э. в колонии Каstrум Френтинум было поселено 3000 пехотинцев и 300 всадников, которые получили соответственно по 20 и по 40 югеров земли.⁵⁵ В 192 г. до н.э. в колонии Ембоне поселили 3700 пехотинцев и 500 всадников. Первые получили надел в 15 югеров, а вторые — по 30.⁵⁶ В 190 г. до н.э. в колонии Бононии землю получили 3000 воинов, причем всадникам дали по 70 югеров, а остальным — по 50.⁵⁷ В 181 г. до н.э. в колонии Аквилее поселяются 3000 пехотинцев, получивших по 50 югеров земли. Центурионам и всадникам, число которых Ливий не называет, дали соответственно

⁵¹ Liv., XXXII, 1, 6.

⁵² A. McDonald. The History of Rome and Italy in the Second Century B.C. "Cambridge Historical Journal", Vol. VI, № 2, 1939, p. 135, n. 73

⁵³ Liv., XLII, 4, 3-5; ср. XII, 16, 8.

⁵⁴ И.Л. Маяк. Взаимоотношения Рима и итальянцев в III-II вв. до н.э. М., 1971, стр. 113-115, 119.

⁵⁵ Liv., XXXV, 9, 7-8.

⁵⁶ Liv., XXXV, 40, 5-6.

⁵⁷ Liv., XXXVII, 57, 7-8.

по 100 и по 140 игеров.⁵⁸ От периода с 173 г. до конца II в. до н.э. о наделении земельными участками воинов данных в источниках не сохранилось.

Наделение ветеранов земель во II в. до н.э. носило чисто спорадический и ограниченный характер. Не все ветераны Сципиона получили надел. Часть из них после возвращения из Африки продолжала службу в армии консула Сульпиция в Македонии.⁵⁹ Если принимать во внимание вышеприведенные данные Ливия, то выходит, что за период 193-181 гг. до н.э. землю получило около 14000 человек (максимум три легиона). С другой стороны, известно, что в тот же тринадцатилетний период Рим ежегодно имел от 8 до 13 легионов и, кроме того, за это время было распущено 29 легионов.⁶⁰ Следовательно, земель было наделено около 10% отпущенных воинов.

Несмотря на то, что наделение ветеранов земель во II в. до н.э. применялось в ограниченных масштабах и не имело еще того социального значения, как в будущем, оно, тем не менее, выявляет характерную тенденцию развития римской военной организации. Необходимо отметить то, что ветеранов наделали земель не просто как граждан полиса (выведение колоний широко практиковалось и раньше), но именно как солдат за их службу. Земельный участок рассматривался как награда за участие в войнах. В этом отражается процесс обособления солдат от остальной массы граждан. На наличие такого процесса указывает и то, что иногда за военную службу землю давали и союзникам, т.е. не гражданам (например, в 173 г. до н.э.).

Награждение ветеранов земель является свидетельством и того, что уже в начале II в. до н.э. среди отпускаемых из армии воинов было довольно много тех, кто не имел других источников существования, кроме получаемых за военную службу различных видов материального вознаграждения. Они или потеряли связь с землей во время длительной военной службы, или не имели ее еще до поступления в армию.

⁵⁸ Liv., XL, 34, 2-4.

⁵⁹ Liv., XXXI, 8,6.

⁶⁰ A. Afzelius. Die römische Kriegsmacht während der Auseinandersetzung mit den hellenistischen Grossmächten. - "Acta Jutlandica", XVI, 2, 1944, S. 37-47.

Показательным для периода после Второй пунической войны является жизненный путь центуриона Спурия Лигустина. Он — единственный римский солдат из простого народа, ход военной службы которого нам достаточно подробно известен. Ливий передает его речь, произнесенную перед собранием народа, где он рассказывает о себе.⁶¹ Спурий Лигустин — крестьянин-бедняк; отец оставил ему лишь югер земли и маленькую хижину. У него шесть сыновей и две дочери. Впервые его призвали в армию в 200 г. до н.э., он воевал пять лет в Македонии, из них два года простым солдатом; на третий год за свою храбрость он получил от Фламиния первое "повышение", стал центурионом десятого манипула гастатов. После демобилизации он сразу же добровольно вступает в армию Катона (195 г. до н.э.), под командованием которого он сражался год в Испании. В рядах этой армии он стал центурионом первой центурии гастатов. В третий раз он опять добровольцем пошел в то войско, которое было послано против этолийцев и Антиоха (191 г. до н.э.); консул Ацилий сделал его первым центурионом принципов. По окончании Сирийской войны, он продолжил службу в войсках резервных полководцев, в том числе под командованием Квинта Фульвия Флакка и Тиберия Семпрония Гракка дважды воевал в Испании, достигнув "звания" старшего центуриона легиона — принципа. К 171 г. до н.э., когда происходит действие рассказа Ливия, он прослужил в армии в общей сложности 22 года. Ему исполнилось к этому времени уже 50 лет. Тридцать четыре раза полководцы награждали его за храбрость, и он получил шесть гражданских венков.

Нет основания сомневаться в подлинности, пусть не слов, но самой сущности этого рассказа.⁶² До некоторой степени Спурия Лигустина можно считать типичным представителем определенной категории воинов II в. до н.э. Материальная заинтересованность, несомненно, являлась главным стимулом в его решении о вступлении добровольцем в армию. Типичным было и то, что прослужив в армии почти всю свою сознательную жизнь, он оставался только центурионом. Вершиной его военной карье-

⁶¹ Liv., XLII, 34.

⁶² М.Е. Сергеевко. Простые люди древней Италии. М.—Л., 1964, стр. 81.

ры было звание старшего центуриона — примипила. Офицерские посты в то время, как известно, были доступны лишь людям сенаторского и всаднического сословия. Приходится думать, что солдаты, подобные Спурию Лигустину, не были редкими для того времени, когда подавляющее большинство пехотинцев было из крестьян. Четыре взрослых сына Лигустина продолжили путь своего отца.⁶³

Центурионы-профессионалы, обладавшие богатейшим и разнообразным военным опытом, составляли ядро каждого легиона. Такие центурионы высоко ценились в глазах полководцев, так как именно они обеспечивали претворение в жизнь всех распоряжений высших командиров и от них в значительной мере зависел успех сражения. У таких центурионов выработалась своя профессиональная честь. В I71 г. до н.э., во время набора армии для войны с Македонией записалось много центурионов, в числе других двадцать три примипила.⁶⁴ Они коллективно требовали, чтобы их не понизили в звании, а назначили на те же должности, которые они занимали прежде.⁶⁵ Это выглядит вполне профессиональным требованием со стороны центурионов. Оно противоречило конституционному обычаю, согласно которому никакое воинское звание не закреплялось за гражданином. Кроме того, в данном случае центурионы не добивались никаких материальных выгод: жалование и доля военной добычи центурионов всех рангов были одинаковы. Примипилы как всякие профессионалы просто дорожили своим званием как высшим достижением их многолетней военной службы. То, что Спурий Лигустин в своей речи, вложенной в его уста Ливием, подал своим товарищам пример воинской дисциплины, заявив, что дело военных трибунов присудить ему звание, достойным которому они его сочтут,⁶⁶ сущности этого дела не меняет.

Предшествующее изложение еще не дает основания для вывода о существовании в Риме во II в. до н.э. профессиональной армии. Однако приведенные выше данные все же указывают на

⁶³ Liv., XLII, 34, 12, ср. 34, 4.

⁶⁴ Liv., XLII, 32, 7.

⁶⁵ Liv., XLII, 33, 3: ne inferiores iis ordines, quam quos, cum militassent, habuissent, adtribuerentur.

⁶⁶ Liv., XLII, 34, 13-14.

определенную тенденцию развития римской военной организации. Начинает образовываться прослойка людей, для которых служба в легионах становится если не единственным, то весьма важным источником существования. Такие люди все больше обособляются от остальных граждан. Военная служба постепенно перестает быть естественной, само собой разумеющейся обязанностью каждого римского гражданина.

Конечным результатом этого процесса было превращение римской армии в своего рода корпорацию, имеющую свою идеологию, свой корпоративный дух, свою солдатскую профессиональную честь.⁶⁷ Такая армия сложилась в I в. до н.э. При Цезаре солдаты уже чувствовали себя обиженными, если полководец называл их не воинами, а гражданами (квиритами).⁶⁸ Начало вышеупомянутого процесса, имевшего своим результатом превращение римского гражданского ополчения в профессиональную армию можно отнести ко II в. до н.э. или даже к концу III в. до н.э.

⁶⁷ См. С.Д. Утченко. Кризис и падение Римской республики, М., 1965, стр. 174-197.

⁶⁸ Suet., Iul., 70.

ÜBER DIE ENTSTEHUNG DER BERUFSARMEE IM ALTEN ROM

M. Tánava

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die Entstehung einer berufsmäßigen Armee in Rom wird gewöhnlich mit der Militärreform von Marius in Verbindung gesetzt. In dem vorliegenden Aufsatz hat man zu zeigen vermehrt, daß etliche Anzeichen von der Berufsmäßigkeit in der Römischen Armee bereits lange vor der Marius'schen Zeit vorhanden waren. Als eine Vorbedingung dazu galt die Tatsache, daß infolge des Wuchses der Fronwirtschaft der Militärdienst für die verarmten Bürger an Wichtigkeit gewann, manchmal sogar zum einzigen Modus, seinen Lebensunterhalt zu verdienen, wurde. Hieraus erfolgt ihr persönliches Interesse für den Militärdienst und für die damit verbundene Freiwilligkeit. Andererseits diente als Vorbedingung zur Berufsmäßigkeit das allmähliche Werden des Römischen Heers zu einer permanenten Armee, da der Staat genötigt war, seine Truppen dauernd in den Provinzen zu halten. Als Hauptziel zum Eintritt ins Heer dienten verschiedene materielle Vorteile (Sold, Kriegsbente, Geschenke seitens der Heerführer, Verteilung des Landes unter Veteranen). Immer häufiger werden die Verletzungen der Militärdisziplin und sogar Revolten, die alle mit den materiellen Forderungen der Soldaten eng verbunden sind. Charakteristisch für die dem 2. Punischen Kriege folgende Periode wird der Lebenslauf des berufsmäßigen Soldaten Spurius Ligustinus, der im Heere insgesamt 22 Jahre Kriegsdienst leistete. Dies beweist daß es sich bereits in der 1. Hälfte des II. Jhrhdts eine Schicht von Bürgern ausgebildet hatte, deren lebenswichtige Interessen im Kriegsdienste steckten.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗМЕНЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА
РИМСКОЙ АРМИИ (II в. до н. э.)

М. Тянава

Э. Габба в 1949 г. показал, что в результате постепенного снижения минимального имущественного ценза с 11000 ассов до 1500 ассов процесс пролетаризации римской армии во II в. до н.э. далеко продвинулся еще до так называемой военной реформы Мариа.¹ Не подвергая сомнению основной вывод итальянского историка, автор данной статьи имеет своей целью указать и на некоторые другие пути проникновения пролетарских элементов в состав римских легионов, а также критически пересмотреть отдельные вопросы снижения имущественного ценза.

Согласно реформы, приписываемой Сервию Туллию, служба в легионах возлагалась на зажиточных граждан, собственников земли. Те из граждан, имущество которых оценивалось ниже уровня пятого сервианского класса, как правило, в походах не участвовали. Еще в III в. до н.э. римская армия в подавляющем большинстве состояла из крестьян, собственников земли. Это соответствовало социально-экономическим условиям эпохи. Но начиная с конца III - начала II в. до н.э., когда рабовладельческое хозяйство стало вытеснять мелкое крестьянское производство, а, с другой стороны, Рим ощущал все возрастающую потребность в войсках, неминуемым стало ослабление этого принципа. В условиях II в. до н.э. Римское государство уже не могло обходиться без привлечения в состав легионов в какой-то мере тех слоев гражданского коллектива, которые по господствующим традициям из-за своей бедности считались неподходящими к военной службе.

В трудах античных авторов встречаются два параллельных названия беднейших граждан, имущество которых не соответствовало минимальному цензу: *proletarii* и *capite censi*.² Со-

¹ E. G a b b a. Le origini dell'esercito professionale in Roma: i proletari e la riforma di Mario. - "Athenaeum", N.S., vol. XXVII, 1949, p. 173-209.

² Обзор античной традиции по этому вопросу вместе с цитатами источников см. /В./ Kübler. Capite censi, Paulys Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft (=RE). Bd. III. Stuttgart, 1899, Sp. 1521-1523.

гласно Цицерону³ и Фесту⁴, эти названия обозначали людей одного и того же социального статуса. Только Геллий делает разницу между ними. Согласно его определению, к разряду пролетариев относились граждане, имущество которых оценивалось от 375 до 1500 ассов, а к *capite censi* - менее 375 ассов⁵. Это место у Геллия еще не нашло окончательного объяснения, также как и вопрос о происхождении обоих рассматриваемых терминов. Самый простой и в то же время логичный ответ на последний вопрос заключается в том, что пролетариями назывались те из беднейших граждан, которые могли быть полезны государству хоть тем, что они воспитывали своих детей (*proles*), тогда как остальные могли заявлять цензору только о своей "голове" (*caput*)⁶.

Вопрос о юридической разнице между этими категориями граждан (если она вообще существовала), не имеет непосредственного отношения к теме данной работы. Главное в том, что как те, так и другие по обычаю, восходящему к предполагаемой реформе Сервия Туллия, были освобождены от службы в легионах и в обыкновенном порядке не подлежали набору. Об этом сообщают многие античные писатели.⁷ В дальнейшем автор настоящей работы будет называть всю эту группу граждан пролетариями.

Сообщения источников об освобождении пролетариев от военной службы все же нельзя понимать дословно. В тимократическом устройстве Сервия Туллия пролетарии были оставлены в стороне от участия в походах из-за того, что они не были способны сами вооружить и содержать себя во время похода. Когда позднее государство начало выдавать легионерам вооружение и выплачивать им жалование, не было юридических препятствий, чтобы на тех же условиях привлекать к военной службе и пролетариев. Геллий приводит отрывок из "Анналов"

³ *Cic., de rep., II, 22, 40.*

⁴ *Fest., p. 226 M.*

⁵ *Gell., XVI, 10, 10.*

⁶ См., например, *O. Hackl. Die sogenannte Servianische Heeresreform. Diss., München, 1959, S. 14.*

⁷ *Liv., I, 43, 8; Dion. Hal., IV, 18, 2; Gell., XVI, 10, 11, 14; Val. Max., II, 3, 1; Sall., Jug., 86, 2; Plut., Mar., 9.*

Энния, где говорится о снабжении пролетариев щитами и мечами за счет государства.⁸ Далее он пишет, что по необходимости, когда ощущалась нехватка солдат, пролетариям давали оружие за общественный счет.⁹

Согласно Полибию, граждане, имущественный ценз которых был ниже минимального, были обязаны служить во флоте.¹⁰ Впервые пролетариев в массовом порядке призывали на службу во флоте в период Первой пунической войны, когда и был, по существу создан римский военный флот. В конце войны флот Рима насчитывал до 700 кораблей, команды гребцов которых состояли по преимуществу из пролетариев.¹¹ Еще в период ранней империи служба во флоте считалась менее почетной для полноправного гражданина. Например, во время гражданских войн после смерти Нерона моряки одного флота требовали, чтобы их перевели в число легионеров. Их требование было удовлетворено, а на их место поставили далматов.¹²

Таким образом, государственное право Рима не предусматривало полного и безоговорочного исключения пролетариев от участия в защите гражданской общины. Однако в силу укоренившейся традиции, включение их в состав сухопутной армии рассматривалось как чрезвычайное мероприятие. Обыкновенному набору, где критерием боеспособности гражданина (с государственноправовой точки зрения) считался имущественный ценз пятого сервианского класса, пролетарии не подлежали.

Пролетарии наряду с остальными гражданами подвергались набору в моменты, когда государство находилось в опасности из-за мятежа или нападения врага и когда было объявлено военное положение (*tumultus*).¹³ Вооружались они тогда за счет государства. Ливий пишет об образовании так называемых

8 Gell., XVI, 10, 1: *proletarius publicitus scutisque ferroque ornatur.*

9 Gell., XVI, 10, 13: *nam et asperis reipublicae temporibus, cum iuventutis inopia esset, in militiam tumultuariam legebantur, armaque is sumptu publico praebebantur.*

10 Polyb., VI, 19, 2.

11 A. Heuss. *Der erste punische Krieg und das Problem des römischen Imperialismus.* Berlin, 1970, S. 70.

12 Tac., *Hist.*, III, 50.

13 Gell., XVI, 10, 11: *neque proletarii neque capite censi milites nisi in tumulto maximo scribebantur.* Ср. XVI, 10, 13.

чрезвычайных армий уже в период ранней республики.¹⁴ Однако вряд ли в те времена доля пролетариев в этих армиях могла быть особенно большая. Первые прямые указания о приеме в армию пролетариев происходят от времени войны с Пирром.¹⁵ Иной характер набор *milites tumultuarii* (*subitarii*) имел в условиях II в. до н.э. При наличии возрастающих трудностей с комплектованием легионов, объявление чрезвычайного набора зачастую являлось для правительства единственным выходом, чтобы обеспечить нужное количество воинов. При чрезвычайном наборе в состав армии можно было включить и пролетариев, которые в нормальной обстановке не были обязаны явиться по набору.

В 201 г. до н.э. консул Публий Элий для подавления восстания галльского племени боев, вторгшихся во владения римских союзников в Цизальпинской Галлии, сформировал чрезвычайную армию в составе двух легионов.¹⁶ В 198 г. до н.э. городской претор Луций Корнелий Лентул, получив известие о начале восстания рабов в Сетии, поспешно набрал с помощью пяти легатов почти двухтысячное войско из крестьян, которых он застал на полях.¹⁷ В 193 г. до н.э. сенат был неоднократно вынужден объявлять чрезвычайный набор. В начале года, когда в Риме узнали о нападении лигуров на римские колонии и о готовящемся восстании боев, сенат объявил государство на положении мятежа.¹⁸ Двум городским легионам было приказано выступить в течение десяти дней, а вместо них были сформированы в Риме два новых легиона. Были отклонены просьбы тех солдат городских легионов, которые за выслугу лет или по болезни через народных трибунов добивались их освобождения. Консулу этого года Луцию Корнелию Сципиону было дано право на пути в провинцию как в городах, так и в деревнях делать солдатами и

¹⁴ *Liv.*, III, 4, 11; VIII, 11, 10.

¹⁵ *Liebenam*, *Dilectus*, RE, Bd. V, Stuttgart, 1905, Sp. 605.

¹⁶ *Liv.*, XXXI, 2, 5-6: *duabus legionibus subitariis tumultus eius causa scriptis*

¹⁷ *Liv.*, XXXII, 26, 11-12: *obvios in agris sacramento rogatos arma capere et sequi cogebat. Hoc tumultuario dilecto duobus milibus ferme hominum armatis... Setiam venit.*

¹⁸ *Liv.*, XXXIV, 56.

вооружать всех, кого он считал пригодными.¹⁹ В том же году, когда у римлян были большие потери в Испании, назначенный туда претор Гай Фламиний на пути в свою провинцию, по разрешению сената, производил чрезвычайные наборы в Сицилии, в Африке (там в его армию поступили некоторые оставшиеся там воины Дублия Корнелия Сципиона), а также в самой Испании.²⁰ В 192 г. до н.э., когда в Риме опасались нападения флота Антиоха III на Сицилию, претору Марку Фульвию, которому была поручена защита острова, было предписано сенатом набрать на Сицилии в чрезвычайном порядке до 12 тысяч пехотинцев и 400 всадников.²¹ В 181 г. до н.э., когда тяжелое положение в Лигурии требовало скорейшего отправления туда обоих консулов, а эпидемическая болезнь препятствовала нормальному комплектованию легионов, консулам разрешили взять с собой воинов, набранных на основе закона о чрезвычайном положении.²² Претору Квинту Петелию было приказано в том же порядке набрать два легиона, причем он имел право подвергнуть призыву всех граждан моложе пятидесяти лет.²³ В 178 г. до н.э., после получения известий (на самом деле ложных) о гибели всей римской армии в битве с истрийцами, по всей Италии был объявлен чрезвычайный набор, в ходе которого поспешно были сформированы два легиона.²⁴ После 178 г. до н.э. неизвестно о новых случаях объявления *tumultus*. Рассказ Ливия, как известно, обрывается на 168 г. до н.э., а другие авторы об этих мероприятиях не упоминают.

Объявление чрезвычайного набора было одной из возможностей включения пролетариев в состав легионов. Можно полагать, что они составляли большинство личного состава упомина-

19 Liv., XXXIV, 56, 11-13: *Ob ea res tumultum esse decrevit senatus...uti L. Cornelius consul in provinciam proficiscens in oppidis agrisque qua iturus esset, si quos ei videretur milites scriberet armaretque et duceret secum*

20 Liv., XXXV, 2.

21. Liv., XXXV, 23, 8: *tumultuariorum militum ad duodecim milia et quadringentos equites scriberet*

22. Liv., XL, 26, 6: *protinus subitarios milites scriberent.*

23 Liv., XL, 26, 7: *duas legiones civium Romanorum tumultuarias scriberet et omnes minores quinquaginta annis sacramento rogaret.*

24 Liv., XLI, 5, 4.

нутых чрезвычайных армий. Зажиточные граждане, как правило, старались избегать призыва, а пролетарии, которым было нечего терять, охотно откликались на призыв. Если есть что эти чрезвычайные легионы нужно было сформировать как можно быстрее, то совершенно естественно, что в их состав попадали в первую очередь те, кто сами этого желали, или, во всяком случае, не пытались уклоняться от военной службы. А ими могли быть главным образом пролетарии. Несмотря на то, что общее количество пролетариев, вошедших таким путем в ряды легионов, не могло быть особенно велико, тем не менее чрезвычайные наборы в некоторой степени способствовали изменению социального состава римской армии. Набранные таким образом пролетарии, по всей вероятности, пополняли ряды будущих солдат-профессионалов. За период пребывания в рядах своего легиона у этих людей складывалась психология профессиональных солдат. После демобилизации они уже высоко ценились как опытные воины и могли продолжать службу в качестве добровольцев.

Что касается добровольности, то роль этого явления в изменении социального состава римской армии не вызывает сомнения. Однако обращение к свидетельствам источников показывает, что почти во всех случаях прием добровольцев ограничивался исключительно ветеранами предыдущих войн. Иногда это специально оговаривалось в соответствующем постановлении сената.²⁵ Создается впечатление, что объявление сенатом о наборе добровольцев вовсе не означало того, что теперь в армию могли поступать все желающие, без всякого ограничения. Это не означает умаления значения добровольности в пролетаризации римских легионов. Наоборот, приходится думать, что в действительности пролетарии составляли основной контингент добровольцев. Часто это были пролетарии если не формально, то фактически. Именно таким, как кажется, был Спурий Лигустин,²⁶ собственник лишь одного югера земли, на котором он вряд ли мог прокормить свою семью (у него были жена и восемь детей).²⁷ Хотя бедный, но все-таки собственник, он счи-

²⁵ Liv., XXXI, 8, 6; XXXVII, 4, 3; XLII, 32, 6; 34, 6, 8.

²⁶ Liv., XLII, 34. См. стр. настоящего сборника.

²⁷ Для сравнения можно привести следующие данные. Надель римских колонистов вплоть до II в. до н.э. были от 2 до 7 югеров, а во II в. до н.э. не меньше 5 югеров. Довольно приличным наделом крестьянина считают участок в 20 югеров. См. Б.И. Кузнецов. Очерки по истории земледелия в Италии. М., 1966, стр. 223-225.

тался военнообязанным. На это указывает начало его длинного периода военной службы. В своей речи Спурий Лигустин подчеркивает тот факт, что он неоднократно служил в армии в качестве добровольца, но первый раз он стал солдатом в порядке принудительного набора.²⁸ Это было в 200 г. до н.э., в начале Второй македонской войны, когда он был призван в армию консула Сульпиция. Таким образом, Лигустин впервые был завербован как новобранец. Если бы он даже хотел этого, он не мог в том году идти в армию добровольно, так как сенатом было разрешено Сульпицию принимать в свою армию в качестве добровольцев исключительно ветеранов войны с Ганнибалом.²⁹ Но еще большим препятствием было то, что тогда он еще не имел никакой выучки. Как сенат, так и магистраты, которым предстояло во главе комплектуемой армии идти в поход, при наборе всегда предпочитали ветеранов, имеющих военный опыт. После пятилетней службы в Македонии, став центурионом, Спурий Лигустин начал свою карьеру профессионального солдата. Вернувшись в Италию, имея прекрасную военную подготовку, новую "профессию", он сразу же продолжил военную службу в качестве добровольца в армии Катона в Испании в 195 г. до н.э. Говоря в другом месте о комплектовании этих легионов Катона, Ливий ни словом не упоминает о добровольцах.³⁰ Согласно Ливию,³¹ не существовало решения сената о наборе добровольцев и в 191 г. до н.э., когда Лигустин в составе армии консула добровольно пошел на войну с Антиохом. Из этого можно заключить, что консулы иногда без постановления сената, на свой риск принимали в свои легионы добровольцев, если эти люди благодаря своему военному опыту казались им нужными с чисто военной точки зрения.

Хотя Спурий Лигустин формально входил в разряд зажиточных, его также как и настоящих пролетариев в рядах армии следует считать представителем нового типа воина. Оставаясь собственником небольшого участка земли, он видел свою профессию уже не в земледелии, а в военном деле. Это был про-

28 Liv., XLII, 34, 5.

29 Liv., XXXI, 8, 6.

30 Liv., XXXIII, 43.

31 Liv., XXXVI, 2.

фессиональный солдат, жизненные интересы которого были связаны с армией. Допущение добровольности явилось для полководцев средством привлечения в ряды своих легионов воинов-профессионалов, опытных ветеранов, которые в нормальном порядке не подлежали бы набору в данный момент (или у них уже исполнился срок службы, или они входили в другую трибу и т.д.).

Было среди добровольцев и немало настоящих пролетариев. Это могли быть люди, которые в первый раз были завербованы как мелкие собственники типа Спурия Лигустина, но во время пребывания в рядах воска потеряли свой участок и превратились в пролетариев. Им теперь не оставалось другого выхода, как идти снова в армию в качестве добровольцев. На то, что их имущество уже не отвечало уровню минимального ценза, вряд ли обращали внимание. Формально они даже могли оставаться в разряде военнообязанных, так как находясь в течение ряда лет вне Италии, их нельзя было привлекать к очередному цензу, который, как известно, проводили каждые пять лет.³² Важнее всего было то, что они обладали выучкой и военным опытом. Можно полагать, что большинство пролетариев, набранных в качестве *militēs tumultuarii*, также продолжало военную службу в добровольном порядке.

Итак, добровольность была одним из путей проникновения в римскую армию пролетарских элементов. Однако обращение время от времени к принципу добровольности не открывало еще всех шлюзов перед притоком пролетариев в состав легионов. Имущественный ценз, по-видимому, в принципе оставался в силе и при комплектовании армии добровольцами. В качестве последних всегда предпочитали ветеранов. Для привлечения к военной службе пролетарской массы, необходимо было сделать их годными к обыкновенному набору. Это было возможно путем снижения минимального имущественного ценза.

В источниках встречаются разные определения имущественного ценза у сервианского класса. Дионисий Галикарнасский передает цифру 12.500 ассов,³³ Ливий — 11.000 ассов,³⁴ Поли-

³² См. Я. Ю. Заборовский И. К вопросу о достоверности цензовых списков П. в. до н.э. — "Вестник древней истории", 1962, № 2, стр. 116.

³³ Dion. Hal., IV, 17, 2; 18, 2.

³⁴ Liv., I, 43, 7.

бий - 400 драхм,³⁵ что в пересчете на римские денежные единицы его времени (одна драхма равна десяти секстанциальным асса́м) составляет 4000 ассов,³⁶ Цицерон³⁷ и Геллий (с оговорками)³⁸ - 1500 ассов. Эти цифры, за исключением разве двух первых, отражают этапы постепенного снижения минимального ценза.³⁹ Бесспорна и цель этого снижения - расширить круг граждан, подвергавшихся набору в армии. Это явствует хотя бы из того, что ценз I-IV классов, который во II в. до н.э. практически уже не играл никакой роли в военной организации,⁴⁰ оставался без изменений. Однако значение ценза V класса все время возрастало, по мере того, как в силу обеднения крестьянства все большая часть граждан превращалась в пролетариев, свободных от военной службы.

Что касается датировки отдельных этапов снижения минимального ценза и связи их с конкретными фактами социальной и военной истории Рима, то тут не все ясно. Исследователи оставляют без особого внимания разницу между данными Дионисия и Ливия, ограничиваясь в большинстве случаев лишь констатацией факта. Автору данной работы известна одна попытка А. Тойнби объяснить расхождение между цифрами у Дионисия и Ливия снижением имущественного ценза V класса с 12.500 ассов до 11.000 ассов.⁴¹ Тойнби связывает такое снижение с предполагаемым увеличением количества центуриев V класса от двадцати до тридцати и созданием 21-ой Клустуминской трибы, которые он датирует концом V - началом IV в. до н.э. Эта гипотеза Тойнби остается недоказанной. Более того, она является невероятной уже по той причине, что на рубеже V-IV вв. до н.э. было еще немисливо исчисление ценза в денежных едини-

³⁵ Polyb., VI, 19, 3.

³⁶ F.W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius. Vol. I. Oxford, 1957, p. 698.

³⁷ Cic., de rep., II, 22, 40.

³⁸ Gell., XVI., 10, 10.

³⁹ E. Gabba, Le origini ..., p. 178-180.

⁴⁰ См. М. Тьянава. О наборе солдат в Римской республике (II в. до н.э.). Труды кафедры всеобщей истории, I. Тарту, 1970, стр. 81.

⁴¹ A.J. Toynbee. Hannibal's Legacy. Vol. I. Oxford, 1965, p. 512-514.

цах, а выражение задним числом ценза той ранней эпохи авторами значительно более позднего времени в денежных единицах их эпохи кажется невозможным и неоправданным. Если даже принять цифру, переданную Ливием, как результат некоторого изменения имущественного ценза V класса, то это не могло быть связано с тем кризисом комплектования легионов, который наблюдался во II в. до н.э. Поэтому отправной точкой и в данной работе, как это обычно делается, берется цифра, которую сохранил для нас Ливий.

Разницу в определении минимального ценза у Ливия и Полибия, без сомнения, следует рассматривать как результат изменения исчисления ценза. Это явствует из того, что данные этих двух авторов относительно ценза I класса совпадают. В другом месте своего обзора военного дела римлян, упоминая об имущественном цензе I класса, Полибий определяет его в 10000 драхм,⁴² что соответствует 100.000 ассам у Ливия.⁴³ Следовательно, расхождения между Ливием и Полибием в определении минимального ценза нельзя объяснить иначе как снижением последнего с 11.000 до 4000 ассов. Трудность здесь заключается в датировке этого снижения. Э. Габба датирует данное мероприятие 214-212 гг. до н.э.⁴⁴, Г. Бенгтсон - периодом Испанских войн (154-133 гг. до н.э.),⁴⁵ тогда как Р. Смит указывает на II в. до н.э. как возможное время снижения ценза.⁴⁶

Бесспорно лишь одно: снижение ценза не могло иметь место позднее, чем была написана шестая книга Полибия. По мнению исследователей данного вопроса, шестая книга Полибия была в основном завершена в период до 150-146 гг. до н.э.⁴⁷ Следо-

42 Polyb., VI, 23, 15.

43 Liv., I, 43, 1; F.W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius, p. 706.

44 E. Gabba, Le origini ..., p. 181-183.

45 H. Bengtson, Grundriss der römischen Geschichte, Bd. I, München, 1970, S. 152.

46 R.E. Smith, Service in the post-Marian Roman Army, Manchester, 1958, p. 4.

47 C.O. Brink, F.W. Walbank. The Construction of the Sixth Book of Polybius. - "Classical Quarterly", Vol. IV, 1954, p. 98-101; F.W. Walbank. A Historical Commentary on Polybius, p. 636.

вательно, 146 г. до н.э. можно принять за нижнюю временную границу снижения ценза У класса. При определении его верхней границы приходится опираться, главным образом, на Ливия. Как Ливий сам заявляет,⁴⁸ его описание центуриатного устройства соответствует действительности до второй центуриатной реформы, проведенной между Первой и Второй пуническими войнами. Отсюда вытекает, что ценз, передаваемый Ливием, был в силе, по крайней мере, до 241 г. до н.э., но, вероятно, и позже, так как названная реформа не затронула военных вопросов. Решающее значение здесь приобретает установление времени выпуска секстантиальных ассов, которые были в обращении во время Полибия и в которых, судя по совпадению данных Ливия и Полибия о цензе I класса, были выражены и цифры Ливия. В момент редукции асса к секстантиальному стандарту минимальный ценз должен был выражаться в сумме 11.000 новых ассов, которую и приводит Ливий. С другой стороны, сумма 4000 ассов, которую дает Полибий, не могла быть старше редукции асса. Она могла появиться лишь после выпуска секстантиальных ассов.

Э. Габба принимает датировку редукции асса и связанного с этим выпуска серебряного денария как периода, непосредственно предшествовавшего Второй пунической войне, что согласуется с другими его аргументами.⁴⁹ Для доказательства своей датировки снижения ценза Габба приводит еще следующие соображения. Он связывает снижение ценза с сообщением Ливия о введении в 211 г. до н.э. разряда легковооруженных - велитов,⁵⁰ которыми стали бывшие пролетарии. Во-вторых, он придает большое значение решению сената от 214 г. до н.э., согласно которому богатые граждане обязывались вооружать за свой счет и давать для укомплектования флота определенное количество своих рабов.⁵¹ По мнению Габба, эти рабы должны были заме-

⁴⁸ Liv., I, 43, 12.

⁴⁹ E. Gabba, *Le origini ...*, p. 175-177, 181-183.

⁵⁰ Liv., XXVI, 4, 10.

⁵¹ Liv., XXIV, 11, 7-9. См. об этом также Е.М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, стр. 235-236.

нить во флоте пролетариев, которые вследствие снижения ценза теперь были обязаны служить в легионах.

Эти аргументы Габба являются далеко не бесспорными. Уже Эдуард Мейер⁵² показал неисторичность всего данного рассказа Ливия о конном сражении с кампанцами, частью которого является его заметка о введении разряда велитов. Кроме того, сам Ливий уже раньше, говоря о событиях начального периода войны с Ганнибалом, несколько раз упоминает о велитах римской армии.⁵³ Полибий говорит о легковооруженных уже в армии Регула в период Первой пунической войны.⁵⁴ Хотя под другими названиями, Ливий упоминает о легковооруженных в своем обзоре организации легиона 340 г. до н.э.⁵⁵ Из всего этого можно заключить, что разряд велитов в таком виде, как он был известен во II в. до н.э., является результатом длительного исторического развития. Следовательно, появление велитов не может быть связано со снижением ценза, которое, видимо, не привело к каким-либо изменениям в организации и тактике легиона. К тому же, нет никаких данных для вывода о том, что бывшие пролетарии вошли исключительно в разряд легковооруженных. Скорее всего снижение ценза было вызвано необходимостью пополнения рядов главной ударной силы римской армии — голплитов, тем более, что имущественная градация среди зажиточных ко II в. до н.э. уже потеряла свое значение.

Что касается сенатусконсульта 214 г. до н.э., то это было однократное чрезвычайное мероприятие, вызванное, как и набор в 216 г. до н.э. рабов, преступников и юношей моложе положенного возраста, тем кризисом, который наступил в Риме в начальный период Второй пунической войны в результате нескольких крупных поражений. Данное постановление сената в системе доводов Габба хронологически не согласуется с сообщением Ливия о введении велитов. Если следовать ходу рассуждений Габба, переход пролетариев из флота в состав легионов

52

Ed. Meyer. Das römische Manipularheer, seine Entwicklung und seine Vorstufen. Kleine Schriften. Bd. II. Halle, 1924, S. 260.

53

Liv., XXI, 55, 11; XXIII, 29, 3; XXIV, 34, 5.

54

Polvb., I, 33, 9.

55

Liv., VIII, 8: leves, rotarii

(в результате снижения ценза) должен был предшествовать набору рабов, которые должны заменить тех же пролетариев на кораблях, а не наоборот. Таким образом, аргументация Габба, во всяком случае, недостаточна для отнесения снижения ценза к 214-212 гг. до н.э.

Против датировки Габба говорят также новые данные нумизматики, согласно которым секстанциальные ассы появились в Риме только в 187 г. до н.э.⁵⁶ Это отодвигает верхнюю границу проведения снижения ценза на более позднее время. В связи с этим более приемлемой кажется точка зрения Бенгтсона, который относит снижение ценза к периоду Испанских войн (154-133 гг. до н.э.).⁵⁷ Правда, Бенгтсон не может привести конкретных данных для подтверждения своей датировки, но в пользу последней говорят некоторые общие соображения военно-политического характера. По сравнению с войной против Ганнибала, когда само существование Рима висело на волоске, война в далекой Испании, вспыхнувшая после относительно мирного периода, была чрезвычайно непопулярна в народных массах. Глубокая неприязнь к этой войне была вызвана как огромными потерями, особенно в первые годы военных действий,⁵⁸ так и малыми надеждами на добычу сравнительно, например, с войнами на богатом Востоке, на далеком расстоянии от Италии и затяжным характером войны.⁵⁹ Страх перед возможным отправлением в Испанию усиливался еще благодаря разным слухам, изображающим все, что происходит там, в самых черных красках.⁶⁰ Всеми этими причинами в совокупности и был непосредственно вызван тот острейший кризис при комплектовании легионов, который своего кульминационного момента достиг в начале 151 г. до н.э.⁶¹ Все это наталкивает на мысль о 151-150 гг. до н.э. как

56 Л. Н. К а з а м а н о в а. Введение в античную нумизматику. М., 1969, стр. 56;

57 Н. В е н г т с о н. Grundriss der römischen Geschichte, S. 152.

58 Н. S i м о н. Roms Kriege in Spanien 154-133 v. Chr., Frankfurt am Main, 1962 (passim).

59 J. К р о с а у е r и G. V e i t h. Heerwesen und Kriegführung der Griechen und Römer. München, 1928, S. 334; L. R. T a y l o r. Forerunners of the "Gracchi" - "Journal of Roman Studies", Vol. LII, 1962, p. 21.

60 Н. S i м о н. Roms Kriege in Spanien, S. 42.

61 Polyb., XXXV, 4; Liv., per., XLVIII; App., Hisp., 49.

о возможном времени снижения ценза с II.000 ассов до 4000 ассов. С такой датировкой согласуется отсутствие затем вплоть до 138 г. до н.э. в источниках данных о трудностях при наборе солдат. Зато катастрофический упадок дисциплины и деморализацию испанских легионов в последующие годы⁶² можно объяснить притоком в армию в массовом порядке людей, которые видели в этой войне только средство улучшения своего материального положения.⁶³

Относительно снижения ценза с 4000 ассов до 1500 ассов можно сказать лишь то, что оно было проведено в период времени между завершением труда Полибия (146 г. до н.э.) и реформой Мария (107 г. до н.э.), после которой всякий ценз потерял свое значение в военной организации. Габба определяет нижнюю временную границу этого снижения тремя моментами.⁶⁴ Во-первых, тем, что действие диалога Цицерона "О государстве", где он упоминает о минимальном цензе в 1500 ассов,⁶⁵ происходит в 129 г. до н.э. Во-вторых, значительным значительным увеличением числа граждан в цензовых списках 125 г. до н.э. по сравнению с цензом 131 г. до н.э. В-третьих, принятием закона Гая Гракха (123 г. до н.э.) о прекращении вычетов из солдатского жалования за одежду, что свидетельствует об обеднении личного состава легионов. С этими доводами можно в общем согласиться. Только приведенное сообщение Цицерона, как кажется, заслуживает в данной связи еще большего внимания. Ко времени Цицерона имущественный ценз давно потерял свое значение в качестве критерия военнообязанности гражданина. Поэтому, говоря о цензе пролетариев, в его распоряжении не могло быть других сведений как о II в. до н.э. Это увеличивает доверие к данному месту у Цицерона, в силу чего можно полагать, что ценз в 1500 ассов был в силе в 129 г. до н.э.⁶⁶

62

App., Hist., 84-85.

63

H. V e n g t s o n. Grundriss der römischen Geschichte. S. 152.

64

E. Gabba, Le origini ..., p. 184-187.

65

Cic., de rep., II, 22, 40.

66

См. также Ф.М. Н е ч а й. Рим и италийки. Минск, 1963, стр. 134.

Предлагаемая датировка снижения ценза не может считаться окончательной, да и вряд ли вообще можно установить его дату с абсолютной точностью. Наибольшее значение имеют социальные последствия данного мероприятия. Снижением ценза внешне соблюдался принцип сервианского устройства — сохранилась юридическая разница между зажиточными и пролетариями, военная служба формально оставалась обязанностью и привилегией зажиточных граждан. Однако фактически во II в. до н.э., особенно в его второй половине, римская армия в массовом порядке пополнялась гражданами, которых можно считать собственниками лишь теоретически. О притоке в ряды армии неимущих слоев населения свидетельствуют проведение Гаем Гракхом закона об отмене вычетов из солдатского жалования,⁶⁷ практика раздачи земельных участков ветеранам. Результатом этого процесса было изменение всей социальной природы римской армии.

⁶⁷ Годовое жалование легионера (1800 ассов) было значительно больше суммы минимального ценза, что свидетельствует об обеднении личного состава армии.

ZUR FRAGE NACH EINER ABÄNDERUNG DES SOZIALEN
BESTANDES DER RÖMISCHEN ARMEE
(vom 2. Jh. an bis zur Jahrtausendwende)

M. Tánava

Z u s a m m e n f a s s u n g

E. Cabba hat bereits im Jahre 1949 darauf hingewiesen, daß infolge allmählicher Ermäßigung des Minimalzensus von 1100 as zu 1500 as das Proletarisieren des Römischen Heers bereits vor der Marius'schen Militärreform weit vorgerückt war. In voller Eintracht mit dieser fundamentalen Schlußfolgerung hat der Verfasser des vorliegenden Aufsatzes sich bemüht, etliche andere Wege in Betracht zu ziehen durch welche die proletarischen Elemente in die Römische Armee einsickerten. Zu gleicher Zeit hat er einige mit dem Ermäßigen des Zensus verbundene Probleme gestreift. In die Legionen wurden die Proletarier auf gleichem Fuße mit anderen Staatsangehörigen im Falle äußerster Gefahr (tumultus) einberufen und auf Kosten des Staates ausgerüstet. Die Formierung derartiger Armeen im 2. Jh. v. u. Z. erwies sich für den Senat wiederholt als ein Ausweg aus den Werbungsschwierigkeiten, denn die vermögenden Bürger waren meistens veranlagt, sich des Kriegsdienstes zu entziehen. Eine zweite Möglichkeit der Einberufung von Proletariern in die Armee bestand in der Anwendung der Freiwilligkeit bei der Ergänzung der Legionen. Jedoch war der wesentlichste Faktor beider Abänderung der sozialen Zusammensetzung der Armee immerhin die Ermäßigung des Minimalzensus, derzufolge die Massen der Proletarier wehrpflichtig wurden. Am meisten begründet scheint es, die Ermäßigung des Zensus von 11000 as zu 1000 as mit den Jahren 151-150 v.u. Z. zu datieren, während der Zensus von 1500 as im Jahre 129 v.u.Z. gültig gewesen zu sein scheint.

Д.Н. Гумилев (Ленинград)

Покойный академик Б.Я. Владимирцов как-то говорил о создании монгольского улуса в XII-XIII вв.: "Меня интересует как все это произошло?" Ответа до сих пор нет и, видимо, потому, что историческая критика пользовалась филологическими методами проверки, т.е. установлением буквальности перевода, а не методами криминалистики - проверки достоверности версий. Смена аспекта, если даже не решит проблему целиком, позволит приблизиться к ее решению, но только при пользовании наряду с индуктивным, дедуктивного метода.¹

Ни об одном историческом явлении не существует столько превратных мнений как о создании монгольского улуса в XIII в. Монголам приписывается исключительная свирепость, кровожадность и стремление завоевать весь мир. Основанием для такого мнения, предвзятого и неверного, служат антимонгольские пасквили XIV в, принимаемые доверчивыми историками за буквальное описание событий. Не будем даваться в подробности исторической критики, что уже было сделано,² а приведем некоторые цифры. В Монголии в начале XIII в. жило около 700 тыс. человек, раздробленных на враждующие племена.³ В Китае, Северном и Южном, - 80 млн;⁴ в Хорезмийском султанате - около 20 млн; в Восточной Европе - приблизительно 28 млн.⁵ Если при таких соотношениях монголы одерживали победы, то ясно, что сопротивление было исключительно слабым. Действительно, XIII век - это кризис феодализма во всем мире.

¹ "Метод восхождения от абстрактного к конкретному есть лишь способ, при помощи которого мышление усваивает в себе конкретное, воспроизводит его как духовно-конкретное". - К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. III, стр. 727.

² Д.Н. Г у м и л е в. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

³ Н.Ц. М у н к у е в. Заметки о древних монголах. - В сб.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970, стр. 352-382.

⁴ И. З а х а р о в. Историческое обозрение народонаселения Китая. - Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, I. СПб., 1852, стр. 282 и сл.

⁵ В начале XI в.: Русь - 5,360 млн.; Польша, Литва, Эсты - 1,6 млн.; Финны - 0,446 млн.; Поволжье - 0,693 млн.; Степь от Дона до Карпат - 0,48 млн. (Цит. по Б.Ц. У р л а н и с: Рост населения в Европе. ОГИЗ, 1941, стр. 89).

Затем, кто был зачинателем войн? Не монголы! Чжурчжэни вели с монголами с 1130 г. войну на истребление. Через 100 лет, в 1235 г. монголы победили, но не стали истреблять чжурчженей. В 1227 г. монголы завоевали царство Тангут, но рукописи Хара-Хото на тангутском языке датируются XIII-XIV вв. Когда же в 1405 г. китайцы империи Мин заняли тангутскую землю, тангутов больше не стало. Половцы в 1208 г. приняли к себе врагов монголов - меркитов ... и пострадали вместе с ними. Хорезмшах Мухаммед казнил монгольских подданных и оскорбил послов; хорезмийский султанат был разрушен. Вопрос о походе Батюя в Европу слишком сложен, чтобы разбирать его здесь. Мнения историков расходятся.

Отметим, что очевидно, здесь имеет место закономерный процесс исторической истории, которая в каждом регионе индивидуальна и преобразует общую закономерность путем придания ей локальных характеристик. Но этносы взаимодействуют и между собой.

Итак, пострадали народы, оказавшиеся в слишком тесном соседстве. Но искать виновных антинаучно. Сода и лимонная кислота будучи смешаны в водном растворе шипят и выделяют тепло: это реакция нейтрализации, которая идет естественным путем.

Родиной монголов было Восточное Забайкалье, севернее р. Керулен. Чингис родился в урочище Делон-Болдох, в восьми верстах к северу от современной Монголо-советской границы. Этнический подъем монголы испытали одновременно с чжурчжэнями, и понятно, что эти этносы стали соперниками, а вражда их повела к перетасовке племенных союзов Великой степи. Больше того, она вызвала раскол среди самих монголов и эти грандиозные процессы отразились на биографии Тэмуджина, задолго до того, как его выбрали ханом с титулом Чингис.

События, предшествовавшие избранию Тэмуджина ханом в уцелевших от времени источниках изложены отрывочно, сбывчиво и противоречиво. Однако они являются ключами к нашей проблеме и поэтому целесообразно уделить внимание попытке установить ход событий, близкий к действительному. Некоторые неизбежные неточности не будут существенны и не сместят результата. Добиться этого можно только окольным путем, через этнологию - науку о происхождении и исчезновении народов.

Выбирая стиль изложения, автор сознательно предпочел принятому академическому канону живой язык повествования,

который не снижает научной достоверности, но повышает степень доходчивости и легкости восприятия. Прошу воспринимать "забавный русский слог" в научном исследовании как эксперимент, стилистический и композиционный.

Положим биографию одного человека — Тэмуджина на фон истории и, таким образом, получив недостававший корректив и стереоскопическое изображение событий, где правдивое и вероятное станет выпуклым относительно лживого и тенденциозного. Но для этого необходимо сделать тщательный разбор всех эпизодов биографии Тэмуджина, включая психологические мотивировки поступков участников событий, чему посвящен предлагаемый доклад.

ЭТНОГЕНЕЗ И ПАССИОНАРНОСТЬ

Кривая этногенеза. Во всех исторических процессах от микрокосма (жизнь одной особи) до макрокосма (развитие человечества в целом) общественная и природные формы движения соприсутствуют и взаимодействуют подчас столь причудливо, что иногда трудно уловить характер связи. Это особенно относится к мезокосму, где лежит феномен развивающегося этноса, т.е. этногенез, понимая под последним, процесс становления этноса от момента возникновения до исчезновения или перехода в состояние гомеостаза. Но значит ли это только то, что феномен этноса — продукт случайного сочетания био-географических и социальных факторов? Нет, этнос имеет в основе элементарную схему.

Три наших опыта анализа этногенеза в ранних ракурсах дали тождественные результаты. Социально-политический аспект позволил выделить фазы исторического становления, исторического существования и исторического упадка, с последующим пережиточным или реликтовым прозябанием. Аналогичное деление получилось при исследовании воздействия этноса на вмещающий ландшафт⁷ и при этнографическом изучении способов отсчета времени.⁸ Выраженная графически кривая этнического разви-

⁷ Л.Н. Гумилев. Этнос — как явление. — Доклады ВГО, вып. 3. 1967, стр. 97-107.

⁸ Л.Н. Гумилев. Этнос и категория времени. — Доклады ВГО, вып. 15. 1970, стр. 143-157.

тия, если положить на абсциссу время, имела бы не облик синусоиды или циклоиды, а неправильной кривой, у которой в начальных фазах идет резкий подъем до краткого перегиба, а потом длинный спад, все более плавный, либо до естественного затухания процесса, либо до насильственного его обрыва. И вот почему.

В географическом аспекте этнос в момент своего возникновения — популяция, т.е. группа сходных особей, приспособившая определенный ландшафтный регион к своим потребностям и одновременно сама приспособившаяся к нему. Для поддержания достигнутого этно-ландшафтного равновесия необходимо, чтобы потомки повторяли деяния предков, хотя бы по отношению к окружающей их природе. В плане истории это называется традицией. Ее можно рассматривать и в социальном аспекте как застойное, консервативное общество, и в биологическом, ибо проф. М.Е. Лобашов открыл это же явление у животных и назвал "сигнальной наследственностью".⁹ Выбора между социальными и естественными дисциплинами делать не стоит, ибо те и другие исследуют явление в разных ракурсах и взаимно дополняют друг друга.

Но момент рождения краток. Появившийся на свет коллектив должен немедленно сложиться в систему, с разделением функций между членами. В противном случае он будет уничтожен соседями. Для самосохранения он быстро вырабатывает социальные институты, характер которых в каждом отдельном случае запрограммирован обстоятельствами места (географическая обусловленность) и времени (стадия развития человечества). Именно потребность в самоутверждении обуславливает быстрый рост системы, силы же для развития ее черпаются в пассионарности популяции, как таковой. Рост системы создает инерцию развития, медленно теряющуюся от сопротивления среды, вследствие чего нисходящая ветвь кривой значительно длиннее. Даже при снижении жизнедеятельности этноса ниже оптимума, социальные институты продолжают существовать, иногда переживая создавший их этнос. Так, римское право прижилось в Западной Европе, хотя античный Рим и гордая Византия превратились в воспоминание.

Но что можно откладывать по ординате, если на абсциссе отложено время? Очевидно, ту форму энергии, которая стимули-

⁹ М.Е. Л о б а ш о в. Сигнальная наследственность. — В сб.; Исследования по генетике, № 1. Л., 1961.

дует процессы этногенеза, т.е. пассионарность.¹⁰ При этом надо помнить, что максимум пассионарности, равно как и минимум ее, отнюдь не благоприятствуют процветанию жизни и культуры. Пассионарный перегрев ведет к жестоким кровопролитиям, как внутри системы (этнической или суперэтнической), так и на границах ее, в регионах этнических контактов. И наоборот, при полной инертности и вялости населения какой-либо страны, когда уровень пассионарности приближается к нулю, теряется сопротивляемость окружению, этническому и природному, что всегда кратчайший путь к гибели. Итак, пассионарность присутствует во всех этногенетических процессах и это создает возможность этнологических сопоставлений в глобальном масштабе.

Но перед нами встает другая трудность: еще не найдена мера, которой бы можно было мерить пассионарность. На основании доступного нам фактического материала, мы можем только говорить о тенденции к подъему или спаду, большей или меньшей степени, но во сколько раз? — мы не знаем. Однако для поставленной нами цели это препятствие преодолимо, ибо мы рассматриваем процессы, а не статистические величины. Поэтому мы можем описать явления этногенеза с достаточной степенью точности, что послужит в дальнейшем базой новых уточнений. В любой науке описание феномена предшествует его измерению и интерпретации; ведь и электричество было сначала открыто как эмпирическое обобщение разнообразных явлений, внешне не схожих между собой. Однако, если характеристика мо-

¹⁰ Пассионарность — это характерологическая доминанта; это — непреодолимое внутреннее стремление (осознанное или чаще неосознанное) к деятельности, направленной на осуществление какой-либо цели, причем достижение этой цели, как правило, иллюзорной, представляется данному лицу ценнее даже собственной жизни. Пассионарность отдельного человека может сопрягаться с любыми способностями: высокими, средними, малыми; она не зависит от внешних воздействий, являясь чертой конституции данного человека; она не имеет отношения к этическим нормам, однако легко порождая подвиги и преступления, творчество и разрушение, благо и зло, исключая только равнодушие; и она не делает человека "героем", ведущим "толпу", ибо большинство пассионариев находится именно в составе "толпы", определяя ее потентность и степень активности на тот или иной момент. Подробнее см. Л.Н. Гумилев. Этногенез и этносфера. — "Природа", 1970, № 1, стр. 46-55; № 2, стр. 43-50; Этногенез — природный процесс. 1971, № 2, стр. 80-82.

модели этногенеза всеми исследователями описывается единообразно, если даже нам удалось уловить энергетическую ее природу, то остается неясной причина самих исходных взрывов или пассионарных толчков. Отмеченные нами особенности: сочетание двух или более ландшафтов¹¹ и двух и более этнических субстратов легко объяснимы, исходя из энергетической природы этногенеза - необходимости наличия разности потенциалов внутри возникающей системы для их дальнейшей нивелляции. Удобнее всего это просматривается на уровне суперэтнуса, так как на меньшие величины воздействуют экзогенные факторы с куда большим эффектом, а это обстоятельство снижает точность построения модели.

Непривычная для нас кривая проявления пассионарности равно непохожа ни на линию прогресса производительных сил - экспоненту, ни на повторяющийся цикл биологического развития. Видимо, наиболее правильно объяснить ее как инерционную, возникающую время от времени вследствие "толчков", которыми могут быть только мутации, вернее микромутации, отражающиеся на стереотипе поведения, но не влияющие на фенотип. Как правило, мутация почти никогда не затрагивает всей популяции своего ареала. Мутируют только отдельные, относительно немногочисленные особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возникла новая порода, в нашем случае консорция, которая при благоприятном стечении обстоятельств вырастет в этнос. Пассионарность членов консорции - обязательное условие этого перерастания. В этом механизме - биологический смысл этногенеза, но он не подменяет и не исключает социального смысла.

В истории этносов мы видим только последовательность событий или социальных конфликтов, фиксируемых источниками. Мотивы поведения персон или групп, а следовательно, причины событий устанавливаются исследованиями историков. Правильность предлагаемых объяснений проверяется соответствием их фактам. Так применим нашу точку зрения к объяснению загадочного усиления монголов и гибели народа меркит в начале XIII в. От последних остались только осколки среди телесов, телеутов, киреев, башкир и торгоутов.¹² Уже в XIV веке потомков

¹¹ Л. Е. Г у м и л е в. По поводу "единой" географии. - Вестник Ленинградского ун-та, 1967, № 6, стр. 124-128.

¹² Г. Е. Г р у м м - Г р ж и м а й л о. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. П. Л., 1926, стр. 425.

меркитов называли монголами, но до покорения они в число монголов не входили.¹³ Их причисляли с равной степенью вероятности и к тюркам, и к самодийцам; последнее представляется более вероятным (о чем ниже), но прямых доказательств за и против нет.¹⁴

Чтобы пробиться через этот туман, возьмем за основу исследования первый период монголо-меркитской войны с учетом одновременных коллизий, и разберем данные источников по истории монголов XII в. с максимальной степенью подробности. Это покажет нам характер развития монгольского этноса и общества и место меркитов в истории Монголии. Но нам придется оставить в стороне грандиозные события 1200-1218 гг., так как они требуют для описания иного масштаба. Это не повредит работе, ибо для понимания и проверки тезиса нашего материала достаточно.

П Р Е Д К И

Желтый пес. Путем сравнительной этнологии удалось установить приблизительную продолжительность периода, отделяющего момент пассионарного толчка от эпохи видимого начала этногенетического процесса. Этот инкубационный период длится вообще около 150 лет, но наша осведомленность о "началах" разных народов столь различна, что часто мы фиксируем "начало" истории этноса с запозданием. Именно это имеет место в истории монголов, до XIII в. весьма мало известных китайским географам X-XII вв. Те просто отметили в VII-VIII вв. племя мэнью южнее Байкала, а потом гору Мэншань - там же. В X-XII вв. монголы были друзьями киданей, и, следовательно, противниками татар (цзу бу) и врагами чжурчженей, от коих монголов отделяла река (?).¹⁵

По поводу древнейшего периода истории и этногенеза монголов, есть несколько мифологических версий, которые нам, к

¹³ Р а ш и д - а д - д и н. Сборник летописей. М.-Л., 1952, 1, 1, стр. 77. (в дальнейшем - Рашид-ад-дин).

¹⁴ С.А. К о з и н. Сокровенное сказание. М.-Л., 1941, (в дальнейшем - Сокр. ск.); П а л л а д и й (Кафаров). Старинное монгольское сказание о Чингисхане (Юань чао ми ши). - Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. LV. СПб, 1866 (в дальнейшем - Палладий КЧМШ)

¹⁵ См. Е.И. К н я н о в. Очерки истории тангутского государства. М., 1968, стр. 253-256.

счастью, не нужны. Монгольских историков интересовала только генеалогия, а политические события, социальные ситуации, культурные сдвиги были вне сферы их внимания. Поэтому необходимые историку XX века даты, являющиеся скелетом исторической науки, неустановимы. Но с середины X в. начинается второй полуисторический период монгольского этногенеза, ознаменованный появлением легенды, в истинности которой сами монголы не сомневались. Прародительница монгольского этноса, Алан-Гоа, родила двух сыновей от мужа и трех от светлорусого вноши, приходившего в ней в полночь через дымовое отверстие юрты и уходившего с рассветом, словно "желтый пес". Зачатие, якобы, происходило от света, исходившего от вноши и проникавшего в чрево вдовы. Следовательно, тут имело место обыкновенное чудо.

От этого странного, даже для современников, союза родился Бодончар, описываемый как пассионарный человек, сначала считавшийся дурачком. Ему приписано и изобретение охоты с прирученным соколом и подчинение какого-то соседнего племени, т.е. установление неравенства, и введение некоего родового культа, описанного крайне расплывчато. К Бодончару возводили свою генеалогию многие монгольские родовые подразделения, в том числе Борджигины, что значит "синее око". Считалось, что голубизна глаз и рыжеватость волос были последствием происхождения от "желтого пса".

Попробуем интерпретировать легенду. В ней констатирован факт этнического смешения двух субстратов и повышенная активность возникшей популяции. До этого на берегах Онона жили племена, не обращавшие на себя ничего внимания, т.е. находившиеся в фазе этнического гомеостаза. Хозяйство их было натуральным, формы общежития — традиционными, воззрения — унаследованы от предков и постепенно забывались. Даже общение между исходными этническими субстратами шло вяло. Ради желанного покоя они предпочитали не встречаться, а тем более не знать друг о друге. Но при Бодончаре, родившемся около 970 г., начался процесс формообразования этноса. Появилось деление на новые родовые группы, возникшие из чресел Алан-Гоа — нирун, и древние — дарлекин. Внезапно стали известны имена вождей, еще не ханов. Буквальное название их — "сидящие во главе", т.е. "председатели".¹⁶ Одним из таковых был

¹⁶ Лубсан Д а н з а н. Алтан тобчи. М., 1973, стр. 18.

Хайду, правнук Бодончара, отец основателей самых видных родов: ноянкин, тайджиут, аралуд кюат-гергес, хабурход, сунид, хонгхотани оронар. Монгольские роды умножались количественно и росли по численности в течение всего XI столетия, но институт власти возник у них лишь в тридцатых годах XII в.

За это время внутри монгольских родов произошла оригинальная социальная дифференциация. К именам тех или иных монголов присоединяются своеобразные эпитеты: багадур - богатырь; сачен - мудрый; мэрген - меткий; бильге - умный; бохо - сильный; тегин (тюркск.) - царевич; бурдук (тюркск.) - приказывающий; тайши (кит.) - член царского рода; сенгун (кит.) - наследник престола; а жены их величаются: хатун и беги.¹⁷

Нетрудно заметить, что основная часть этих эпитетов, являющихся титулами, связана не с аристократическим происхождением, о котором у монголов понятия не было, и не с богатством, то появлявшимся, то исчезающим, а с личными деловыми качествами. Из аморфного гомеостатического состояния иргэн (племя или подплемя) превратилось в активно-действующую систему, где все способности членов молилизваны. Человек, как таковой, перестал фигурировать в качестве единицы; он стал элементом, составляющим "иргэн", что налагало на него определенные обязанности, но и давало ему защиту и место под солнцем. За обиду члена иргэна должен был вступиться весь иргэн; за его преступление - тоже отвечали все сородичи. Понятие коллективной ответственности стало для монголов поведенческим императивом. На этой основе кристаллизуются права, определяемые степенями и градациями родственных отношений, и обязанности, исчисляемые в связи со способностями члена племени. Это типичный случай становления первой фазы этногенеза, столь похожий на появление феодализма в государстве Каролингов, что даже была сделана попытка назвать организацию монгольского общества в XII в. - "кочевым феодализмом".

Но ведь ничего подобного не было во времена Бодончара, т.е. при первом поколении потомков Алан-гоа и "Желтого пса". Братья обобрали Бодончара и выгнали его. Чтобы подчинить себе пришлое племя, Бодончар только уговаривал своих братьев, так же как и мать, на время прекратить ссоры. Никакого общественного императива не заметно: только близорукий эгоизм и

¹⁷ Б.Я. В л а д м и р ц о в. Общественный строй монголов. Л., 1934, с. 74.

личные капризы, без понимания общих задач. И это в конце X в.

К этому необходимо добавить, что прирост населения за XI в. резко возрос. В начале XII в. монголам уже мало долины Онона. Они распространяются к западу к Хилку и нижней Селенге, где наталкиваются на храбрых и воинственных меркитов, мало затронутых пассионарным толчком, но хранящих традиции предков — самодийцев.

Монголам становится тесно в своей стране и первое, что в таких случаях обычно предпринимается, они выбирают верховного владыку — хагана. Им стал Хабул — представитель восьмого поколения потомков Алан-гоа и "желтого пса". Он царствовал в тридцатых-сороковых годах XII в. Именно тогда закончился инкубационный период монгольского этногенеза и началась монгольская история.

Теперь вернемся к проблеме "желтого пса". Вряд ли стоит толковать миф буквально. Антропоморфизм и зооморфизм всего лишь метафоры, свойственные устному творчеству. Сами монголы и тибетцы считали светящегося юношу, преобразующегося в пса, за литературный образ, иносказание. Значение же его ясно: монголы отметили и датировали путем счета поколений момент рождения своего этноса, или смену эпохи. Рождение Бодончара было для них исторической вехой, как для арабов хиджра, с той лишь разницей, что они вели отсчет не по астрономическому, а по биологическому календарю. Ныне так считают своих мух генетики.

И наконец, пассионарный толчок описан как облучение плода в утробе. Это именно тот феномен, который порождает мутации. Выдумать такое невозможно, а поверить женщине, утверждающей это, — трудно. По-видимому, сами монголы X в. относились к рассказу Алан-гоа скептически. Но когда ее потомки захватили сначала влияние, а потом власть, стало безопаснее не спорить. А еще позднее — легенду стали воспринимать как сказку, потому что фольклористика и биофизика еще более несовместимы, чем гений и злодейство.

Но мутационный импульс не может изменить только один, да еще поведенческий признак. Разброс признаков обязателен ... и он действительно имел место. Об отличии внешности Борджигинов от прочих кочевников говорят два автора: китаец Чжао Хун и турк Абульгази. "Татары не очень высоки ростом. Самые высокие ... 156-160 см.¹⁸ Нет полных и толстых. Лица у них ши-

¹⁸ Буквально: "пять чи и три цуня" — пересчет мой.

рокие, скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода редкая. Внешность довольно некрасивая. ... "Тэмуджин высокого и величественного роста, с обширным лбом и длинной бородой. Личность воинственная и сильная. Этим он отличается от других".¹⁹

У Борджигинов "сине-зеленые (pers) глаза" или "темно-синие, где зрачок окружен ободком".²⁰ Итак, мутация проявилась не только на психике, но и на деталях наружности Борджигинов, что снимает сомнение в ее наличии.²¹ А какова была ее роль - увидим ниже.

.. Ареал пассионарного толчка всегда ограничен.²² В нашем случае он охватил Приамурье, Уссурийский край и восточное Забайкалье. Восточные соседи монголов - чжурчжэни обратили клокотавшую в них энергию на юг и овладели Северным Китаем до р. Луай. Западные соседи монголов в долинах Селенги и Ангары оказались вне пределов действия толчка, захватившего монголов и татар в междуречье Онона и Керулэна. Приняв этот тезис, мы можем легко объяснить подъем активности восточных кочевников, обитавших в степях менее обильных, чем их западные соседи. До сих пор этот факт не находил объяснения в литературе вопроса, но без введения понятия "биосфера" удовлетворительного объяснения и нельзя было найти.

Перейдем к истории монголов. Темп ее был поразительно быстрым. Хабул родился около 1100 г., т.е. восемь поколений прожило и умерло за 130 лет. Это значит, что монголы воспроизводили потомство в 16-18 лет, после чего быстро уступали место молодежи. Конечно, тридцатилетних воинов не списывали в запас по старости, но, видимо, редкие мужи доживали до этого возраста. Они гибли в постоянных войнах, успевая лишь зачать сыновей, тоже обреченных на раннюю гибель. И если при

¹⁹ Мэн-да Бэй-лу. М., 1975, стр. 46.

²⁰ Histoire des Mogols et des Tatares par Abaul Ghazi Behadour Khan, publiée, traduite et annotée par Baron Demaison. Sbg, 1874, t. II, p. 72.

²¹ L. C o u s i l l i o v. Ethnogenèse et Biosphere de la Terre. - Acta Ethnographica Acad. Scient. Hungaricae, t. 24 p. 27-46.

²² Л.Н. Г у м и л е в. Этнология и историческая география. - Вестник ЛГУ, 1972, № 18, стр. 70-80.

столь неблагоприятных условиях монгольский этнос не исчез и не стал подневольным племенем у сильных соседей, то значит монголы имели силы и способности к сверхнапряжениям, благодаря чему они шли от победы к победе. Именно эти качества мы определяем как последствия возникшей пассионарности в инкубационном периоде возникающего этноса. В начале XII в. монгольский этнос стал уже фактом Всемирной истории, так что жертвенность юных предков, имена которых не сохранились, принесла свои плоды.

В о й н а. Пассионарный толчок коснулся не только чжурчженей и монголов. Он не мог не затронуть их соседей, обитавших в его ареале. Татары, жившие южнее Керулэна, и кераиты, кочевавшие по берегам Толы, также испытали подъем пассионарного напряжения. На беду географическое положение их было не столь благоприятно, как у монголов. У них был мощный и неприятный сосед — киданьская империя Ляо. С 1100 г. в степи шла постоянная война между кочевниками (кидани их называли — цзубу)²³ и регулярными войсками, причем последние, имея тылы и базы в крепостях, не могли не победить.

В этой войне многие народившиеся татарские пассионарии сложили головы, но успели перед этим оставить потомство, которое дождалось часа гибели ненавистного Ляо. Следуя принципу — "враги наших врагов — наши друзья", татары подружились с чжурчженями, победившими киданей. Это была крайне близоручная политика, потому что чжурчжэни, заместив киданей по функции, унаследовали и их политическую линию — борьбу с Великой степью. Чжурчжэньские "Алтан-ханы" (титул, обозначавший "золото" и эквивалентный китайскому Кинь, совр. Цзинь) не любили татар, но использовали их против кераитов и монголов, которых татары рассматривали как естественных соперников за право господствовать над степью.

К политической вражде добавилась еще религиозная. В 1009 году кераиты приняли христианство по несторианскому исповеданию. Несколько раньше монголы обратились в тибетскую религию бон, почитание солнечного божества Митры, покровителя верности и доблести.²⁴ А татары, подобно своим союзникам

²³ Л.Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства. М., 1970.

²⁴ Л.Н. Гумилев, Б.И. Кузнецов. Бон.— Доклады ВГО, вып. 15. Л., 1970.

чжурчжэням, полюбили индийское учение шаманов, которых они называли тюркским словом – кам. Энергия пассионарного напряжения, одинаковая во всем своем ареале, привела к образованию из аморфной массы кочевников трех оригинальных систем, война между которыми была неизбежна.

Уже в II22 г. господство в восточной части Великой степи делили монголы и татары, а победоносные на других фронтах чжурчжэни заняли наблюдательную позицию.²⁵ Затем, в II29 г., когда чжурчжэньский корпус, преследовавший отступавших на запад киданей, выдвинулся в степь, монгольский глава Хабул-хаган объявил чжурчжэням войну, чем остановил их войска и принудил их вернуться в Китай, чтобы избежать столкновения. Осторожный император Укимай предпочел не приобретать врага на севере в то время, когда его лучшие войска сражались с китайцами и тибетцами.²⁶ Он даже попытался договориться с Хабул-хаганом и пригласил его в свою столицу. Но монгольский вождь вел себя грубо и неуступчиво; не доверяя чжурчжэням, он во время дипломатического пира постоянно выходил из зала, чтобы отрыгнуть пищу, потому что боялся отравы. Тем не менее Укимай запретил арестовать его, справедливо считая, что нового хана монголы найдут, а войско их от потери нескольких человек не станет менее грозным.²⁷

Но после смерти Укимая в II34 г. на престол вступил Холу, человек несдержанный и злопамятный. Он послал в степь лазутчиков, чтобы поймать Хабул-хагана, что они и сделали, застав его в пути. Но пока они везли хана на расправу, его родственник, у которого лазутчики остановились на отдых, заподозрил недоброе и сменил лошадь Хабула-хагана на белого жеребца. Хабул нашел удобный случай, пустил этого неусталого скакуна в мах и ускакал домой, а преследователей убили его родичи.²⁸

И тогда, в II35 г. пошла настоящая война. В II39 г. мон-

²⁵ Палладий (Кафаров), КЧМШ, с. 172-3.

²⁶ В.П. Васильев. История и древности Восточной части Средней Азии (Чжао Хун). – Труды Вост. отд. Русского археологического общества, ч. IV. СПб., 1857, стр. 96.

²⁷ Рашид-ад-дин, I, 2, стр. 35-36.

²⁸ Даты этих событий у Рашид-ад-дина нет. Приурочивая их к началу войны, я руководствуюсь логикой событий.

голы наголову разбили чжурчженей при горе Хайлинъ,²⁹ местоположение которой неизвестно. В 1147 г. чжурчжени вынуждены были просить мира и согласились уплачивать монголам дань. Но договор не был соблюден, а мир был недолог.

Одновременно шла война на западной окраине монгольских земель. Там неукротимые меркиты отвечали набегом на набег, ударом копья — за удар.³⁰ Эта война, где обе стороны руководствовались понятиями кровной мести и коллективной ответственности, не могла кончиться до тех пор, пока хоть один из сражающихся сидел в седле. Забегая вперед, скажем, что она затянулась на восемьдесят лет.

Но еще хуже оказалось на юго-востоке, с татарами. Случилось, что к тяжело заболевшему шурину Хабуд-хагана вызвали кама (шамана) от татар. Тот не смог вылечить больного и его отправили назад. Но родичи покойного решили, что кам лечил недобросовестно, поехали за ним и избили до смерти. Так возникла новая вендетта; кровь за кровь ... и война до полного истребления противника.³¹

Читателю может, да и должно показаться странным, что монголы, меркиты и татары меньше всего руководствовались соображениями экономической выгоды. Но и монголам XII в. показалось бы удивительным, что можно отдавать жизнь ради приобретения земель, которых так много, ибо население было редким, или стада овец, потому что их следовало быстро зарезать для угощения соплеменников. Но идти на смертельный риск, чтобы смыть обиду или выручить родственника, — это они считали естественным и для себя обязательным. Без твердого принципа взаимовыручки малочисленные скотоводческие племена существовать не могли. Этот принцип лег в основу их адаптации к природной и этнической среде в условиях растущего пассионарного напряжения. Не будь его, монголы жили бы относительно спокойно, как например, эвенки севернее Байкала. Но пассионарность давила на них изнутри, заставляла приспособляться к

²⁹ Н.Я. Бичурин. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. I и II. М.—Л., 1950, I, стр. 378.

³⁰ Рашид-ад-дин, I, 2, с. 37-40.

³¹ То же, стр. 41; вариант сообщения см.: То же, I, I, стр. 104. об особенностях составления "Сборника летописей" см. Д.Н. Гумилев. Поиски вымышленного царства, стр. 239-240.

этому давлению и создавать вместо дискретных, аморфных систем корпускулярные, т.е. новые этносы и жесткие — общественные формы родо-племенных организаций, или улусов, нуждающихся в правителях — хаганах. Началось рождение государств.

Создание государства, даже когда необходимость его очевидна, процесс диалектический. Одни тянут вправо, другие — влево, третьи — вперед, четвертые — назад. И каждый недоволен соседом. Однако постепенно варианты устремлений интегрируются и поддаются обобщению историка. Так было и в Монголии XII в., где сложились две линии развития, исключая друг друга. Без учета этого внутреннего противоречия понять развитие дальнейших событий невозможно.

Люди длинной воли. В XII в. основным элементом древне-монгольского общества был род (обох), находившийся на стадии разложения. Во главе родов стояла аристократия. Представители ее носили почетные звания: багадур (богатырь), нойон (господин), сецен (мудрый) и тайши (царевич или член царского рода). Главная забота багадуров и нойонов была в том, чтобы добывать пастбища и работников для ухода за скотом и юртами. Прочими слоями были: дружинники (нухуры), родовичи низшего происхождения (харачу или черная кость) и рабы (богол), а также целые роды, покоренные некогда более сильными родами, или примкнувшие к ним добровольно (унаган богол). Эти последние не лишались личной свободы и, по существу, мало отличались в правовом отношении от своих господ. Низкий уровень производительных сил и торговли, даже меновой, не давал возможности использовать подневольный труд в кочевом скотоводстве. Рабы употреблялись как домашняя прислуга, что не влияло на развитие производственных отношений, и основы родового строя сохранялись.

Совместное владение угодьями, жертвоприношения предкам, кровная месть и связанные с ней межплеменные войны, все это входило в компетенцию не отдельного лица, а рода в целом. В монголах укоренилось представление о родовом коллективе, как основе социальной жизни, о родовой (коллективной) ответственности за судьбу любого рода и об обязательной взаимовыручке. Член рода всегда чувствовал поддержку своего коллектива и всегда был готов выполнять обязанности, налагаемые на него коллективом. Но в такой жесткой системе пассионарность отдельных родовичей не только не нужна, но прямо противопоказана, ибо она подрывает авторитет старейшин, а тем самым и родовые порядки.

Но монгольские роды охватывали все население Монголии только по идее. На самом деле постоянно находились отдельные люди, которых тяготила дисциплина родовой общины, где фактическая власть принадлежала старейшим, а прочие, несмотря на любые заслуги, должны были довольствоваться второстепенным положением. Те богатыри, которые не мирились с необходимостью быть всегда на последних ролях, отделялись от родовых общин, покидали свои курени и становились "людьми длинной воли" или "свободного состояния", в китайской передаче "белотелые" (байшень), т.е. "белая кость". Судьба этих людей часто была трагична: лишённые общественной поддержки, они были принуждены добывать себе пропитание лесной охотой, рыбной ловлей и даже разбоем, но их ловили и убивали. С течением времени они стали составлять отдельные отряды, чтобы сопротивляться своим организованным соплеменникам, и искать вождей для борьбы с родовыми объединениями. Число их неуклонно росло и, наконец, в их среде стали появляться идеалы новой жизни и нового устройства общества, при котором их бы перестали травить как волков. Этими идеалами стали: переустройство быта на военный лад и активная оборона родины, т.е. защита Великой степи от чжурчжэньских вторжений, называвшихся в империи Кинь: "уменьшением рабов и истребованием людей".³² Эти истребительные походы повторялись раз в три года, начиная с 1161 г. Девочек и мальчиков не убивали, а продавали в рабство в шаньдун. "Татары убежали в Шамо (пустыню) и мшенице проникло в их мозг и кровь".³³ Те, кому удавалось спастись из плена, пополняли число "людей длинной воли", которое увеличивалось в течение 20-ти лет. Но не будем забегать вперед, а сосредоточим внимание на середине XII в. — фазе этнического становления монгольского этноса.

Закономерно поставить вопрос: на чьей стороне должно оказаться сочувствие читателя, или кто был прав: родовичи или "люди длинной воли"? Вопрос этот лежит в сфере эмоций, нежели в области научного анализа. Однако эмоции и рациональный анализ так переплетены друг с другом, что размежевание их было бы искусственно и бесперспективно.

Конечно, вопрос надо формулировать несколько иначе: не

³² В.П. Васильев. История и древности..., с. 227.

³³ Там же.

кто прав или симпатичен, а кто мог обеспечить монгольскому этносу возможность существования и развития? Кто мог организовать оборону от истребительных походов чжурчженей и сохранить наследие предков — верность ближним, святость очага, нерушимость произнесенных клятв и уважение к обычаям, замеченным монголам законы? Казалось бы, что поборниками обычного права и законов гостеприимства должны были оказаться не бездомные бродяги с длинной волей, а родовичи, связанные с традициями и родными угодьями, консерваторы по принятому принципу. Но посмотрим, как эти приличные люди вели себя в десятилетия своего безраздельного господства.

Предатели. Хотя в 1147 г. монголы победоносно окончили войну с чжурчжэнами и заключили почетный, выгодный и желанный мир, хорошего в Великой степи было мало.

Мир был непрочен, потому что чжурчжэны были вероломны. Будучи шаманистами, они в Бога не верили, а потому и клятв не соблюдали. А еще хуже, что они развратили своих соседей татар. Эти последние использовали свой престиж степного народа для того, чтобы получать от Алтан-хана империи Кинь (т. е. Золотой) мзду за наигнуснейшие преступления, главным образом — предательства.

Старший сын Хабул-хана, Окин-Барха по красоте и изяществу был похож на девушку.³⁴ Люди поражались его круглому открытому лицу с полным подбородком.³⁵ У него был женатый сын, но внука своего, Сечен-беки, Окин-Барха не увидел. Окин Барху подстерегли татары и выдали Алтан-хану, т. е. чжурчжэньскому монарху Холу. Там несчастного царевича приколотили железными гвоздями к деревянному ослу и дали умереть медленной и мучительной смертью. Это случилось еще при жизни Хабул-хана, т. е. до 1147 г. но и после было не лучше.

В 1150 г. новый император Кинь, Дигунай, приказал напасть на непокорных кочевников,³⁶ несмотря на мир, заключенный в 1147 г. На этот раз жертвой предательства татарского вождя Нор-Буюрук-хана, оказался хан кераитов Маркуз, т. е. Марк (несторианин). Его тоже выдали на смерть и он погиб на том же деревянном осле. Его вдова, красавица Кутуктай-херикун (т. е. волнующая своей красотой) нашла способ, столь же

³⁴ Окин — девушка, монг.

³⁵ Рашид-ад-дин, I, 2, стр. 32-33.

³⁶ Палладий (Кафаров), КЧМШ, стр. 173.

вероломный, убить несколько татарских вождей во время пира,³⁷ но это, хоть и удовлетворило ее чувства, но ничего не изменило.

После смерти Хабул-хана и гибели Маркуза монгольскими родами стал вестать его племянник Амбагай-хаган, которого покойный предпочел семи своим сыновьям. Его также заманили к себе татары,³⁸ с которыми у монголов был в это время мир, скрепленный помолвкой сына Амбагая с дочерью вождя племени "белых (чаган) татар". По монгольскому обычаю, между помолвкой и свадьбой должно пройти несколько лет, иногда даже пять-шесть.³⁹ За эти-то годы и произошла перемена в политической ситуации, оставшаяся неизвестной Амбагаю.

Пока в империи Кинь правил изверг и самодур Дигунай, убивавший своих приближенных и стремившийся покорить Южный Китай, в Степи было относительно спокойно. Но в 1161 г. Дигунай был убит своими приближенными, и новый император Улу издал манифест, в котором говорилось о войне с монголами.⁴⁰ Был задуман большой карательный поход против ничего не подозревавших монголов, и чжурчженьские дипломаты привлекли на свою сторону татар. Именно в эти роковые дни Абагай-хаган поехал в гости к "белым татарам", чтобы привести к себе домой невесту с приданым. Спутниками его были его младший брат Тодоён-отчигин и советник Чинтай-нойон. Последний, будучи человеком умным и предусмотрительным, пытался уговорить Амбагая вернуться с дороги, ссылаясь на неблагоприятные приметы, но тот отказался считаться с суевериями и прибыл на пир, устроенный в его честь.

Вождь соседнего племени (байат-дуклат) Мунка-чаутхури, пригласил к себе Тодоён-отчигина вместе с советником и тоже угощал на славу. Через десять дней, в разгар пира, прибыл гонец от татар и сообщил, что Амбагай схвачен, и татары просят доставить к ним Тодоёна, а самим выступить в поход на

³⁷ Рашид-ад-дин, Т, I, стр. 129.

³⁸ Сокр. ск. § 53.

³⁹ П.К. К о з л о в. Монголия и Кам. М., 1947, стр. 83-84.

⁴⁰ В манифесте указано, что монголы и татары ранее нападали на северные границы империи Кинь, а ныне вступили в союз с киданями и тангутами (СиСя). Палладий считает эти сведения выдумкой для дезориентации империи Сун, на которую готовили главный удар (Палладий, МЧМ, стр. 173).

МОНГОЛОВ.

Однако дуклаты не пошли на предательство гостя. Мунка, по совету своих старшин, дал ему коня и посоветывал не медлить в пути, Тодойн спасся, но татары разгромили становище дуклатов.⁴¹

Привезенный к чжурчженьскому "Алтан-хану" Улу Амбагай был пригвожден к деревянному ослу, но перед смертью велел одному из своих нукуров (дружинников) передать императору: "Ты не полонил меня своим мужеством, доблестью и ратью, а другие привели меня к тебе. Убивая меня так позорно, ты делаешь своими врагами Хадана-тайши, Хутула-кагана и Есугей-багатура, старших и младших родичей улуса монгольского. Нет сомнения, они подымутся для мщения тебе за мою кровь. Убивать меня неблагоприятно". В ответ на это Улу рассмеялся и дал дружиннику несколько коней, чтобы тот уведомил монголов об убийстве Амбагай. Тот, добравшись до кочевий племени дурбан, попросил сменить усталого коня, но те, вопреки степному обычаю, отказали. Бедняга загнал своих лошадей насмерть и дошел домой пешком.⁴²

Как же встретили монголы эту трагическую весть? Они, сославшись на волю покойного, поставили ханом Хутулу. "И пошло у монголов веселье с пирами и плясками ... вокруг развесистого дерева на Хорхонахе (у берега Онона). До того доплясались, что выбоины образовались по бедру, а кучи пыли по колена".⁴³ Да, в каждом из нас достаточно сил, чтобы перенести страдания ближнего!

Новый хан был могуч и свиреп как медведь, но еще более глуп. Поход на чжурчженей, в отмщение за кровь Амбагай, не состоялся, потому что хан не мог его организовать.⁴⁴ Вместо этого он затеял охоту с соколами и был застигнут в степи дурбанами. Нухуры разбежались кто куда, а хан с конем увяз в

⁴¹ Рашид-ад-дин, I, 2, с. 23-24.

⁴² Рашид-ад-дин, I, 2, с. 42-43.

⁴³ Сокр. ск. § 57.

⁴⁴ Вопреки тому, что утверждает Рашид-ад-дин, I, 2, с. 43-44. Китайские и монгольские источники не подтверждают его беспочвенных сентенций, направленных на угождение тщеславию заказчика - хана Олчжейту, в ущерб исторической истине.

небольшом болотце. Тут-то он себя и проявил. Врагов, подъехавших к другому краю болота, он отогнал выстрелами из лука, потом схватил коня за холку и вытащил из грязи; затем решив, что возвращаться без добычи стыдно, украл у дурбанов жеребца с табуном кобылиц и, наконец, наполнил сапоги (ибо другой тары у него не было) яйцами дикой утки. После этих подвигов, он вернулся домой, где по нему шли поминки. Как он погиб — неизвестно, но вскоре его сменил Хадан-тайджи, который проиграл татарам тринадцать сражений только за II6I-II62 г.⁴⁵

Особенно трагичным для монголов было поражение при озере Буир-нор в II6I г., после чего монгольское ханство распалось, так как часть племен отказалась класть жизнь за бездарного предводителя и выполнять приказы, неисполнимость которых была очевидна.

Чжурчженское правительство, узнав о таком сверхудачном для него обороте дел, приостановило подготовлявшийся поход,⁴⁶ ради экономии средств, которые понадобились новому императору Улу для подавления восстания киданей. Кидани продолжали ненавидеть своих победителей и поработителей. Узнав об убийстве кровожадного Дигуная, они сочли II62 г. моментом, благоприятным для восстания. Однако чжурчженские ветераны снова одержали победу. Захваченных в плен воинов предали казни, а женщин обратили в наложниц.⁴⁷ Эта неожиданная диверсия спасла монголов от полного истребления.

С другой стороны, китайская война поглощала большие силы чжурчженей вплоть до II65 г., когда китайцы были наголову разбиты при Хуай-яне. После этой битвы был заключен выгодный для чжурчженей мир, но время для войны с монголами оказалось упущено.

Но даже при столь благоприятном стечении обстоятельств, монгольское ханство находилось на краю гибели. Зажатые татарами с юго-востока, а меркитами с северо-запада, монголы должны были найти союзника, который помог бы им даже не победить, а уцелеть.

⁴⁵ Сокр. ск. § 58.

⁴⁶ Л. Н. Г у м и л е в. Поиски ..., стр. I54 (приведен разбор литературы вопроса).

⁴⁷ А. П. О к л а д н и к о в. Далекое прошлое Приморья. Владивосток, I959, с. 236.

Тогда Хадан обратился за помощью к кератскому принцу, сыну погибшего Маркуза, носившему титул "гурхан", т.е. глава межплеменного объединения. По-видимому, они договорились, но перед отъездом кравчие гурхана угостили монголов, согласно обычаю, тарсуном (молочной водкой). Нухуров вырвало и они уцелели, а Хадан, пивший последним, вскоре скончался. Видимо, чжурчженские шпионы проникли и сюда. После гибели Хадана, монгольская держава распалась, но поскольку защищаться от врагов было нужно, то военным предводителем стал один из внуков Хабул-хагана - Есугей-багатур.

Есугей-багатур. В то самое время, когда татары везли связанного Амбагай-хагана на смертную муку в Китай, его молодой племянник Есугей забавлялся охотой на птиц на зеленом берегу светлого Онона. Навстречу ему попался возок, в котором сидела молодая, очень красивая девушка, а рядом ехал ее новобрачный - Еке-Чиледу из племени меркит. Есугей немедленно съездил домой и привел двух своих братьев. Чиледу понял, что он один не справится с тремя богатырями и хлеснув коня, пустил его полным галопом, пытаясь скрыться за холмом. Монголы помчались за ним, но отстали настолько, что Чиледу, обогнув холм, вернулся к возку. Умная девушка сказала ему: "Разве ты по лицам этих людей не понял, что дело идет о твоей жизни. Найди себе другую жену, но назови ее моим именем - Оалун. Поцелуй меня и спасайся". Она сняла с себя рубаху и протянула своему милому прощальный подарок, а он потянулся с седла и принял его, когда трое преследователей уже показались из-за сопки и подлетели к нему. Снова хлеснул своего скакуна меркит, и помчался вверх по Онону. Монголы долго гнались за ним, но отстали. Тогда они вернулись к возку и повезли плачущую пленницу к себе в становище. Они не были злыми и утешали Оалун тем, что теперь, мол, все равно все пропало и ничего вернуть нельзя.

Да, по тем жестоким временам это было обыкновенное умиление невесты, хотя все-таки даже и тогда полагалось спросить ее мнение и получить согласие. Но с такой мелочью не посчитались, и Оалун стала первой женой Есугея.

Трудно было найти лучшую подругу, и столь же трудно было нажить более непримиримых врагов, чем воинственные меркиты, которые не забывали ничего. Таким образом, монголы которым предстояла война с южными соседями - татарами, снова поссорились с северными соседями - меркитами, причем в самый не-

подходящий момент. Медовый месяц Есугея оборвался в самом начале - разгорелась война с татарами за кровь Амбагая.

В этой войне наибольший успех выпал на долю Есугей-багатура. В 1162 г. ему удалось захватить в плен несколько татарских богатырей как раз в то время, когда Оалун подарила ему первенца. Растроганный отец назвал его Темуджином, по имени пленника, убитого при рождении сына. Таким образом, новорожденный сразу стал кровным врагом могучего татарского племени. Это в дальнейшем весьма осложнило его жизнь.

Как ни странно, брак Есугея и Оалун оказался счастливым. Она родила еще трех сыновей: Хасара в 1164 г., Хачиуна в 1166 г., Темуге в 1169 г. и дочь Темулун в 1170 г. От второй жены у Есугея было два сына: Бектер и Бельгутаи. За эти годы Есугей-багатур сделался сильным и влиятельным вождем, хотя и не был выбран в ханы. Впрочем, это ему не мешало весело жить, а в свободное время заниматься политикой. Час для нее наступил около 1170 г.

Естественным союзником монголов, ставших объектом чжурчженской истребительной войны, были керaitы, но в этой могучей орде не было порядка. Многолюдное, богатое и культурное керaitское ханство было окружено со всех сторон врагами, а родовичи вместо того, чтобы крепить державу, вступали в сделки то с найманами, то с меркитами, то с татарами. Сам хан все-таки был неприкосновенным, но его сыну, Тогрулу, пришлось плохо. В семилетнем возрасте он попал в плен к меркитам и его заставляли толочь просо в ступе, т.е. использовали ханского сына как домашнюю прислугу. Спас его отец, сделавший набег на меркитское становище, чтобы вернуть сына. Через шесть лет Тогрула вместе с матерью захватили татары. На этот раз он помощи из дому не дождался. Будучи человеком смелым, царевич бежал сам и вернулся к отцу, наследником которого он был.

Эти события показывают на крайнюю напряженность отношений в ставке керaitского хана. Дважды пленить царевича враги могли лишь при пособничестве ханских родственников и вельмож. И неудивительно, что вступив на престол, Тогрул казнил нескольких своих дядей. Но уцелевший дядя, носивший титул "гурхан", возмутил народ и свергнул Тогрула.

Вспомним, что в ставке этого самого "гурхана" был отравлен Хадан-тайджи. Пусть даже сам "гурхан" был в этом неповинен, но ведь он не принял мер к охране особы союзника и гос-

тя. Поэтому симпатии монголов оказались на стороне Тогрула. В 1170 или 1171 г. с берегов Онона, пришел с верным войском на берега Толи Есугей-багатур и вынудил "гурхана" бежать за Гоби, к тагутам, а Тогрул снова сел на престол.

После такого подвига, Есугей вернулся к личным делам: он помолвил своего девятилетнего сына Тэмуджина с десятилетней Борте из племени Хонхират. Искренний и добродушный Дай-Сечен, отец невесты, очень хорошо принял будущего зятя. Есугей, оставляя сына в кочевье хонхиратов, только об одном просил свата: "Побереги моего мальчика от собак. Он их очень боится". Это последнее было несколько необычно. Страшные волкодавы, охраняющие овец, никогда не трогают детей. Монгольский мальчишка одним взмахом широкого рукава, запросто, разгоняет лающую свору псов. Предупреждение Есугея говорит о повышенной нервности Тэмуджина, часто сопутствующей развитому воображению и предприимчивости. С годами такая нервозность подавляется волей и рассудком, благодаря чему не приносит ущерба.

Возвращаясь домой, Есугей заметил группу людей, пировавших среди степи. Так как он устал и томился жаждой, то подъехал к ним и ... увидел, что это татары. Те его тоже узнали, но пригласили на пир, как гостя. Есугей поел и выпил, но уезжая почувствовал себя плохо. С трудом добрался он до дому, будучи уверен, что его отравили за старые обиды. С этой уверенностью он и умер.

Трудно утверждать, что Есугей поставил себе правильный диагноз. Все-таки после пира он провел в седле три дня, хотя и очень плохо себя чувствовал. Болезнь обострилась лишь на четвертые сутки, когда он был дома. Тут возможна любая инфекция. Важно другое: его уверенность, что степные обычаи гостеприимства могут быть попорчены и забыты. Твердый стереотип поведения монголов ломался на глазах.

Перед смертью Есугей-багатур позвал к себе одного из своих нухуров (дружинников), Мунлика, поручил ему заботу о семье и просил скорее вернуть домой Тэмуджина. Мунлик оказался достойным оказанного ему доверия. Немедленно поехал к хонхиратам, сказал, что отец скучает о сыне, и привез мальчика домой. Узнав о потере, Тэмуджин упал от горя на землю и бился в судорогах. Отец Мунлика, старый Чарха сказал ему: "Что ты, бедняга, бьешься как пойманный таймень"? Позови своих турхаудов (стражу). Превозмоги горе!" Совет был мудр, но

неисполним. Тэмуджин был сыном не царя или феодального сеньора, а богатыря, все богатство которого заключалось в его энергии и организаторских способностях.

Соплеменники Есугея эти способности ценили, ибо им было удобно переложить ответственность за военные действия, которые производились ежегодно, на плечи человека не чужого и не очень близкого. Но, как часто бывает, они не испытывали к своему вождю ни любви, ни привязанности, а уважение — не гарантия верности, особенно в случае внезапной беды. Юный наследник погибшего богатыря был никому не нужен и не интересен.

Однако среди монгольских знатных родовичей нашлись люди добросердечные. Таким оказался глава племени тайджитов, Таргутаи Кирилтух. Он посетил кочевье Есугея и привел к себе юного Тэмуджина, чтобы "учить его, как учат трехлетнего ребенка". Таргутаи Кирилтух первым отметил, что у этого мальчика "во взгляде огонь, а лицо как заря", и помог ему перенести горечь потери, не помышляя о том, что это через много лет избавит его от мучительной смерти (Сокр. ск. 149). Но Таргутаи Кирилтух был лишь нойоном в своем племени, а общественное мнение направляется не политическими расчетами старейшин или вождей. Подчас решающее значение имеют капризы женщин и их слуг. Прошла зима, память о заслугах Есугея померкла.

Горечь сиротства. Прошел год, или два — хронология этих событий авторами источников опущена. Весной 1272 или 1273 г. супруги Амбагай-хагана, Орбай и Сохотай, согласно обычаю поехали на кладбище — "в Землю Предков", чтобы совершить традиционную тризну. Оэлуи поехала тоже, но случайно запоздала и крайне огорчилась, увидев, что ее не подождали. Она обратилась к вдовам Амбагай с упреками: те ответили, что она не заслуживает приглашения и что они не желают иметь с ней никаких отношений. Казалось бы, что это пустяк, но, как ни странно, именно женская ссора оказалась выражением настроений масс, которые не замедлили воспользоваться случаем. Люди откочевали вниз по реке Онону, кинув семью Есугея на произвол судьбы.

По сути дела, поступок монголов-тайджитов был не только гнусной неблагодарностью, но и преступлением. Остаться в степи без помощи и защиты — это перспектива медленной смерти, с ничтожными шансами на спасение. Друг Есугея, старик Чарха

попытался уговорить уходивших людей ... и получил удар копьём в спину. Оэлуи подняла бунчук Есугея и призвала народ не покидать знамя. Многие усовестились и вернулись, но не надолго. Вскоре они опять ушли вслед за остальными.

Что руководило поступком ушедших? "Ключ иссяк, бел-камень треснул", - сказал Тодоев-Гиртай, ударивший копьём верного Чарху. Эта монгольская пословица означала крах чего-либо. А поддерживать ослабевшего и нуждающегося в помощи обывателю противопоказано. Обыватель, степной или городской, будет ползать на животе перед богатырем, но он расплатится за свое унижение с его вдовами и сиротами. Так, семья Борджигинов превратилась в людей "длинной воли", хотя и вопреки своей воле.

То, что дети Есугея остались живы - заслуга Оэлуи. Ведь старшему ее сыну в это время было только одиннадцать лет, а младшей дочке - один год. Скот Есугея тайджиути угнали для себя, и единственной пищей, которой Оэлуи и вторая жена Есугея - Сочихэл кормили своих сыновей, были мучнистые клубни саранки и острые, похожие на чеснок, корни черемши. Когда дети подросли, они стали ловить рыбу в Ононе и из детских луков стрелять дроф и сурков. Но для того, чтобы прокормиться таким образом, приходилось забывать слово "отдых", потому что на зиму надо сделать запас. И это кошмарное детство продолжалось, пять или шесть лет: точная хронология отсутствует.

Можно только приблизительно вычислить, что около 1178 г. ± два года, когда Тэмуджину было 16 лет, а его брату Хасару - 14 лет, у семьи Борджигинов уже было девять соловых меронов, луки и достаточное количество стрел. К этому времени подросли и дети Сичихэл: Бектер и Бельгутаи, ровесники Тэмуджина и Хасара.

Источники не сообщают об отношениях семьи Борджигинов с другими монгольскими племенами. Но ведь долина Онона не планета в космосе и, следовательно, дети Есугея были не совсем одиноки. Так, в 1173 г. одиннадцатилетний Тэмуджин играл в альчики (бабки) на льду Онона с Чжамухой, членом знатного рода племени джаджиратов (Сокр. ск. § 116). Весной того же года они обменялись стрелами и поклялись друг другу в верности как анды - побратимы. Трогательный обычай побратимства, унаследованный монголами от далеких предков и ставший в XII в. почти анахронизмом, заключался в крепкой и постоянной взаи-

мовнручке от опасностей: "Анды - как одна душа" - эти слова были ими услышаны от стариков (Алтан-Тобчи, стр. 64), но они их запомнили на всю жизнь.

Б р а т о у б и й с т в о. И вот начинается пора загадок. В 1178 или 1179 г. Тэмуджин и Хасар убили своего сводного брата Бектера. И, главное, из-за чего? Из-за пустяков! Вот на это-то и следует обратить внимание.

Бектер был самым сильным из братьев и, пользуясь своим влиянием на Бельгутая, обращался с Тэмуджином и Хасаром безобразно. Он отнимал у них то пойманную рыбу, то подстреленную птицу, а когда братья жаловались матери, та ханжески укоряла их за то, что они не могут жить в мире с обидчиком. Оскорбленные Тэмуджин и Хасар подкрались к Бектеру, сторожившему табун, с луками наготове. Бектер, будто бы, сказал: "Думаете ли вы о том, с чьей помощью можно исполнить непосильную для вас месть за обиды, нанесенные тайджутскими братьями? Зачем вы смотрите на меня, будто я у вас ресница в глазу или заноза в зубах ... когда у нас нет друзей, кроме своих теней, нет плети кроме бычьего хвоста. Не разоряйте моего очага, не губите Бельгутая" (сокр. ск. § 77), и сев на корточки дал себя застрелить.

Речь эта тем более удивительна, что в ней даже не упомянута причина ссоры - отнятая рыба. Перед лицом смерти обычно говорят то, что думают, и то, что может спасти. Бектер о рыбе и птице забыл, но вспомнил о "тайджутских братьях", месть которым "непосильна". И вряд ли здесь можно видеть "факт, свидетельствующий о мстительности и жестокости характера будущего Чингиса", который будто бы видел в Бектере соперника.⁴⁸ Эту концепцию старательно и навязывал читателям автор "Тайной истории", тенденциозность которой несомненна.⁴⁹ О каком соперничестве можно говорить, когда речь идет о четырех мальчишках, против которых настроено могучее племя. Нет, тут что-то иное, гораздо более страшное.

Судя по словам Бектера, если только они переданы историком правильно, он вполне понимал, что убить его есть за что. Но за неуживчивость не убивают; особенно когда можно просто разехаться. И еще более странно, что в повествовании нет ни

⁴⁸ Е.И. Кычанов. Жизнь Тэмуджина, думавшего покорить мир. М., 1973, стр. 30.

⁴⁹ Л.Н. Гумилев. Поиски ..., стр. 237-261.

слова о реакции матери Бектера, но приведено древнее проклятие, обрушенное на голову Тэмуджина и Хасара их собственной матерью Оэлун, которая была Бектеру мачехой и не могла любить злого мальчишку, постоянно обижавшего ее сыновей.

Оэлун почему-то все время защищала Бектера, даже когда он был заведомо неправ, и только причитала: "Ах, что мне с вами делать? Что это вы так неладно живете со своими братьями! Не смейте так поступать!" (Сокр. ск. § 76). Похоже на то, что она боялась Бектера и стремилась избежать ссоры любым путем.

Но когда убийство свершилось и Оэлун по выражению лиц сыновей узнала о происшедшем, она обрушила на них проклятие, смысл коего был в том, что нельзя убивать родственника, когда "нет друга, кроме своей тени, нет плети, кроме конского хвоста" (Сокр. ск. § 77-78). Укор сам по себе циничный и, пожалуй, не по существу.

Теперь попробуем разобраться, откуда автор источника мог знать о последних словах Бектера? Только от его убийц. Последние же не были заинтересованы ни в чем, кроме самооправдания. Значит, они передали потомству то, что считали нужным. Однако, если доверять тексту, то Хасар поступил дурно, выстрелив в грудь брата, а Тэмуджин еще хуже, стреляя ему в спину. Но так ли просто все это дело? И вряд ли Бектер, доведший своих братьев до иступления, вдруг оказался столь робким и тихим?! И почему его брат Бельгутаи так спокойно перенес его предательское убийство, что даже не испортил отношения с Тэмуджином? Не слишком ли много вопросов, на которые автор источника не дает ответов.

Можно предположить два варианта истолкования этого странного братоубийства: один - основанный на доверии к источнику, второй - скептический.

Допустим, что Тэмуджин и Хасар убили Бектера за постоянную наглость (хамство), а Оэлун отругала их за то, что они сами лишили себя военного товарища. Но разве можно идти в бой рука об руку с человеком, который даже пойманную рыбу у тебя отнимает? Ну, а если в бой он выкинет что-нибудь подобное? Ведь это может стоить жизни.

Затем, имеет ли право человек, стремящийся к власти, допускать, чтобы им помыкали. Такая уступчивость обязательно вызывает презрение тех, кто должен был бы быть его последователями. А так как Бектеру ничего нельзя было внушить, то

возникает мысль, что его поведение было нарочитым. Тэмуджин подрос и, очевидно, уже стал проявлять способности, которые впоследствии доставили ему престол. Врагам было выгодно его дискредитировать постоянным унижением. Именно этим неблагоприятным делом занимался Бектер, полагая, что ему ничто не грозит. Значит, у него были сильные защитники.

И тут возникают веские основания для скепсиса. А что если автор источника знал только то, что ему сознательно внушили и чему он искренно поверил. Не было ли скрытой причины для братоубийства, которой не знала даже Оэлуи? Такой веской причиной могла быть только измена. Этого монголы не прощали не только по характеру, но и по догмату своей религии. Врагами Тэмуджина были тайджиуты; следовательно, только они были заинтересованы в том, чтобы в стане Борджигинов был их лазутчик. Но откуда мог это узнать Тэмуджин? Только от Бельгутаи, человека искреннего, простодушного и болтливого. Вот поэтому — то Бельгутаи и не негодовал после убийства брата, а Тэмуджин любил его всю жизнь, больше родных братьев.

Но если наша догадка правильна, то смерть Бектера не могла остаться неостомщенной. Таков был древний монгольский обычай. Так что же случилось после смерти Бектера и, точнее, из-за нее?

О х о т а н а ч е л о в е к а. События разворачивались быстро. Оэлуи причитала даром. Глава тайджиутов Таргутаи-Кирилтух со своими тургаутами (стражей) нагрянул на становище Борджигинов, но не застал их врасплох. Матери и дети бросились в тайгу и укрылись в укреплении из поваленных деревьев, которое быстро соорудил Бельгутаи. Хасар удерживал неприятеля перестрелкой, но тайджиуты не обращали на него внимания, кричали: "Выдайте нам Тэмуджина. Других нам не надо!" (Сокр. ск. § 79). Если до этого могли быть сомнения в том, что Бектер занимался шпионажем, то теперь для них места не осталось. И следил он не за своей семьей, а только за Тэмуджином, потому что на Хасара, также принимавшего участие в убийстве стукача, тайджиуты внимания не обращали, хотя он стрелял в них из тугого лука. Незаурядность Тэмуджина открылась слишком рано, а такое ничего, кроме неприятностей, не приносит.

Тэмуджину оставалось только одно — бежать в горный лес. Чащи на монгольских горах до того густые, что, не зная звериных тропинок, пройти в лес нельзя. Но есть в лесу нечего.

И Тэмуджину после десяти дней голода пришлось спуститься в долину. А там его ждали дозоры тайджитов, которые привели пленника к Таргутаю-Кирилтуху. Но этот добрый человек опять спас жизнь сыну своего друга. Он "подверг его законному наказанию" (Сокр. ск. § 81), т.е. заменил смерть колодкой на шею и запрещением ночевать более одного раза в одной юрте. Несчастный мальчик должен был скитаться из юрты в юрту, вымаливая, чтобы его покормили и напоили, потому что колодник не может есть и пить без посторонней помощи.

Тайджиты полагали, и не без оснований, что юноша, попавший в плен и заключенный в колодку, обязан потерять самообладание и надежду на спасение. Так бы оно и было, если бы Тэмуджин был как все. Но ведь тогда его не стоило бы преследовать.

16 дня первого летнего месяца, в полнолуние тайджиты справляли очередной праздник и, как водится, выпили изрядно. Тэмуджина в этот день сторожил какой-то слабосильный парень, который не принял участия в общей выпивке. Тэмуджин подождал, пока пирующие разошлись спать, и тогда, развернувшись, ударил своего стража по голове той самой колодкой, которая сжимала его шею. Тот упал, а Тэмуджин бросился бежать, сначала в лес на берегу Онона, а потом вошел в реку, где лег на мелком месте, пустив колодку по течению. Парень, стороживший пленника, очухавшись, закричал: "Упустил я колодника", — и тайджиты бросились искать беглеца. Луна освещала лес и было светло как днем. И вот Тэмуджин увидел, что прямо над ним стоит человек и смотрит ему в лицо. Это был Сорган-Шира из племени суддус, находившегося у тайджитов на положении подчиненного племени (унаган богол). Некоторое время они смотрели друг другу в глаза, а потом Сарган-Шира сказал: "Вот за то-то тебя и не любят твои братья, что ты так сметлив. Не бойся, лежи так, я не выдам", — и уехал дальше.

Не найдя беглеца, тайджиты стали советоваться о дальнейшем поиске. Сорган-Шира посоветовал пройти каждому по своему пути обратно, тщательно осматривая местность. И проходя мимо Тэмуджина, бросил ему: "Твои братья тут точат на тебя зубы, но не бойся, лежи".

Нетрудно понять, что поиски результатов не дали. Тайджиты разошлись спать, решив, что человек в колодке далеко не уйдет.

Когда преследователи разошлись по юртам, Тэмуджин вылез

из воды и пошел искать юрту Сорган-Шира. Он легко ее обнаружил по шуму от мутовки при сбивании кумиса. Сорган-Шира был напуган до полусмерти, но его сыновья Чимбай и Чилаун сказали: "Когда хищник загонит птичку в чашу, то ведь и чаша ее спасает". Они сняли колодку с шеи узника, и сожгли ее в огне очага, а самого Тэмуджина спрятали в повозке, нагруженной шерстью, поручив заботу о нем своей сестренке Хадаан, наказав ей не проболтаться.

Три раскаленных летних дня и три душных ночи лежал Тэмуджин под грудой шерсти. На третий день тайджигуты, обыскивая все становище пришли к юрте Сорган-Шира и стали раскидывать шерсть на телеге. Но Сорган-Шира, побуждаемый вполне понятным страхом, сказал им: "В такую жару разве можно вытерпеть, лежа под шерстью". Это показалось столь убедительным, что тайджигуты спустились с телеги и ушли.

Поведение тайджигутов как нельзя лучше характеризует образ жизни монгольского кочевья старого типа, полное отсутствие дисциплины и вялое отношение к общественным задачам. Тайджигутские мужи не могли не понимать, что беглец таится где-то близко и убежать пешком не может. Стоило им выставить дозоры, которые бы взяли под наблюдение окрестности кочевья ... и пленник был бы пойман. Но вместо этого они вернулись к своим привычным делам. И не нашлось вождя, который заставил бы воинов преодолеть лень. Это спасло Тэмуджина.

До смерти перепуганный Сорган-Шира постарался как можно скорее отделаться от гостя, который "чуть было не погубил его, словно ветер, развеивающий пепел". Для Сорган-Шира, как впрочем и для всей его семьи, был единственный способ остаться живым: помочь Тэмуджину спастись. Поэтому Сорган-Шира привел яловую саврасую кобылицу, сварил полуторогодовалого ягненка, наполнил водой бурдюк и добавил к этим дарам лук и две стрелы. Но ни седла, ни огнива он не дал Тэмуджину, хотя великолепно знал, насколько нужно в пути то и другое.

Последнее показывает, насколько рискованно было в те времена жить с чистой совестью. Тэмуджина могли настичь в дороге, но тогда Сорган-Шира от своего участия в побеге мог отпереться. Лошадь беглец мог поймать на пастбище, мясо и бурдюк - украсть, потому что малоценные предметы часто оставляли вне юрты. Лук вообще запрещалось вносить в чужой дом; его клали на верхний карниз входной двери. Утащить лук оттуда не составляло никакого труда. Но седло хранили дома, а ог-

ниво носили при себе; обе эти вещи имели вполне индивидуальный облик, что делало их неоспоримыми вещественными уликами. Поэтому Сорган-Шира оставил Тэмуджина без огня и седла, но Тэмуджин никогда этого не ставил ему в вину и, даже став ханом, запретил произносить упреки по адресу родственников своего спасителя.

Сначала Тэмуджин добрался до места, где стояла его разрушенная юрта, а потом, по следам, нашел свою семью, не чаявщую увидеть его живым. Вместе и дружно Борджигины двинулись дальше и укрылись на южном склоне хребта Бурхан-халдун, где их не смогли отыскать тайджиуты. Это обстоятельство тоже показывает, что Бектер был убит не напрасно: некому стало доносить врагам о местопребывании семьи.

В этом эпизоде привлекает внимание не столько авантюрный сюжет, сколько четкая разница поведенческих стереотипов старого и молодого поколений. Пожилые: Таргутай-Кирилтух, Сорган-Шира и их сверстники — люди добродушные, отзывчивые и довольно инертные. Им легче не сделать, нежели совершить, а начав дело, они его до конца не доводят; убежал Тэмуджин неизвестно куда — ну, и пусть его, а нам искать некогда. Это типичная психология обывателя; в деревне, в степи — она одна и та же.

Молодежь этого поколения совсем иная. Не только Тэмуджин и его братья, но и дети Сорган-Ширы. Они инициативны, верны своим принципам, упорны и без страха идут на смертельный риск. Если бы такими были соратники Амбагай-хана, то он не умер бы пригвожденным к деревянному ослу. Его бы либо выручили, либо так отплатили чжурчженям, что отбили бы у них охоту к завоеваниям. И то, что это не единичные случаи, которые бывает постоянно, но редко, мы увидим из дальнейшего описания, посвященного тем годам, когда эти юноши подросли и начали действовать самостоятельно. А пока они питаются тарбаганами да сусликами и копят силы, вернемся к биографии Тэмуджина, единственной освещенной источниками. Это еще не жизнеописание, а рассказ о жизни небогатого монгольского юноши, лишенного поддержки и заступничества, но полного энергии и мужества.

Первый дружник. Мирное и одинокое существование семьи Борджигинов было нарушено внезапной бедой: грабители угнали восемь соловых мерингов и скрылись. Тэмуджин бросился в погоню на последней лошади, уцелевшей потому, что

Бельгутаи ездил на ней на охоту. Погоня продолжалась семь дней, т.е. пришлось проехать около 200 км. На середине пути Тэмуджин встретил молодого пастуха Боорчу, сына Наху Байана, вполне состоятельного монгола. Боорчу дал Тэмуджину свежего коня и отправился его сопровождать. Когда же они обнаружили стойбище похитителей и своих коней, пасшихся поодаль, Боорчу вместе с Тэмуджином отогнали их. Похитители бросились вдогонку, и тогда Боорчу предложил дать ему лук, чтобы сразиться, но Тэмуджин не позволил юноше рисковать жизнью. Он сам стал стрелять, чем остановил преследователей, после чего друзья скрылись под покровом наступившей ночи.

Добравшись через трое бессонных суток до стойбища Наху Байана, Тэмуджин предложил Боорчу взять за помощь несколько спасенных коней, но тот отказался. Столь же бескорыстным оказался Наху Байан. Он даже разрешил сыну присоединиться к Тэмуджину и стать его нухуром, т.е. дружинником. Пока же он снабдил гостя на дорогу бараниной и кумисом. Тэмуджин спокойно достиг кочевья Борджигинов, где его мать и братья извелись от беспокойства; ведь Тэмуджин отсутствовал целых две недели - 14-15 дней. Боорчу приехал к Тэмуджину на службу немного времени спустя.

Этот эпизод излагался в литературе неоднократно и гораздо более подробно, с воспроизведением диалогов, которые, в свою очередь, были плодом литературной фантазии автора "Тайной истории". Но вне поля зрения комментаторов остались некоторые обстоятельства, на которые, при нашем подходе, следует обратить внимание.

В источнике не названо племя грабителей, хотя невозможно, чтобы оно было Тэмуджину неизвестно. Кочевье конокрадов отстояло от становища Борджигинов на семь дней пути. Это слишком далеко для случайного вора. Видимо, здесь была целенаправленная акция, но кого? По источнику, Боорчу бросился помогать Тэмуджину только под обаянием его личности. Это допустимо, но странно, что старый Наху Байан проявил такое бескорыстное участие и отпустил единственного сына в услужение случайному знакомому. Тут что-то не так.

Напрашивается мысль, что личные качества Тэмуджина вызвавшие ненависть тайджиутов, были известны и представителям других родов. Боорчу принадлежал к племени арулат, считавшихся одним из коренных монгольских племен. Арулаты происходили от младшего сына Хайду и, таким образом, были в родстве

с тайджитами и Борджигинами (Сокр. ск. § 47; Р-д, I, I, с. 78). Эта родословная дала Б.Я. Владимирцову возможность зачислить Боорчу в разряд "аристократов".⁵⁰ Однако в перечислении активно действовавших в XII в. племен раздела нурул арулатов нет. Они упоминаются только в числе родственных родовых подразделений племени урут (Р-д, I, I, с. 184). Поэтому можно предположить, что древность происхождения не была показателем процветания; скорее наоборот.

Предположение переходит в уверенность при описании становивца Наху Байана: он живет одиноко, аилом, а не куренем. Значит, это один из "людей длинной воли", что куда больше определяет его вкус и симпатии, нежели туманная генеалогия. Для людей, предоставленных самим себе, знатное происхождение может быть обузой, но никак не подспорьем. Общность судьбы арулатов и борджигинов была очевидна. Видимо именно это толкнуло их потомков друг к другу, тем более, что Темуджин уже стал известен в Великой степи.

А теперь посмотрим на безымянных врагов Темуджина - конокрадов. Они живут куренем - значит, это большое, организованное племя. Они хорошо одеты: красный халат - не овчина, его надо купить. Но доблесть их относительна. Как только они увидели, что в них может попасть стрела - они отстали и прекратили погоню, несмотря на численное превосходство. Либо они не были лично заинтересованы в сохранении украденных коней, либо просто трусоваты; а скорое и то, и другое. Главное же, что второе столкновение подобно первому: родо-племенная организация выступает против "людей длинной воли", причем последние только защищаются. Но до какой же степени можно обороняться? Рано или поздно придется перейти в наступление.

Что же касается неназванности грабителей, то здесь вина автора "Тайной истории". Умолчание, несомненно, не случайно. Скорее всего, это были его родные или очень к нему близкие. Поэтому он решил предать их имя забвению, дабы обеспечить их потомкам покой. Но если так, то это было коренное монгольское племя, ибо иноплеменников автор источника не щадит.

Выходит, что внутренняя борьба раздирала монгольское общество, но партии создались не на основе богатства и бедно-

⁵⁰ Б.Я. Владимирцов. Общественный строй монголов ..., стр. 77. Обратное мнение см. Г.Е. Грумм-Гржимайло. Западная Монголия и Урянхайский край, П. Л., 1926, стр. 408.

сти или знатности и демократизма, а вследствие выделения "людей длинной воли", т.е. особой специфического психического склада или просто - пассионариев, выброшенных из жизни своими более удачливыми собратьями. Но если так, то именно такую коллизию следует именовать пассионарным толчком.

Первая жена. Следующим шагом Тэмуджина был его брак с нареченной невестой Борте. Когда жених приехал на берег Керулэна к хонкиратскому Дай-Сечену, тот удивился тому, что Тэмуджин еще жив, так как ненависть тайджитов к нему получила широкую огласку. Но хонкираты были достаточно самостоятельны, чтобы не считаться с тайджитами. Они были другой "иргэн", т.е. субэтнос монгольского этноса, столь же древний и столь же сильный, как и тайджиты.⁵¹ А так как соперничество соседей - явление обычное, то Дай-Сечен еще и "обрадовался" (Сокр. ск. § 94). Обручение состоялось по всем правилам, мать невесты проводила ее в семью мужа и подарила ей соболью доху. А это и по тем временам была огромная ценность.

Вряд ли можно осуждать Тэмуджина за то, что он тут же отобрал у молодой жены эту доху и повез ее кератскому хану Тогруду в подарок. Тэмуджин знал психологию своих современников. Неблагодарность не была свойством монголов, но услуги, оказанные Тогруду, успели забыться, а покровительство молодому отщепенцу было крайне необходимо. Расчет оказался правильным. Тогрул растрогался, вспомнил былую дружбу с Есугеем и обещал Тэмуджину собрать его рассеянный улус (С. ск. § 96).

Поддержка и покровительство самого сильного хана Монголии сразу изменили положение Тэмуджина. К нему пришел старый кузнец из рода Урянхадай и привел сына в услужение. Это был второй нухур Тэмуджина, Джелмэ. Ему не пришлось пожалеть о поступке своего отца.

Но не только два поименованных нухура: Боорчу и Джелмэ умножили число сторонников Тэмуджина, хоть автор "Тайной истории" больше никого не упомянул. За два года (II79-II80) сторонниками Тэмуджина стало около десяти тысяч воинов. Они не группировались вокруг его ставки, а жили в верховьях

⁵¹ Б.Я. В л а д и м и р ц о в. Общ. строй ..., стр. 79.

Онона,⁵² по-видимому, рассеянно, как подобало людям "длинной воли". Как только весть о милости кераитского хана к Тэмуджину распространилась по Великой степи, эти люди объявили себя сторонниками нищего царевича. Соболя доха окупилась сверх меры.

По сути дела, Тэмуджин не стал ни ханом, как Тогрул, ни вождем племени, каким был его отец, ни даже богатым человеком, потому что никто из новоявленных сторонников не был его данником, или слугой. Тэмуджин стал знаменем создававшейся, но еще не оформившейся партии, человеком, от которого ждали многого, но не давали ему ничего. Положение его стало еще более острым. И неприятности не замедлили воспоследовать.

Степная вендетта. Обычно беда приходит неожиданно и не оттуда, откуда ее ждут. Тэмуджин и его родня летом 1180 г. ожидала нападения тайджитов. Поэтому они откочевали с Онона к истокам Керулэна, подальше от своих недругов. Но это на пользу делу не пошло.

Однажды ранним утром, " когда начинает желтеть воздух", (С. ск. § 98) Хоахчин, служанка матери Оэлун, услышала как от конского топота дрожит земля. Решив, что это едут тайджиты, она немедленно разбудила хозяев. Те подготовились встретить именно их; поймали девять лошадей, пасшихся неподалеку и сели: Оэлун с дочкой Тэмудун на одну лошадь, Тэмуджин на другую, затем Хасар, Хачдун, Тэмугэ, Бельгутай, Боорчу и Джэлмэ, а одну лошадь оставили заводной, так что Борте лошади не досталось.

Остановимся и подумаем, не слишком ли помыкал Тэмуджин молодой женой? И доху он у нее отнял; и во время набега врагов покинул, хорошо ли это? И если это было так, то почему именно Тэмуджин снискал в столь молодых годах преданность и симпатию одних, и зависть и ненависть других? В чем тут дело?

Напомним, что Борджигины ждали набега тайджитов, своих соплеменников, и, в какой то мере, родичей. В те времена, во

⁵² Джамуха упоминает одну тьму из "людей анды". (С. ск. § 106) Тогрул не был андой Джамухи, следовательно, имеется в виду Тэмуджин. В Алтан-Тоочи это упоминание опущено. Так как "люди анды" упомянуты без племенной принадлежности, то ясно, что это были отщепенцы, т.е. люди "длинной воли". Онон берет начало на восточных склонах Хэнтая, покрытых лесом; удобное укрытие для тех, кто вынужден прятаться.

время семейных стычек, женщине из чужого иргэна ничего не грозило. А Борте была хонкиратка по крови, на что факт замужества не влиял. Если бы нападавшие были тайджиутами, то Борте вместе со старой Хоахчин и матерью Бельгутага - Сочихал пересидела бы набег в юрте, но напали не тайджиуты, а меркиты. Они проделали путь свыше 300 км.,⁵³ чтобы захватить Борджигинов врасплох, и своей цели почти достигли. Однако настороженность и привычка быть преследуемым сказались ... и Борджигины скрылись на горе Бурхан, в лесистом Хэнтэе. Предусмотрительная Хоахчин решила, что, хотя тайджиуты Борте не убиты, но молодые воины для красивой женщины всегда опасны. Поэтому она спрятала Борте в крытом возке, запрягла в него пестрого быка и поехала к бору, темневшему на склонах долины, с первыми лучами рассвета. Скакавшие ей навстречу воины спросили Хоахчин, как проехать к юрте Тэмуджина и дома ли он? Удовлетворившись ответом, они ускакали.

И тут случилась беда: у телеги сломалась ось; а пешком Борте идти не могла, потому что ее сразу бы заметили. Тут подскакали те же воины, возвращавшиеся с пустого кочевья. Один из них вез в седле Сочихал, ноги которой, не вдетые в стремя, болтались на скаку. Воины обскали возок, нашли Борте, и увезли всех трех женщин, говоря, что это воздаяние за похищение Оэлун Есугаем.

Похищения меркитам было мало. Они бросились искать Тэмуджина. Но в лесной чаще, "где сытому змею не проползти" (С. ск. § 102), меркиты оказались бессильны. Бросив бесплодную погоню, меркиты повернули коней домой.

Тэмуджин послал на разведку Бельгутага и Боорчу. Те следили за меркитами трое суток и выяснили, что это были три племенных вождя: Тохта-беги, Даир-Усун и Хаатай-Дармала, во главе трехсот всадников. Набег их был интерпретирован как месть за похищение Оэлун, но уж очень она запаздала, на целых двадцать лет. И почему меркиты так искали в лесной чаще Тэмуджина? Видимо, им было нужно его убить, но для чего?

То, что непонятно нам, было ясно современникам событий и, в первую очередь, самому Тэмуджину. В молитве или речи, произнесенной им после ухода меркитов, звучат трагические

⁵³ От среднего течения Селенги до истоков Керулена (восточный склон Хэнтэя) 300 км. по прямой. Но если учесть неизбежные изгибы дороги, то будет в полтора-два раза больше.

ноты: "Бурхан-хаддуном (название горы, поросшей лесом, в Хентее) изоблевана жизнь моя, подобная жизни вши" ... "защищена жизнь моя, подобная жизни ласточки. Великий ужас я испытал" (С. ск. § 103). И он повелел потомкам поклоняться этой горе, как святыне.

Самое удивительное, что никто из монголов XII-XIII вв не расценил поведение Тэмуджина как трусость или слабодушие. Наоборот, бегство в горы рассматривалось как подвиг, а плен покинутой жены - как большая неприятность, не больше. Видимо, была немалая разница между племенной борьбой внутри монгольского этноса и войной с меркитами, которые монголами не были, но соперничали с монголами за место под солнцем. Для того, чтобы уяснить разницу между войной на уровне этноса и войной на уровне суперэтноса, вспомним судьбу Наполеона III и IV. Первый после капитуляции в Седане был освобожден и коротал конец жизни в Англии; второй, попавшись зулусам, был тут же заколот асеегями.

Но даже не просто опасность для жизни, а что-то большее имело значение для Тэмуджина. Это будет видно из того, что похищение Борте вызвало те же последствия, что и увоз Елены Спартанской Парисом в Троию. Только монголы оказались куда оперативнее ахейцев, и война не затянулась.

Троянская война на Селенге. Тэмуджин не потерял ни минуты. Сразу же после набега меркитов он поехал к Тогруду в его ставку Темный бор на берегу Толы, рассказал о случившемся и попросил помощи. Доха и тут решила дело. Тогрул ответил, что в благодарность за черную доху, он предаст огню всех меркитов, возвратит Борте, выставит для этой цели две тьмы (20 тыс. сабель), но предложил немедленно обратиться к Джамухе, вождю джаджиратов, побратиму (анда) Тэмуджина, чтобы тот привел тоже 20 тыс. всадников, для образования левого крыла, и назначил место встречи (С. ск. § 104).

Кажется удивительным и то, что против трехсот меркитов, участвовавших в набеге, мало двадцати тысяч кераитов, и то, что Тогрул ставит выполнение своего обещания помогать Тэмуджину в зависимости от позиции вождя джаджиратов - Джамухи. Джаджираты входили в раздел нирун, так как происходили от сына одной из жен Бодончара, которую тот захватил беременной. Бодончар ребенка усыновил. Потомком этого мальчика был Джамуха-сепен (мудрый). Юридически, джаджираты считались равноправными с другими монгольскими племенами, но оттенок непол-

ноценности из-за сомнительной генеалогии родоначальника, лежал на них бременем, нетяжелым, но противным. И вот теперь от позиции их вождя зависела судьба военной операции, по размаху равновеликой среднему крестовому походу. Приходится признать, что прямые данные источников по нашей проблеме создаст у читателя не только неполное, но и искаженное представление о действительной расстановке сил в Монголии XII века.

Тэмуджин послал к Джамухе Хасара и Бельгутаю напомнить о принадлежности к одной большой семье, передать обращение Тогулука и просить выставить 20 тыс. воинов для освобождения Борте. Все это выглядит похожим на мобилизацию ахейских базилевсов для возвращения Елены Прекрасной, за исключением того, что Елену спасали вопреки ее желанию.

Мотив, по которому Джамуха должен был поднять в поход свой народ, — только общемонгольский патриотизм. Однако этого оказалось достаточно. Джамуха согласился привести одну "туму", а вторую составить из "людей анды", т.е. людей Тэмуджина (С. ск. § 106). На том и порешили.

Тэмуджин послал уведомление кераитам и через некоторое время соединился с Тогулуком и его братом Ча-гамбу (тибетский титул, присвоенный этим принцем.) Как не странно, войска Тэмуджин не привел, но когда союзники, с трехдневным опозданием прибыли к месту встречи, то Джамуха их ждал во главе двух тумынов (тумн)-своего и тэмуджиновского. Видимо, влияние джаджиратского вождя среди монголов было больше, чем у кого бы то ни было. И когда Джамуха взял на себя составленные диспозиции и командование, то против такой инициативы никто не возразил.

Тумны — букв. десять тысяч воинов — число условное; часто эти дивизии были в неполном составе. Но даже в этом случае монголов и кераитов было больше 30 тыс., т.е. в 100 раз больше, чем напавших меркитов. Но даже при таком численном перевесе монголы стремились использовать фактор внезапности. Все вместе заставляет думать, что за спиной у меркитов были большие силы из людей, настроенных к монголам враждебно, и монголы это знали. Видимо, меркиты были не монголы или турки, а тогда остается только самодийская группа, к коей их и следует причислить.

И ведь вот что любопытно: огромная армия, равная тем, с которыми Чормагун завоевал Иран, а Батый прошел насквозь че-

рез Русь, была приведена в действие не для покорения меркитов, а согласно официальной версии, для возвращения трех плененных женщин. Хотя Джамуха и заявляет, что: "налетим и в прах сокрушим ... весь народ, народ до конца истребим" (С.ск. § 105), но это похвальба. Ниже мы увидим, что никто из четырех воевод к достижению этой цели не стремился. Наоборот, к походу готовились чрезвычайно тщательно, но крайне быстро, чтобы сохранить преимущество внезапности.

А меркиты, почему-то, контрудара не ожидали. Трудно объяснить это легкомыслием их вождей, потому что впоследствии Тохта-беги и Даир-Усун проявили себя как незаурядные полководцы. Они рассредоточились и, очевидно, не предполагали, что Тэмуджин сможет поднять против них своих соплеменников. Это их погубило.

Монголо-керайтская армия выступила из урочища Ботогон-борчки (с верховий Онона) поздней осенью, когда поляны пожелтели, рыбаки приступили к осеннему лову, а охотники к охоте на соболя (С. ск. § 105 и 109). Быстро добравшись до реки Хилок, монголы были вынуждены переправляться не вылавь, что было бы быстро, а на плотках, чтобы промокшие люди не застыли на ветру. Здесь они потеряли темп наступления, а меркитские рыбаки и охотники, увидев подходившего к реке врага, бросили свои занятия и поскакали, чтобы предупредить своих соплеменников. Благодаря этому, Тохта-беги и Даир-Усун, а также весь меркитский улус в панике бежали вниз по долине Селенги. Счастливым удалось спастись в "Баргуджин", т.е. за Байкал.⁵³

Отставшим пришлось плохо. Монголы застигли убегавших меркитов в лесистых низовьях Селенги ночью. Кераиты и монголы "гнали, губили и забирали в плен беглецов" (С.ск. § 110). Исключение составил сам Тэмуджин. Он обогнал толпу бегущих и громко кричал: "Борте, Борте!" Она услышала его оклик, соскочила с телеги вместе со старухой Хоахчин, и обе женщины ухватились за знакомые им поводья Тэмуджинова коня. При свете

⁵³ Г. Ксенофонов в своем замечательном труде "Уранхай-сахалар" (Иркутск, 1931) поясняет, что "Баргуджин" означало "Забайкалье". Для русских, шедших с запада, это была земля восточнее Байкала, а для монголов, шедших с востока, западнее его, т.е. Балаганская степь у верховий Ангары. Е.И. Кычанов ошибочно полагает, что победители закончили свой поход у слияния рек Орхона и Селенги. (Жизнь Тэмуджина ..., стр. 39); но тогда им не пришлось бы форсировать Хилок.

месяца они узнали друг друга и обнялись. Тут Тэмуджин совершил еще один не вполне понятный шаг: он послал нухуров к Тсугруду и Джамухе с просьбой прекратить преследование. Это спасло многих меркитов, так как они, видя, что резня прекращена, тут же расположились на ночлег.

Меркитам в ту ночь угрожали не только монгольские сабли. Осенняя тайга, при невозможности развести костер и обогреться, чтобы не выдать себя врагу, сулила старикам и детям смерть от утомления и холода. Поэтому прекращение преследования было равносильно согласию на капитуляцию, причем, те, кто мог и хотел бежать, получили эту возможность. Среди последних был богатырь Чильгир, которому отдали пленную Борте в наложницы. Его не преследовали. Как ни странно, от монголов бежала мать Бельгутая — Сочихэл. Она не пожелала даже увидеть сына, который нашел ее дом. Когда Бельгутай открыл правую дверь, его мать, накинув рваный тулуп, вышла в левую, только чтобы не видеть сына. Разъяренный Бельгутай стал стрелять в сдавшихся меркитов и перебил тех, кто участвовал в набеге на гору Бурхан. После того, как его уняли, родственниц убитых разделили победители: милovidных — в наложницы, прочих — в домашнюю прислугу.

А потом, как некогда ахейские цари от развалин Трои, монгольские вожди разошлись по домам. О территориальных приобретениях не было и речи.

Первенец. Испытание, посланное Тэмуджину судьбой, не окончилось с возвращением любимой жены. Борте вернулась беременной и вскоре родила сына — Джучи. Тэмуджин признал его своим сыном и заявил, что Борте попала в плен уже беременной. Но сомнение грызло и отца и сына. Оба они не были счастливы. В семье и ставке роились сплетни, которые преследовали Джучи до самой смерти. Даже родной брат в присутствии отца называл царевича "наследником меркитского плена"⁵⁴ (С. ск. § 254), чем вынудил его отказаться от претензий на наследие престола в пользу младшего брата.

Официальная история монголов, версия которой сохранена

⁵⁴ Палладий (Лафаров) переводит: "принесен от рода Мерки (с. 143); С. Калужинский пишет "merkickiej podrzutok" (St. Kałuzynski. Tajna historia Mongołow. Warszawa, PIW, 1970, с. 165).

Рашид-ад-Дином, не могла обойти молчанием этот общеизвестный факт, который к тому же показывает, сколь беззащитен был в молодости будущий великий завоеватель. Для нас, людей XX века такой подъем от бедности до вершины власти кажется замечательным явлением, но для людей XIV в. трудно было признать, что народ не ценит своего будущего вождя и не помогает ему. Поэтому Рашид-ад-Дин опускает пленение Борте и ее спасение из истории подвигов хана Чингиса, но вводит этот эпизод в биографию Борте, являющуюся примечанием к его книге. Делает это он крайне осторожно, употребляя оборот, которым в персидской историографии намекается на отсутствие достоверности сказанного: "Утверждают следующее", а ответственность за переданное пусть лежит на тех кто "утверждал".

Якобы, меркиты увели в плен беременную Борте и отдали ее керайтскому хану, а тот вернул ее, вместе с новорожденным сыном, Чингису.⁵⁵ Тенденциозность версии очевидна.

В этих сложных обстоятельствах Тамуджин показал то величие духа, которое затушевали и официальная, и "тайная" истории. Первая поливала образ Тамуджина лестью, пока не превратила его в лакированную куклу, а вторая собирала сплетни и сдабривала ими повествование.

Вдумаемся не в слова, а в суть дела. Тамуджин проявил великодушие, пощадив меркитов, за исключением одного (из трех вождей набега) Хаатай-Дармалы, которому надели колодку и увезли судить на место преступления, т.е. на гору Бурхан. Сына признал, жену не попрекал, друзей - Тогрула и Джамуху поблагодарил и, самое главное, не велел разыскать обидчика Чильгира и свою мачеху Сочихэл. Вопрос о последней очень сложен. Будто бы она мотивировала свое бегство от любящего сына Бельгута тем, что ей стыдно "смотреть в глаза детям", которые "поделались ханами", а она мается с простолодином, который только месяц прожил с ней. Ой, врет баба! Ни Бельгута не сделался ханом, ни она не успела бы привыкнуть к похитителю за столь краткий срок. А стыдно ей, действительно, было потому, что без помощи кого-то из Борджигинов меркиты не смогли бы найти их ставку. Но если Сочихэл последовала примеру своего старшего сына Бектера, то понятен и целенаправленный набег меркитов, и ее привязанность к новому мужу, и бегство в тайгу, потому что она не знала, раскрыта ее преда-

⁵⁵ Рашид-ад-Дин, I, 2, стр. 68-69.

тельская роль или нет. Но честный и искренний Бельгутаи не подозревал свою мать, поэтому он был в отчаянии, потеряв ее.

Да, тяжела была доля Тэмуджина, окруженного лжецами и предателями! И с каким достоинством он ее нес, не дав понять Бельгутаю, которого он любил, чем занимались его брат и мать! Такая выдержка ради стремления к цели и есть характерная черта пассионарного человека.

Смена поколений. А теперь поставим вопрос иначе: что думали меркитские вожди, бросая 300 всадников в набег на целый народ? Как могли они не ждать контрудара? А ведь они не приняли никаких мер предосторожности. Простительно ли такое легкомыслие?

Однако вспомним, как вели себя монголы двадцать лет назад, когда они потеряли Амбагай-хана, предательски выданного татарами на казнь. Выбрали нового хана и напились. А после смерти Есугея-багадур — разграбили имущество его сирот. Таких врагов меркиты не опасались.

Но прошли годы, и число пассионарных особей в популяции возросло; соответственно изменился характер этноса. Равнодушие перестало быть нормой поведения. Более того, оно стало презренным. За обиду одной монголки 40 тыс. воинов сели на коней и уговаривать их было не нужно. Конечно, не все они искали выхода обуревавшей их энергии. Наверно многие из них могли бы, подумав, остаться дома и есть жирную баранину, но думать им было некогда. Энергичные и горячие энтузиасты в их среде создали такое настроение (или такое напряжение био-пол-ля этно-социальной системы), что оставаться в юрте стало позорно. А после того, как воины встали в строй, их повлекла лавинообразная инерция системы, приведенной в движение, остановить которое, до достижения цели, мог только равновеликий встречный удар.

Могли ли предвидеть это меркиты? Конечно, нет! Бедь сами они жили северо-западнее ареала пассионарного толчка, и у них молодое поколение воспроизводило стереотип поведения старого. Меркиты были храбры, выносливы, метко стреляли из луков, были верны старейшинам, но этого мало для того, чтобы успешно сражаться с противником, способным на то же самое плюс сверхнапряжение. О последнем меркиты даже не слышали.

Итак, пассионарность Тэмуджина созвучна настрою многих его сверстников. Благодаря стечению обстоятельств: сочетанию происхождения и таланта, мужества и ума, Тэмуджин стал пре-

виться людям нового склада, а те, в свою очередь, были симпатичны ему. Но для того, чтобы привести инертную систему в иное состояние, необходимо было хоть маленькое потрясение. Так, иной раз, не закипает перегретая вода, пока что-нибудь не нарушит ее поверхностное натяжение, т.е. помешает воду; тогда кипение идет бурно.

Таким "помешиванием" оказался поход на меркитов. Монгольские люди "длинной воли" вдруг поняли, что поддерживать симпатичного царевича можно не жертвуя, а только рискуя жизнью. Риск же бы их стихией. И тогда начался процесс, который стимулировали кераитский хан и джаджиратский вождь, видимо, не соображая к чему это приведет.

Но это уже новая тема, которой следует посвятить особый очерк.

LES MONGOLS ET LES MERKITS AU XII SIÈCLE
(essai ethnologique)

L.N. Gumilev (Léningrad)

R é s u m é

L'élan des mongols et la ruine des peuple merkits sont dans la littérature moderne éclairés, mais ne pas interprétés. Nous pouvons offrir l'interprétation du phénomène comme fluctuation de la biosphère, avec laquelle est toujours liée la naissance des processus de l'éthnogenesis. Pour la preuve de cette thèse est observée l'histoire des mongols du XII siècle avec une critique très détaillée des sources historiques. Par seulement le contrôle des détails permet saisir le sens du changement de la mentalité sociale des générations montantes. L'états l'évolution du stéréotype de la ethno-conduite, qui avait permis aux mongols anciens endurer la guerre sévère et obtenir le droit de vivre.

KÕUELIND JA VEESARVIK

(AaTh 1148B)

Georg Schultz-Bertrami mälestuseks.

U. Masing

1. AaTh 1148B on mu meelest väga iidne relikvt. Selle loo võrdlemisi sarnaste teisendite kohatine olemasolu nii laial alal ei näi olevat mõistetav muude võimalike eelduste varal, mis oleksid rakendatavad väga erinevaist keskkondadest tuttavate lugude suhte nimetamiseks ning teatavail puhkudel ühtaegu sellise suhte selgitamiseks. See väide tähendab, et AaTh 1148B ei ole nimetatav rändmüüdiks ega automaatselt (generatio aequivoca) mitmel kohal tekkinud enam-vähem üldinimlikuks, ühiskondlikus alateadvuses kätkevaks "ürgmüüdiks". Ei ole ka mõtet AaTh 1148B nimetada mingis defineerimata jäetud ebamäärases mõttes rahvusvaheliseks muinasjututüübiks, sest peaaegu kõik tüübid on teatavas ulatuses rahvusvahelised.

Folkloristikas reliktid on kohatised jäänused postuleeritavast, kunagi üldisemalt tuttavast ühtsest algloost. Selliste jäänuste kokkukuuluvus on enamvähem ilmne, kuigi oletatav algugu ei ole enamasti taastatav üksikepisoodidena, sest jäänused on teisenenud omaette ning kontamineerunud muude motiivide ja tüüpidega. Selline relikvt ei ole seesama, mis relikvt bioloogias või lingvistikas. Viimane selgitab küll, milline võib olla tõenäosuse määr, kui midagi vähita relikvtiks ning sedagi, mida see termin osutab. Nõnda on päris kindel, et läsoome *noita, mansi T, P nãit(kum), K ñoait, V ñait(kum), ñait(kum), aL ñait(kum), ÜL ñait(xum), So ñait ja küllap ka enetsi noid'e¹ kuuluvad kokku relikvtina ja tähendasid "nõida" eri päritoluga, eri varustusega, eri astmel tegelemas teatavate ülesannetega. Muis soome-ugri keelil kasutatakse taoliste olendite nimetamiseks muid sõnu, mis võivad olla samuti üsna vanad või teatava keele omapärased uusmoodustised, võivad pärineda mingist substraatkeelest või olla laenatud muist keelist.

Kehtivast moest sageli sõltub, kas teatavaid kitsama levikuga sõnu peetakse lokaalseiks uusmoodustisiks või säilmeiks oletatavast substraatkeelest. Laenu oletamisel aga on enamasti näidatav, millisest keelest teatav kitsama või hilise levikuga sõna võiks pärineda või pärineb. Kahtlase relikti näiteks olgu türgi tüvi *arba-, mis tähenduselt peaaegu täiesti on meie "arbuma". E. N. Setälä, J. Németh, M. Räsänen ongi arvanud, et need sõnad kuuluvad kokku. Kuid "arbuma" ja "va/irb" ei ole vist lahutavad ning sõna esineb siiski ainult läänemere-soome keelis.

2. J. Lagose poolt 1853 kirjutatud ja mõned aastad hiljem avaldatud (Inland 1858, nr. 6, lk. 89-90, 629) AaTh 1148B ("Piksepilli vargus" tavaliselt, Lagosel "Die Donner-Trommel (müristaja mäng)") peaaegu kohemaid J. Grimm'i vahendusel kuulutati rändmüüdiks, laenatuks skandinaavlaste Thrymskvidhast, mõnede lisaajoontega Hymiskvidhast. F.R. Kreutzwaldi muinasjuttude kaudu kaks sellist lugu on saanud 1866. aastast alates üldtuttavaks. Võib kahelda, kas ükski hilisem teisend on täiesti vaba Kreutzwaldi tekstide mõjust: õigupoolest pole nende hilisemate ehtsus olulinegi, Lagose kujundatud tekstistki piisaks.

Selle loo kohta on kirjutatud väga palju, peaaegu alati vihjates Thrymskvidhat, kuigi nende sarnasus ei ole eriti suur. On arvestatud ka hilisemaid Skandinaavia ballaade ja jutte, mis ju võiksid olla detailidelt vanemad kui praegu võrdlemisi hiliseks (alles XII sajandist) tunnistatud Thrymskvidha. Enamasti kirjeldatakse eestlasi laenajaina ja seda folkloristika kullafondi ehk raudvarasse kuuluvat arvamust kirjutatakse ühest raamatust teise. Alati küll on leidunud väheseid eelarvamustest vabamaid ja mõnel määral kahtlejaid. Olgu või panelamist F. Bork (Die Geschichte des Weltbildes, Leipzig 1930, lk. 46), kelle järgi see müüt on tekkinud Iraanis ja läinud "über Estland nach Island". Koguni A.B. Rooth (Loki in Skandinavian Mythologi, Lund 1961) ei ole täiesti kindel müüdi liikumissuunas ja peab võimalikuks Thrymskvidha pärinemist eesti-soome-lapi muinasjutust.²

Lähtudes sellest, et AaTh 1148B teisendeid tuli Setumaaltki ja väites, et teatavad teisendid näivad sõltumatud Lagose ja Kreutzwaldi tekstidest siis O. Loorits oletas

(Das Märchen vom gestohlenen Donnerinstrument bei den Esten /ÖES Toimetused 1930/, Tartu 1932, lk. 47-121), et see müüt venelaste kaudu Dnjepri veeteed pidi tulnult viimaks peab pärinema Bytsantsist. Piisavad tõendid selliseks oletuseks tal puudusid ning ta suhtus hilisemaise eesti teisendeisse liiga usaldavalt, seepärast W. Andersonil (Zu dem estnischen Märchen vom gestohlenen Donnerinstrument /ACUT B XLIV, 1/, Tartu 1940) oli võrdlemisi lihtne tõsta ausse tagasi kullafondi kuuluvat arvamust. Ta lisas vaid, et soomlasedki loomulikult loo said Skandinaaviast ja eesti AaTh 1148B siis võiks olla liitlaen: otse Skandinaaviast ja Soome kaudu. Mind see asjalugu ärritas, sest olin vahepeal ühendanud meie müüdiga "Anzudi ja saatuselauad", "Illujankase müüdi" ja selle väikeaasia-kreeka paralleelid (Apollodoros, Nonnos jt.) ning muid tekste. Kirjutasin 1942/43 selle materjali põhjal pikema lugemise, millest sai kuulda W. Anderson. Ta nõustus,³ et Nonnosel on paralleel ja "Apollodorose lühike märkus on siin tähtsusetu" ta meelest. Ta oli veendunud, et "Thrymskvidha ei põlvne muidugi mitte Nonnose eeposest, vaid selle Ürgvanast (suusõnalisest) allikast". Ta ei hoolinud Illujankase müüdist ning nähtavasti jäi arvama, et Thrymskvidha Ürgvana allikas on indogermaanlik, samuti vist sedagi, et eesti-soome-lapi lugu pärineb Skandinaaviast.

Selle müüdi indogermaansus ei ole tõenäoline. Kuigi lugu Illujankasest on säilinud hetidi keeles, ta on protohattide või hurrude oma. Kreeka allikais on kõuejumaluseks küll nende Zeus, kuid ta vastase Typhoni nimi on vist semitlik (qpn) ja sündmustik on lokaliseeritud sinna, kus ei elanud indogermaane. Teiseks: indogermaani kõuemüüt, näiteks V.V. Ivanovi ja V.N. Toporovi rekonstrueeritu,⁴ samuti teised rekonstruktsioonid, erinevad sellest täiesti. Viimaks, skandinaavlaste Thor, olgu ta relvaks kirves või haamer (seegi pole päris selge), näib vähemalt Eddas olevat sõdalaste jumalus. Ta seos kõuega on järeldatud nimetusest ja vihuga ei ole tal vanus allikais midagi tegemist. Hetidi tekstid on praegu enamvähem üldtuttavad, kuid näib olevat kombeks (nii H. Schmökel, O.R. Gurney, S.S. Hartman) kreekakeelsete allikate Typhoni müüti ühendada hurrude Ullikummi müüdiga, ehkki juba W. Porzig (Illujankas und Ty-

phon: Kleinasiatische Forschungen I (1930), 379-386) kirjutab Illujankase loo, Apollodorose ja Nonnose kokkukuuluvusest. Nähtavasti ei ole klassitsistid seni maininud Thrymskvidha seost nendega, ehkki seda võinuks taibata juba mõne sajandi eest ja Thrymskvidha kuulus germaanlaste koolikavva - see asjaolu hämmastab W. Andersoni. Seda imelikku pimedust võib küll vabandada tõi-gaga, et õigupoolest eesti müüt on hulga sarnasem Apollodorose-Nonnose omaga kui Thrymskvidha ja seepärast ehk ainult eestlane taipab kokkukuuluvust otsekohe, kuigi Apollodoros on konspektimist allikast ja Nonnos hüperbarokne eepos.

Ma ei usu, et see müüt kreeklastelt kunagi levinenuks põhjamaale: Skandinaaviasse meilt või vastupidi. Enamvähem sarnaseid mütologeeme on mujalgi ja seepärast arvan, et on tegemist iidse reliktiga indogermaanluse-eelsest maailmast, umbes 5000 - 10 000 aastat vanaga. Põhjamaail on tal kolm kuju - eesti-soome, lapi ja skandinaavia - mis omavahel tublisti erinevad neisse sulatatud kõrvaliste motiivide toimele.

Älgas müüdis mu meelest jutustati, et Kõuelind ja Veelõjus (mammut, vaal, eriline lohekala jne.) võidelnult on mõlemad midagi kaotanud teisele ja jäänud kuidagi abituks. Teine neist (tavaliselt Kõuelind) palub üht müütilise ajastu sangarit vahendajaks, töötades hüvitada millegagi ta vaeva, olgu mõne oskuse või tütreaga. Inimes-teajastueelne inimene seab asja joonde ja tervenend vastased võiksid alustada tülitsemist uuesti, kui nad tahaksid. Siiski on võimalik, et ürgses müüdis mõlemad pidid jääma nigelamaks endisest, vastuvõetavamaiks tulevate inimkonnale. Kumbki neist ei ole sangarile sümpaatsem teisest. Teemat on küll arendatud selleski suunas: kõuevaenuliseks või veevaenuliseks, sest oli muidki lugusid kotkast ehk kõuelinnust ja mammutist ehk vaallohest. Indogermaanide maailmas alles igasugune lohetaoline olend pidi olema negatiivne.

3. Illujankase müüti on esitatud hettiitide Ilmajumaluse (protophatis: Taru; hurru: Tešup/Taišp; hetidi nimetus teadmata) purulli peol. Sellest on kaks tublisti erinevat versiooni. Esimese kohta on öeldud, et seda ei kasutata enam. Võimalike väärmõistmiste vältimiseks tsiteerin

A. Goetze tõlget⁵ peaaegu terveni. Tekstilünkade täiendid on nurksulgudes.

When the Storm-God and the Dragon Illuyankas came to grips in Kiskilussa, the Dragon Illuyankas vanquished the Storm-God. The Storm-God besought all the gods: "Come ye to my aid! Let Inaras (tema tütar) prepare a celebration!" He made everything ready on a grand scale: amphorae of wine, amphorae of marnuwan, amphorae of walhi. The amphorae he had filled to the brim. Inaras went to Zigaratta (and) encountered Hupasiyas, a mortal. Thus spoke Inaras: "See, Hupasiyas! This and this I want to do. I would have thee to aid me!" Thus spoke Hupasiyas to Inaras: "So be it! Let me sleep with thee, and I will come (and) fulfil thy wishes!" And he slept with her. Inaras took Hupasiyas to the place and hid him. Inaras put on her finery and lured the Dragon Illuyankas up from his lair: "See! I am holding a celebration. Come thou to eat and to drink!" The Dragon Illuyankas came up with /his children/ and they ate (and) drank. They drank every amphora dry and quenched their thirst. Thereupon they are no longer able to descend to their lair. Hupasiyas came and trussed the Dragon Illuyankas with a rope. The Storm-God came and killed the Dragon Illuyankas and the gods were with him. Inaras built herself a house on a cliff in the land of Tarukka. She made Hupasiyas live in that house. Inaras instructed him: "When I go to the country, thou shalt not look out of the window! If thou lookest out, thou mayest see thy wife and thy children." When 20 days had passed, that man opened the window and /he saw/ his wife and his children. When Inaras came home from the country, he began to moan: "Let me go home!" Thus spoke Inaras /to Hupasiyas/: "Thou shalt /not/ open the /window again/!" She /killed him/ in the quarrel and the Storm-God sowed sahlü /over the ruins of the house/. That man /came to a/ grievous end/. Inaras /returned/ to Kiskil/ussa. But /her house ... she placed ... /in/ the hand of the king.

See lugu ei ole algeline, vaid konspektiivne. Ei ole õeldud, mida Illujankas tegi ega põhjust tüliks, ei sedagi, miks on vaja just inimest ning võib jääda mulje, et Inaras

on lubatud Illujankasele. Lõppu tavatsetakse seletada, et jumalafari mees ei tohi minna enam tagasi maise naise juurde. Ehkki analoogseid lugusid võib leida Kaukaasiast, Iraanist ja Kreekamaalt, siiski tuleks arvesse Melusine motiivigi, mida samuti leidub Kaukaasias: teataval ajal mees ei tohi katsuda näha oma haldjasnaist ...(lastega)(F361). Mees ei jõua kuulda seatud päevani naise keeldu. Arvu nimetamise pärast teine seletusvõimalus tundub usutavam siin.

Pärastine müüt on järgmine:

The Dragon Illuyankas vanquished the Storm-God and took (his) heart and (his) eyes away from him. The Storm-God /sought to revenge himself/ upon him. He took the daughter of Asiwantas ("the poor man") for his wife and he begat a son. When he grew up, he took the daughter of the Dragon Illuyankas in marriage. The Storm-God instructs his son: "When thou goest to the house of thy wife, ask them for (my) heart and (mine) eyes!" When he went there, he asked them for (the) heart and they gave that to him. Later he asked for (the) eyes, and they gave him those too. He brought them to the Storm-God, his father. Thus the Storm-God got back his heart and his eyes. When his frame had been restored to its old state, he left to the Sea for battle. When he had engaged the Dragon Illuyankas in battle, he came close to vanquishing him. But the son of the Storm-God, who was with Illuyankas, shouted up to heaven, to his father: "Count me as with (him)! Spare me not!" So the Storm-God killed the Dragon Illuyankas and his son too. In this way the Storm-God got even with the Dragon Illuyankas.

Juba üksnes seepärast, et neil versioonidel ühist on nii vähe, ei saa kumbagi pidada ürgseks. Küllap mõlemad on kujundatud rituaalide õigustuseks ja seletuseks. Teine nagu täiendaks esimest mõne joonega. Ilmajumalus võib esimeseski olla kaotanud osi oma kehast, kuid teisest ometi ei järgne, et Illujankas asunuks meres. Andmeist ei piisa ka otsustamiseks, kas Illujankas teab, kes on ta väimees. Kumbagi pidi ei tundu lugu korras ja seepärast võiks oletada, et selleski loos esialgu poeg oli vahendajaks isa ja äia vahel, kuid riituses oli vaja Illujankase tapmist, mis siis kontekstist hoolimata jätkati lisaks.

Ullikummi müüdis mu meelest ei ole muud, mis meenutaks Typhoni müüti kui see joon, et Kumarbi poolt Tešupi ja Hepati vaenlaseks soetatud koletisnoorukit Ullikummit kõik jumalused kardavad ja hakkavad nutma. Selles katkendlikult säilinud müüdis esineb veelgi suurem hiid Upelluri, kes enda õlaga kokkukasvanud tohutust Ullikummi tunneb vaid veidikese sooja. Lugu pigemini võib võrrelda kreeka mitmesuguste titaanide müütidega, sest siin Tešup on võimu võtnud üle oma isalt Kumarbilt, kes ei taha leppida. Kumarbi omakorda - ühe teise müüdi järgi - on alistanud oma eelkäija Anu. Anu on põgenenud ta eest taevasse, Kumarbi on haaranud Anul jalust kinni, tõmmanud alla taevast tema ja kastreerinud.

Viimaks mainitud hurrude müüti on kõrvutatud ja enamasti koguni ühendatud Hesiodose müüdiga pääjumaluste rida-misi valitsemisest ja Ouranose kastreerimisest Kronose poolt. Read ei ole küll identsed (hurrudel Alalu - Anu "taevas" - Kumarbi; Hesiodosel Ouranos "taevas" - Kronos - Zeus), identne on ainult ühe kastreerimise fakt. Võimalik on, et Hesiodos oli kuulnud midagi sellist kaupmeeste kau-du ning tema tõttu müüt sai tuttavamaks Kreekas.

Otseselt ei ole AaTh 1148B seostatav Kumarbi müüdiga, kuigi hää tahtmine võimaldab iga riisitud objekti tunnista-tada mistahes teise objekti "transformatsiooniks". Kuid jalusthaaramise motiiv ühendab nad kaudselt. Apollodoros ja Nonnos mõlemad räägivad, et Typhon on võtnud Zeuselt kannakõõlused, teiselt poolt jälle on olemas terve rida omava-hel vägagi erinevaid jutte, mis eriti levinenud Balkanil, ukrainlaste vahetalitusel liikunud põhja poole ja kahe Vönnust pärineva teisendi (H II 29, 625/8 (1888) ja E 23017/8 (1895)) näol tuttavad meilgi. Sellest dualistlikust loost on kindlasti teada rohkem kui 30 teisendit ja need on (mu meelest võõriti) ühendatud, ka A. Annisti poolt AaTh 1148B-ga.⁶ Tavalisemalt jutustatakse: Kuradi käes on maailma algusest saadik õigusega olnud (väga harva kurat on varastanud) midagi jumalikku, mida ta mingil kombel kasu-tab lohakalt või ülekohtuselt. Väga harva on selleks kõu ja välk, enamasti kroon, erilised rõivad, leping, mille järgi tema päralt peavad olema kõik surnud jne. Jumal saadab kel-legi ingleid või mõne pühaku seda tooma ära kuradi käest,

olgu ausalt või pettusega. Saadik, kes väga harva on moon-
dunud ja hakanud kuradi sulaseks, ahvatleb kuradi sukelduma
merre, katab siis mere kohutavalt paksu jääkorruga ja põge-
neb vajaliselega. Kurat ometi pääseb jääst läbi, jälitab saa-
dikut ja vigastab teda mingil kombel, tavaliselt tõmbab tal
talla alt ära osa endisi kõõluseid. Jumal lohutab oma saa-
dikut sellega, et edaspidi kõigil inimestel on tallad tao-
lised.

Selle, mingis mõttes aitioloogilise müüdi on arvata-
vasti bogumilid teinud u. 800-1000, igasuguste apokrüüfse-
te legendide hoogloomingu aegu. Jalusthaaramise motiiv, mis
ilmselt on olnud levineⁿud Balkanil (ehk sõltumatult kreek-
lastest), kuid ei esine mujal, on liidetud ühe motiiviga
teisest loost, mis praegu esineb Altaist Kaukaasiani, kuna-
gi aga ilmselt kaugemale läände. Selles "Jähe külmutatud
hiiu" loos sangar iseenda sulast teeseldes valetab hiule
sangari "mängudest", mis on sääraseid, et peaksid tapma hiiu.
Kuid hiid tuleb toime nendega, naudib kõiki ja kiidab san-
gari tublidust. Viimaks "sulane" laseb hiul külmutada end
järves kaelani jähe. Hiid ei suuda end vabastada ja taipab,
et teda on petetud. Siis ta õpetab sangarit, kuidas see
võib raiuda ära ta pää ning, kuidas ta peaks kasutama muid
hiiu kehaosi. Viimaste õpetuste täitmisel sangar sureks,
kuid keegi hoiatab teda.⁷ Kombineeritud loos külmutamismo-
tiiv ilmselt oli efektssem kui aitioloogiline tallamotiiv,
mis ju oli katse kristlustada muistsete jumaluste kohta lii-
kuvat pärimust, kuid võrdlemisi sobimatul kohal.

4. Kreeka rahvapärimestes on olnud hulk tublisti eri-
nevaid lugusid jumaluste võitlustest mitmesuguste hiidude-
ga. Mütograafid on püüdnud sobitada neid ja järjestada, aga
sageli väherahuldavalt. Apollodorose järgi on taevas Ouranos
oma esimesed vändjaslikud (sajakäelised, üksilmad jt.)
pojad maa Gaiaga pagendanud erilisse toonelasse, Tartaroses-
se. See ebasõbralik akt vihastab Maad, kes siis ässitab po-
ja Kronose ja ta vennad titaanid Taeva vastu. Ouranos või-
detakse ja kastreeritakse, osalt Tartaroses olnute abiga,
kes aga sinna aetakse tagasi. Kronos teab, et üks lapsi ku-
kutab tema ja sööb nad kõik. Zeus päästetakse. Ta mässab isa
vastu osa titaanide ja tartaroslaste toel. Kõik võidetud
Zeus heidab Tartarosesse ja paigutab sinna valvurid (Bib-

liotheca I, 1-6 ja I, 7-33 Zeuse ja ta pooldajate genealoogiad). Zeuse käitumine ei meeldi Gaiale ning ta nüüd sünnitab (eelnenus kastreeritud) Ouranose abiga hiid (gigantes) ründama Zeust, tema kaaslasi jumalusi ja titaane. Jumalused teavad, et need hiid ei ole võidetavad ilma kellegi sureliku kaasabitä - siin on taas midagi vana ja sobimatut! - ning valivad selleks Heraklese, kes ei tohiks veel olla sündinudki. Gaia ilmaaegu näeb vaeva hiidude surematustamisega. Viimaks selles "Gigantomachias" Athena virutab põgeneva Enkeladose otsa kogu Sitsiilia (I, 34-38). Sitsiiliaga ei olnud kreeklasil lahendust, sest taoliselt lõpeb Typhonigi müüt, kolmas lugu sellest sarjast, kuid üheainsa koletisega. Näib, et see ei ole ainult Illujankase müüdi hilisem kuju, vaid oldi kuulnud ka Mesopotaamia Marduki võitlusest Tiamatiga.⁸

Vanemais kreeka allikais (Homeros, Hesiodos, Pindaros, Aischylos) on juttu Zeuse võidust koletise üle, ta vangistamisest maa alla ja ta välimusestki. Ta nimeks on Typhōeus (Homeros B 782/3; Hesiodos Th. 821; Nonnos I, 155 jm.), Typhons (Pindaros Pyth. I, 16/7 VIII, 16-18); Typhaōn, Typhōn (Hesiodos Th. 306, Aischylos Prom 357-374; Apollodoros; Plutarchos de Is. 55; Oppianos; Nonnos I, 367 jm.), ta elukoht "ein Arimoisin" (Homeros B 783; Hesiodos Th. 304 elab sääl, "aramealaste maal" (?), ta naine Echidna) või ta ise on kiliikialane (Pindaros ja hilisemad). Apollodorose (I, 39-44) järgi on Gaia viha pärast selle üle, kuidas Zeus on kohelnud hiide, sünnitanud Tartarose abil selle koletise Zeusele vaenlaseks. Ullikummiiga võrreldavalt ta pillub taevasse jumalate pihta madusõrmiste, ida ja lääne ääreni ulatuvate kätega kiviranku, vilistades, röökides ja suust puhudes tuld. Ta on suurim kõigist Gaia sünnitatud olendeist, ta pää küünib tähtedeni. Jumalad heituvad ta rünnakust, põgenevad Egiptusesse ja muunduvad sääl loomadeks (seda mainib ka Pindaros fr. 91). Edasi Apollodoros jutustab:

Kui ta oli kaugel, Zeus pildus teda väikudega, kui oli jõudnud lähedale, taakis teda teemantharpega (sirpmõök, mida kasutati Ouranose kallal, mis ka Mardukil on relvaks) ja, kui ta põgenes, jälitas teda Kasioni mäeni, mis on põhjapool Süüriat. Sääl nähes teda olevat haavatud läks talle kallale käsitsi. Aga Typhon mässis ta

oma keerdudesse (puusadest allapoole ta koosneb madu-dest), sai temast jagu, kahmas siis harpe ja lõikas väl-ja käte ja jalgade kõõlused (neura), siis tõstis ta õl-gadele ja kandis merest läbi Kiliikiasse ning saabunult Kõrykose koopasse pani ta maha sinna. Samuti ta sinna talletas need kõõlused karunahka peidetult ja pani val-vuriks draakon Delphyne, ent seesinane neid oli poolloo-ma. Aga Hermes ja Aigipan varastasid ära kõõlused ja liitsid need Zeusele salaja. Aga Zeus saanult tagasi oma jõu, sõites taevas tiibhobuste vankril äkki hakkas välke pildudes jälitama Typhoni Nysaks nimetatud mäeni, kus moirad petsid jälitatut, sest nende keelitatult, et ta saab veelgi tugevamaks, ta maitstes hukutavaid puuvilju. (Siis ta põgeneb üle Haimose mäestiku Balkanil, kus kao-tab palju verd, ruttab merre, milles Zeus paiskab ta pää-le Etna mäe, kust tänini pahvatavat üles välkude süüda-tud tuld).

See konspekt räägib pikalt Typhoni välimusest, sünd-mustiku jätab üsna segaseks. Pole öeldud, kuidas Hermes ja Aigipan pääsesid koopasse, kuidas petsid Delphynet või Ty-phoni, miks kõõlused on just karunahas jne. Kuigi kõuejuma-luse vangistust koopasse laplasedki tunnevad, pole kindel, kas see joon on traditsioonist või Apollodoroselt. Näib, et pärimustes abiliseks Zeusele vahel oli sangar, vahel vähem jumalus. Täiesti ilmselt on Väikeaasiast pärinevate andmete järgi võitlus ühepoolne: Illujankas ei kaota midagi ega Ty-phon ning mõlemad viimaks hukatakse.

Teisiti näib lugu olnud Korykoses, kuigi säält pärit Oppianose andmed (Hal. III, 15-25) on puudulikud. Tema jär-gi on Hermes õpetanud oma pojale Korykose Panile kalasta-miskunste. Pan on Typhoni ahvatlenud (salasöödaga või söö-minguga?) üles sügavikust (barathron) rannale, kus siis Zeus on ta kummutanud välgulöökidega, tulevihmadega ja kaljude-ga, mispärast rand praegugi punavat Typhoni tapaverest. Vä-hestest ridadest ei selgu, mis on tehtud Zeusele, et Pan saab olla tema päästja. Oletatavasti on ta riisunud midagi Zeuselt ja peitnud merre, olgu siis ta elamu säääl või ole-mata. Illujankase müüdi vanemat kuju meenutab Typhoni ah-vatlemine.

Nonnose eeposes "Dionysiaka" (I, 148-535; II, 1-31 mit-

mesuguste vahepaladega, nagu Zeuse ja Europa armastuslugu jt.) on sellest müüdist kaks teisendit soetatud kokku nõnda, et siirdumine teisele ei ole peaaegu üldse hoomatav. - Esimeses Nonnos kirjeldab, et Zeuse kõuevahendid on peidul koopas, kuid leegitsedes osutavad end. Oma ema nõuandel Typhoeus varastab need säält ja peidab kaljuprakku (phōlas). Siis ta kaaslastega hakkab laastama tähtkujusid. Ometi ta on nii armetu, et oma 200 käega vaevalt suudab tõsta neid riistu, mida Zeus üheainsaga. Tema nigeluse tõttu kõu ainult natuke mõmib ja suitsutab ning vihmagi tuleb seepärast päris kasinalt. Zeus härjana varastab Europa, kelle vend Kadmos kulgeb otsima õde. Zeus kohtab Kadmost ja keelatab oma järglast ja vastset sugulast endale appl. Pan loovutab Zeusele karja, Kadmos rõivastatakse karjuseks. Talle antakse Pani süürinks ja saadetakse mängima liigutavat lugu Typhoni koopa ees. (Zeus ise moondub taas härjaks-tauroseks ootama Taurose mägedel!) Typhon jätab kõueriistad ema Maa hoolde ja väljub koopast. Kadmos teeskleb pelgumist, kuid Typhon sõbramehelikult kelgib oma vägiteost ja sellega põhjendab oma leebust sureliku vastu, kellelt temasugusel ju nagunii pole midagi võtta. Typhon tahab korraldada pisukest helivõistlust, pakub palju meelitavat Kadmosele ja lubab pärast taeva vallutamist võtta ta sinna endale moosekandiks. (See on I, 481 järgi teda hukkav ülbus ja I, 482-532 on vahemärkuse õlul lisatud teine variant.) Zeus hiilib koopasse, kui Typhon hardunult kuulab, hangib taas oma relvad. Siis ta Kadmose kaitsmiseks Typhoni vimma eest, kui see hoomab vargust ja süüdlaseks peaks Kadmost, mässib kalju, kus Kadmos seisab, või Kadmose paksu pilve sisse või teeb nähtamatuks. Pilliloo lõppemisel Typhon tunneb suurt himu võitlemiseks, sööstab koopasse, ei leia enam pikset, välku ega kõue, kuid raevunult läheb ründama ometi taevast. - Teises loos Kadmos Typhoni kiidusõnade pääle mainib, et süürinks on tühine pill ja talle vaid hädavahend. Ta pärisoskus on hulga parem. Mida ütleks Typhon siis, kui Kadmos seitsmekeelsel kitharal mängiks talle hüvni võidu puhuks! Kuid ta ei saa teha seda: Zeus on kuulnud, et Kadmos mängib paremini Apollonist ja oma poja uhkuse kindlustamiseks on tuhastanud Kadmose pillikeeled. Siis Typhon läheb koopasse ja toob Kadmosele keelteks Zeuse sooned (neura), mis on

"kukkunud maha kakluses Typhoniga" (I, 512). Kadmos teeskleb, et ta hakkab neid panema paigale (eset pole mainitud), tõepoolest peidab need kaljuõõnesse. Ta samuti teeskleb viisi kitharal ja selle kaja, lauldes jumalate lüüasaamisest.

Veider selles loos on küll, et Zeus oma kõueriistu hoiab koopas, kuid väide, et Typhon varastab just need vahendid Zeuse tagant ehk siiski kuulub pärimuste hulka. Pole selge samuti, kas Nonnos ise on Kadmose paigutanud siia mõne teise inimese või vähema jumaluse asemele. Muusikat armastav koletis ei ole folklooris haruldane figuur. Katkendlikus teises loos paljugi jääb ähmaseks. Zeuse kõõlused ei saa olla lõigatud välja, sest Typhon ei jätnuks kelkimata sellest vägiteost. Kahtlane näib, kas kõõlustest piisab seitsmeks keeleks, kuid Plutarchos (de Is. 55) mainib, et Hermes on pillikeelteks kiskunud välja Typhoni kõõlused. Motiiv siis oli laiemalt tuttav. Üeldav pole, kas teiseski loos olid varastatud või riisitud ka kõueriistad, või üksnes Zeuse kõõlused. Vohavast tekstist koguni saaks "restaurerida" sellise loo, mille järgi mängimisvõistlusel Typhoni käes varastatud "organon olympion" ei teinud häält ning ta siis seda pakkus katseks inimese kätte, kes oli Zeus ise. Ja edasi võib luuletada, kuidas mingid internatsionaalsed rändmoosekandidid just säärase loo tõid lõunast kaasa Eesti- maale!

See rajatagune müüt on väga sobimatu Zeuse väarikale vägevusele. Seepärast ehk kreeka vanemad allikad ei taha tunnistada, et nende Zeus kunagi viibinuks säärases täbaras olukorras ning mainivad ainult Zeuse võitu Typhoni üle. Rahvuslikud patrioodid nähtavasti mõtestasid lahti selle müüdi formaalse struktuuri ja olemuse, ajakohastasid teda ning selgitasid juhtunuks Hellases pisut madalamal tasemel. VI sajandist pärinevas, Homeroosele omistatud Apolloni hümnis väidetakse, et Hera palunud Gaialt abi, et saada ilma Zeuseta poega, kes kukutaks Herat mitmel moel solvanud Zeuse. Ta sünnitabki Typhoni, koletise, kes pole jumal ega inimene. See elutseb Delphoi juures allikas ajal, mis säälne oraakel alles Gaia ehk Themise oma. Apollon on tapnud ta ja jätnud ta laiba pehkima, millest ta saanud nimeks Python. Tegu loetakse siiski patuks, mille Apollon peab hüvi-

tama. Sellelgi lool on vähemrohkem erinevaid paralleele, mis kõik on veelgi kaudsemalt seoses Zeusega.

5. See müüt Väike-Aasiast on tõenäoliselt relikvt ses-samas mõttes, milles eesti-soome(-lapi) oma. Küsitavaks jääb, mil määral muud idamaised müüdid ja lood hiidlin-dudest sõltuvad postuleeritud ürgmüüdist. Sumeri ja akadi Anzud (kirjutatud märkidega AN.IM.MI (= GIG) mušen või AN.IM.DUGUD mušen, viimane oleks tõlgitav "jumalus: ränk raju (lind)") kunagi võinuks olla säärase kõuelind. Kuid andmed temast on nii erinevalt paigult ja aegadest, et ta olemuaki jääb ähmaseks. Iidseil aegadel ta näib olnud täht-sam. Ta on esialgu lõvipäine kotkas, hiljem kotkas lõvijal-gade, skorpionikere ja sabaga. Ühe Gilgamešilaulu järgi ta on pannud oma poja selle puu okstesse, mille juurtes elut-seb madu (muš), keda loits ei liiguta, ja puu tüves elab "maruneid". Lugalbanda eeposes ta naisega elab kaugel muist olendeist Zabü mägismaal, kus tal on pesa mitmest puust, milles üksainus poeg, kellele ta toob (nagu kasahhi AaTh 301 V taolises loos Karakus) elus tarva käes, tapetud tarva turjal ja suure nahklõhkri vett. Tal on (ka muis allikais) nii vägev hääl, et sellest taevas lööb vaaruma. Samuti tal on meelevalda Lugalbandale määrata tolle soovitud saatus, sest ta on toputanud Anzudi poega. Gudea raidkirjust (u. 2125) järgneb, et tema tegemistest (härjaga, "mäe"/toonela maoga jt.) on olnud rohkesti müüte, mis pole säilinud. Kat-keliselt säilinud Etana loos (AaTh 537), mille sumerikeelne originaal seni leidmata, ta elab poegadega puu otsas, mil-le juuril madu oma poegadega. Hoolimata omavahelisest le-pingust Anzud õgib mao pojad. Madu maksab talle kätte. Vi-gase Anzudi Etana toidab terveks ja tasuta Anzud kannab Etana taevasse hankima hädavajalist. Nähtavasti see lend lõpeb õnnetult. Küllap juba algselt akadikeelses, Nippurist pärinevas poliitilise tendentsiga müüdis Anzud on varasta-nud Enlilile kuuluvad saatuseseadelauad ja kõik jumalused on samuti kokkunud nagu Apollodorosel Zeuse kaaskondlased. See, kelle ülistuseks laul kirjutatud, tapab Anzudi ja saab lauad enda kätte. Ei ole päriselt võimatu, et see lugu kui-dagi siiski on ühenduses Illujankase müüdiga, aga kuskil mujal Anzud ei esine sääraselt pääjumaluse vaenlasena, kes hukatakse lõplikult.

Kuigi hiidlind Mesopotaamias kadus mütoloogiast, küllap ta püsis pärimustes. On arvatud, et araabia lood hiidlind Rūkhist tulenevad *Aepyornis maximus*'e nägemisest Madagaskaril või teateist selle kohta. Kuid on juttu ka 'Ankāst, kes pärast Jeesust hakanud inimsõjaks ja seepärast Allah hävitanud ta enne Muhammadit. Teated nende vägevusest ületavad igati arvamused Anzudi tugevusest. Tõepoolest neil pole enam vastaseidki. Koletust ninasarvikust, kel sarve otsas elevant, piisab vaid noka täiteks Rūkhi pojale jne.

Segasem veelgi on lugu Indias hiidlinnu Garudaga, kellele samuti elevant on suupisteks. Ta hukkab küll madusid, kuid need on alati võimetud ta vastu ega suuda kuidagi viigastada lindu. Kunagi ta on jumalailt varastanud ülipüha sooma ja kõuejumalus Indra siis on vähemalt ühe sule lõõnud ära talt välguga. See Indias üsna hiline lugu tundub pigemini olevat ühendatav Mesopotaamia saatuselaudade vargusega, olemata siis iseseisev kuju mingist iidsest reliktiist. Garuda nimi küll on rännanud Altaini, kuid Chaan Chärdigist ei jutustata midagi indiapärasest, vaid nõnda kohati nimetatakse AaTh 30I V liiki motiivides hiidkotkast. AaTh 30I aga vanas Indias üldse puudub, on võrdlemisi haruldane praegugi ning selles omakorda jälle haruldane 30I V; kotkas üleskandjana on asendunud muude olendite või vahenditega. Vahel küll üllatavaid motiive leidub säälgil, kus ei võiks ollagi neid. Nõnda kurdi kotkas Simurg tasuks poegade päästmise eest mao käest peab sangari kandma ühe diivi maale, kes juba kolmel korral talt kiskunud ära kõik suled (M.B. Rudenko: Kurdskie narodnõe skazki, Moskva 1970, 170). See Lähisidas paralleelitu joon näib olevat saadud võõrast traditsioonist, sest ta on täiesti üleaarne ja jäetud seletamata. Ehk see on kuulnud mõnelt aissoorilt, kes uskus, et Etana on üks ta esivanemate sangareid või tema perekonna esiisa.

6. Kunagist kultuurset lähedust Põhja-Siberi rahvaste ja Põhja-Ameerika indiaanlaste vahel ei ole täiesti katkestanud tunguuste ja türklaste (eriti jakuutide) sissetung lõunast, sest mõningaid elemente need on võtnud omaks eelnenuilt, olgugi vähemrohkem moonutatult. Üldjoonis eriti nende rahvaste mütoloogiad on üsna lähedased, üksikasjus erinevused küll jälle päris suured, sest hilisemad kontak-

tid olid juhuslikud. Vahel on üks sama ainestik teisenenud tublisti.

Kõued on mõlemal pool kahtlastvõitu olendid. Mõned atabaskid (Hare: E. Petitot, Traditions indiennes du Canada, Nord-Ouest 1887, 283/4) ja njeenetsid ühtmoodi arvavad, et nad lõunast toovad kaasa haigusi (T. Lehtisalo SUST 53 (1927), 18, 20). Aga hinnangud erinevad kohati täiesti. Winnebagode arvates on kõuelindudel saadud vägi kõigist võimsam, teisal on kõu naine, kellelt saadud vägi on pigemini õnnetuseks, ja seda püütakse kaotada (Coos: M. Jacobs UWPA VIII, 1 (1939), 30/31). Kõue tütar jällegi võib päästa endale mehe teda jälitava küünistega koletisnaise käest (Puyallup: R. Ballard UWPA III (1929), 101-103), nagu hukkuva poisi kotka tütre, kelle isa ikkagi armastab inimeseliha (Eskimo: G.A. Menovštšikov, Skazki narodov Tšukotki i Kamtšatki, Moskva 1974, 56-61).

Kuid Põhja-Ameerikas on kõued peaaegu eranditult kotkad ja Siberis kõu on väga harva lind - ühe njeenetsi teate järgi raudhani (T. Lehtisalo SUST 53 (1924), 18; nivhidel lõokene (L.J. Sternberg, Giljaki, orotši, goljdó, negidaljtsó, ainó, Habarovsk 1933, 314), nagu Kesk-Ameerikas kõuelinnuks sageli on koolibri) - ning vist ei iialgi kotkas, kuigi orotšid ehk siiski on mõelnud nõnda (L.J. Sternberg Sbornik MAE V, 2 (1925), 733). Kui arvatakse, et kõu liigub koos rändlindudega, siis on eriti veider, et ta ise pole lind, vaid põder või pikiti poolik inimene jne.

Üldjoonis võrreldavad on ka nende rahvaste müüdid kotkast (Siberis) või kõuelinnust (Ameerikas).¹³ Kuid mõlemal pool on müüdid muundunud mitmesse suunda ja ristelnud muude lugudega. Juhtub sedagi, et kujult algsemasse müütidesse on sünenenud jooni nendesamade hilisemaist kujudest. Seetõttu on tekstid motiivistikult üsna keerukad ning pole võimalik neid kirjeldada lühidalt ja ülevaatlikult. Allikaid on kohati vähe ja usaldatavuselt nad erinevad hoopiski.

7.1. Väga vana tundub olevat müüt kannibalkotkast (harvemini mõnest muust hiidlinnust), kes indiaanlasile enamasti on ka kõuelind. F. Boas 59 BBAE (1918), 113-117 juuba mainib sellest Põhja-Ameerika lääneosas 24 teisendit.¹⁴ Neid on tublisti rohkem, kuid ma tean vist vaid veerandit ega pea oma arvamust kaheldamatuks. See müüt näib olnud üks

episood maailma praeguseks või praegustele sobivaks korraldava Muundaja müüdist.

Sangar ise ronib - mõnikord: kantakse - hiidlinnu pessa. Ta tapab targemad pojad, kes ähvardavad reeta teada, jätab ellu kõige vähema, kes vaikib. Teineteise järel ta tapab nende saabuvad vanemadki, kes inimesi tassisid tulevad rajude sees. Sellest ajast päälle need linnud on vähemad ja käituvad tänapäevselt, nagu teisedki kunagised inimesevaenulikud hiidolendid (laanepüü, põder jt.). Uhtaegu võib sangari sihiks olla edaspidi mitmeks tarbeks vajaliste kotkasulgede hankimine.

Siberis seda müüti nõnda sõltumatult ei näi leiduvat. Kuid kõige lähedasem lugu (Handi 1: I. Erdélyi: Ostjaki-sche Heldenlieder aus József Pápay's Nachlass, Budapest 1972, 360-381) ja taolised motiivid muus lugudes tunduvad andvat piisava aluse oletuseks, et räägiti midagi üsna sarnast.

Kaunitar Lõunamaalt on palganud tiivulise Longki kandma sangarit, et see võitleks seitsme raudsilme Mengki vastu, kes on maksnud naise ostuhinna juba hällililapse eest. Longk peab ta viima esialgseks oma pessa. Kuid Longk viskab ta oma poegade kätte, kes kohe asuvad kallale. Sangar tõrjudes neid kukub maha, raiub poolaks puu ja tapab põgeneda katsuvad pojad. Siis ta paneb oma turvistiku kännu selga ja ootab. Emalind tuleb naisega, ei näe poegi, ründab kändu ja sangar raiub ta surnuks. Teisel päeval isane tuleb mehega, samuti laseb selle kukuda, ründab kändu, küünised takerdavad. Sangar tapab temagi ja määrab siis tiivulisele Longkile, et hantide aja saabumise järel ta ei tohi enam kanda ära ühtki meest ega naist. (vt. A. Kannisto 109 SUST (1953), 638-645).

Põhja-Ameerika kaguosas on juttu muistki kannibaalsete kalduvustega hiidlindudest, kes tehakse pisemaks ja viisakamaks. Need tavaliselt küll ei ole kõuelinnud. Terve rida selliseid lugusid on J.R. Swantoni kogus (88 BBAE (1928), nimelt: kalkun (Creek 36); Suur Vares (Big Crow), kelle küüned jäävad kinni pakku (Hitchiti 89-91, mõnes teisendis Kalkun); kotkas, kelle poja mees taltutab ja lendab ta seljal alla mäelt (Hitchiti 90, Alabama 154, Koasati 193, ka mujal Põhja-Ameerikas). Mõned sellised andmed on paratamatult segased: kõuelinnuks on koolibri (Natchez), kuid

kõue võib teha ka lõikava rinnaga veemadu ja kõuel on kanibali kalduvused (Natchez 239/40; 245/6), aga räägitakse ka kullist (Hawk), kel samasugune rind ja kalduvused (Natchez 246/7). Mõnes loos inimene toimib vahendajana hiidlinnu ja ta vastase vahel.

7.2. Loode-Ameerikaga piirdub "Kõuelinnu taltsutamise" müüdi teine kuju (F. Boas 31 ARBAE (1916), 711-716: 15 teisendit; Primitive Art, Oslo 1927, 334; lisatavad veel R. Ballard UWPA III (1929), 82 (Puyallup); Reagan-Walters JAFI 46 (1933), 311/2 (Quileute-Hoh)). Selles müüdis eeldatakse, et Kõuelinnul on olemas tasavägine vastane või valmistavad selle talle loo tegelased.

Kõuelind viib ära sangari (vahel teistegi) naise või poja. (Puvallupi teisendis näib, et söömiseks!) Kätemaksmiseks sangar teeb (koos abilistega) mitmest ainest vaala ja nad asuvad selle sisse. (Vahel sangar muutub vaalaks või juhib tõelist vaala.) Kõuelind saadab järjepannu oma pojad tooma seda vaala. Need jäävad haaramisel kinni, peitunud seovad nende küüned ja tapavad nad või uputavad. Kõuelinnuga juhtub samuti. Ellu jääb ainult ta pesapoeg, kes enam ei kasva sääraseks koletiseks.¹⁵

Mõned kaugemad teisendid pehmendavad ja lihtsustavad sellist lugu. Squamishi Homas (C. Hill-Tout: Museum and Art Notes IV (Vancouver) 1929, 62-64) vendadel on vaja teada, kus elavad lõhed. Noorem moondub vaalaks, kes köidetud rannale. Kotka kujul päike tuleb haarama vaala, ei saa viia seda ära ega vallandada küüsi. Ta vabastatakse, kui ta on teatanud. Ühes Haida teisendis (E.E. Clark: Indian Legends of Canada, 1971, 110/11) kotkaste ema hoiatab poegi ja inimesest väimeest, et nad toogu vaid vaalu, kuid jätku rahule Ahseak. Väimees sõandab siiski ja jääb kinni, samuti kõik naisevennad, kes talle lennanud appi. Viimaks ema päästab nad uppumast. Väga lähedane on eskimo lugu (G.A. Menovštšikov: Skazki i mifõ narodov Tšukotki i Kamtšatki, Moskva 1974, nr. 5), milles kotkad on adopteerinud hüljatud poisid ja hoiatavad teda vaalade seast jätta toomata tuldingav. Ta astub üle keelust ja siis peab kutsuma appi kasuõdesid. Siia nähtavasti kuulub segasevõitu eskimo jutt (E.S. Rubtsova: Materialõ po jazõku i foljkloru eskimosov I, Moskva-Leningrad 1954, nr. 39), milles kotkal kolmest pojast üks

on kaarna naisega. Ta keelab poegi tapmast olendit, kes sarvini maa sees sünnitab mammuteid, samuti hiidvaala merepõhjas, kes sünnitab vaalu. Pojad ei kuula sõna, tapavad need ja seetõttu neid loomi edaspidi enam pole rohkelt. Keelu vastu nad lähevad lõunasse ründama valget hiidkotkastki. See püüab kinni noorema venna ja viib enda juurde. Kotkas laseb kutsuda appi kaarna, kes hiidkotka teadmata saab ja hilt tuleva kotkapojaga leppida kokku põgenemise asjus. Hiidkotkas jälitab neid, kuid vennad tulevad appi ja neljakesi nad tapavad jälitaja. Samuti astmendatud, kuid aitioloogiliseks müüdiks läinud teisend on haritlasest jutustaja poolt (Skazki narodov severa, Moskva-Leningrad 1959, 524-528) kaunistatud AaTh 301 Vcd varal. Kotkad tühjendavad merd vaaladest, riisuvad lapsi. Mees läheb otsima kadunud poega. Teel ta kaitseb vähema kotka poegi külma eest, toidab neid püüdega ja nende ema, kes tänuks ta kannab taevase kotka juurde, viimaks oma sääremarjaga, mida kotkas ei tagasta. Taevamäe kotkas piinab mehe poega, sest see ei taha abielluda ta tütreaga! Säärane kotkaste liigitamine ehk on toimunud üsna hilja.

Sisuliselt kaunis sarnane indiaani müüdiga on üks teine jututüüp, mis võiks olla geneetilises seoses. Hiidkotkas tassib endale naisi, nuumab neid igasuguse lihaga, ka vaala omaga, ja viimaks sööb (eskimo: Menovštšikov nr. 33 (nr. 34), kuid nr. 15 on nuumajaks jääkaru: tšuktši: Menovštšikov nr. 57, kus kotkas pole kannibal). Mees leiab võimaluse kohata naist ja plaanitseda põgenemist. Kotkas jälitab neid, kuid nad saavad ahvatella ta nii kitsasse orgu, et kotkal pole ruumi. Ta külmub jähe ja tapetakse. Tšuktši loos naine mehe juhiste järgi tapab kotka, jälitajad tulevad pärast nende koju saabumist.

7.3. Siberis see hiidlind, kellele taolist nüüd enam ei leidu, või väga harva veel, ei ole alati kotkakujuline. Samuti vastupidi: vanus sõlkupi lauludes on sangarile sõiduloomaks harilikult just kotkas, kuid see pole müütiline lind (M.A. Castrén - T. Lehtisalo 83 SUST (1940), 305-340). Hiidlinnu kannibaalsus näib vahel sekundaarne joon, vahel sõltunud olukorrast ja vahel ilmneb ainult kaudselt. Mõne rahva pärimusis esineb mitu säärast olendit, kuid ühegi vastu ei tunta erilist slümpaatiat.

Andmed njeenetsi-entsi Minljei-Minle kohta on vastu-
 rääkivad ja ähmased (T. Lehtisalo 53 SUST (1924), 28,46;
 90 SUST (1947), 24/5; B.O. Dolgihh: Mifologitšeskie skazki
 i istoritšeskie predanija entsev, Moskva 1961, 112/3). Ta
 võib olla kannibal, kuid ometi kannab nõidu nende teil. Hoo-
 limata päritolust ja välimusest (tiivad nugadest) ta ometi
 on tõeline lind, kel pesas munegi. Ta koguni kandvat sinna
 endale meelepäraseid inimesi, kuid tapvat kakluse põhjusta-
 ja. Mõõkadest tiibade tõttu on temaga võrreldav nanai-oroki-
 orotši raudsulgne Koori, keda nimetatakse kotkakski
 (P.P. Šimkevitš ZPORGO I, 2 (1896), 15-17; L.J. Sternberg:
 Giljaki, orotši, goljdõ, negidaljtsõ, ajnõ, Habarovsk 1933,
 491, 496, 503; V.A. Avrorin & E.P. Lebedeva: Orotškie skaz-
 ki i mifõ, Novosibirsk 1966, nr. 16, nr. 29, lk. 216; SNS
 (= Skazki narodov severa) 327). Kuigi ta kannab nõidu, teda
 peetakse olendiks, keda on nähtud, kelle sulgede pärast tü-
 litsetud. (Tavaliselt on selliseks linnuks siis kotkas, na-
 gu: SNS 252 (dolgaani), Dolgihh 216 (entsi)). Temaks moon-
 dunud taat riisub söömiseks türduku (SNS 317-328, kuid
 selle loo usaldatavus on kahtlasevõitu). Mõneti taoline on
 veel jakuudi-dolgaani Üksükü (I.A. Hudjakov: Verhojanskij
 sbornik, Irkutsk 1890, 26, 160/1, 191, 226/7; A.A. Popov:
 Dolganskij foljklor, Moskva 1937, 37 (dolgaani 1), 90-92
 (dolgaani 2: linnuks nimetu kotkas!), 135-150 (dolgaani 3)),
 sest temagi vahel on oluline nõialegi. Jakuutide järgi see
 üleni must lind elab pesas jääkünkjal tulemere taga, tal on
 kaks pääd ja kivitiivad. Dolgaanidel ta elab alumisel maal,
 on kaheksapäine sulgedeta lindinimene. Sääraseid maa-alu-
 seid linde esineb muilgi Siberi rahvail ja tööpoolest ka
 AaTh 301 Vcd kotkas elab toonelas. Üksükü on vahel kannibal
 ja võitleb sangari või ta hoolealuste vastu.

Nõidadega ei näi iialgi olevat seotud teisi selliseid
 hiidlinde. Maanside Pästorkai (= makaptitsa) on kunagi ela-
 nud siin maal ja söönud inimesi, nüüd ta viibib teises maa-
 ilmas ega saa enam tulla siia (A. Kannisto III SUST (1956),
 180 (AaTh 301), 253 (maansi 2)). Hantidel on "tiivuline
Kâris" (S. Patkanov: Die Irtysch-Ostjaken und ihre Volks-
 poesie II, SPb 1900, 124-131 (handi 2)), Kääres (P.M. Kulem-
 zin & N.V. Lukina: Legendõ i skazki hantov /Vasjagan/, Tomsk
 1973, 28-36 (handi 4), 49-51 (handi 5)) ja "tiivuline

Ka(a)rs" on olnud kohati tuttav maansidelegi (V.Tšernetsov: Voguljskie skazki, Leningrad 1935, 47-57 (maansi 1)), kuid ometi just selle loo handi teisendis (SNS 59-64 (handi 3), nagu handi 1) esineb hoopis "lendav/tiivuline Tungh". Nime Kääres on mõttetu pidada laenuks Iraanist. Kui see üldse on võõras, siis oleks loomulikumalt kõrvutatav kasahhide "to-redal paplil" (baj teräk) elutsev "hiidsangar kotkas" (Alöp Karagus/š) (G.N. Potanin: Živaja Starina 25 (1916), 73-79 (kasahhi 1), 85-89 (kasahhi 2) 126-131 (kasahhi 3)). Veider nimi on ju ka Baraba tatari Züzülö, kes asub seitsma papli otsas (W. Radloff: Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme Süd-Sibiriens IV, SPb 1872, 26-35 (baraba)). Burjaadi Chaan Chärdig (Abai Gäsär Chubun: Osor Bogdo i Churin Altai, Ulan Ude 1964, r. 18270/819 (burjaadi)) on nimeldasa Indiast. Need koletised võivad ajuti sõbrutseda sangariga, eriti viimane. Üksnes inimesesõõja on sölkupi "suuretiivuline lind" (SNS 160-163 (sölkupi 2, a. 1927)) ja sellesama loo evenki teisendi raudlind Kingir (SNS 206/7 (evenki, a. 1952)).⁹ Segaseks jääb, kas selliste lindude hulka kuulub ka Ōsai tumaraan (dolgaani 3), kes nutab taga muna, mis talt varastatud.

Ülevaateks sisust võib kõik need lood jagada kolme rühma, kuigi ainult esimene ei sisalda motiive muist juttudest.¹⁰ Selles rühmas hiidlind viib inimese oma pessa toiduks poegadele (handi 1, sölkupi 2, dolgaani 1, evenki) või - sekundaarselt - nende kaitsjaks kõue eest (evenki, kuid dolgaani 2 inimene kaitseb enne neid kõue eest). Kõu hiidlinnu vaenlasena on siin vist ainukordne motiiv. - Teises rühmas sangar läheb ise või kolleegi - enamasti tulevase äia - käsul alistama või karistama inimesesõõjat hiidlindu (maansi 1 (lind on hävitanud linnast üle poole), handi 3 (on seitse aastat söönud inimesi), handi 5 (tuul ta pesast kandnud liiva ja pimestanud inimesed), kasahhi 1 (ta on varastanud endale karjaks kõik imelised varsad), keeti 1 (on võtnud ühe taadi silma), keeti 3 (silmamotiiv kahtlane)). Võib juhtuda, et ta teeb midagi hääd linnu poegadele (maansi 1, handi 3) ja selle tasuks lind aitab teda muiski asjus ning tema lindu (ainult maansi 1). Vahel ta kohtleb halvasti linnu poegi ja nõnda sunnib lindu tegema midagi (handi 4,5) või tulema läbirääkimisele tehtava kohta (keeti 2,3). - Kol-

mandas rühmas sangar juhtub hiidlinnu pesa juurde (eskimo 1, maansi 2, dolgaani 2, kasahhi 2) või lähed linnu käest hankima midagi enda tarbeks või tulevase äia nõudel (peab tooma sule: handi 4, burjaadi, kuid kasahhi 2 lind talle pärast ülesviima annab kutsumiseks sule; linnunaha: baraba; erilise toitva kivi Adam-bilmes: kasahhi 3). Ühtlasi ta kaitseb linnu poegi nende vaenlase (harilikult mingi mao või taolise koletise; külma: eskimo 1; kõue: dolgaani 2) eest ja tasuks lind rahuldab ta soovi. Sellest üldisest skeemist mõneti erinevad teisendid on nähtavasti lühendatud või täiendatud muu ainesega. Dolgaani 3 (AaTh 531/465) naine hangib kuidagi mehele ise Oksükü poja ja Ōsai Tumaraani muna, minekust ja teeneist pole juttu. Handi 2 on Kârîs palgatud Toonela taadi poolt viima üles sangarit, kes enne ei tea linnust midagi. Omamoodi laiendatud on burjaadi teisend: Chaan Chârdig on jäänud võitluses alla Mürkkollasele Maole (Mogoi) ja saanud neli päeva aega veel elada, kui annab maole igapäev söögiks ühe tütre. Sangar, kes peab tooma ta sule, näeb esimest tüdarta nutmas, teist laulmas, kolmandat naeremas. Tal on eriline nool, millega tabab mao haavatavat kohta. Linnu kannibaalsust ei ole neis lugedes rõhutatud eriti: maansi 2 esineb see ainult AaTh 301 lisaseletuses; kasahhi 2, 3 Alõp Karaguš neelab küll sangari, kuid sülitab ta kohe välja ja seda joont on seletatud muinasjutuliseks adoptionsioonitavaks. Ainult handi 2 Kârîs saab taadilt kõva käsu, et ta kuidagi ei kahjustaks sangarit ning peab laskma kirjutada oma rinnale, kui korralikult ta on inimese viinud üles; kasahhi 3 sunnivad pojad ema kugistama tagasi tema õgitud sangari. Väga sagedasti AaTh 301 Ved kotkas tunnistab, et saadud inimeseliha on väga magus, sedagi ta siin teeb veidi ahnemalt, kuid sellest joonest ennemini järgneks, et ta loomult ei ole mõeldud kannibaliks. Kindlasti aga ühtki neist lindudest ei kujuteldud inimesesõbralikuna ning handi 2 näib olevat säilitanud algsema arvamuse temast, mida auliseks kujunenud kotka ülendamiseks on leevendatud hiljem.

8.1. Küllap on niisama vana müüt kõuelinnu ja veekoletise võitlusest (AaTh 1148B). See erineb põhiliselt neljas punktis eelnenust. Esmalt: kõuelinnul ehk kotkal on tegemist tasavägise vastasega, kes ka siis asub vees, kui lin-

nul pole seost kõuega. Teiseks: kui linnul ongi poegi, neil ei ole müüdis õiget ülesannet. Kolmandaks: kumbki vastaseist ei ole kannibal, hoolimata sangarlusel on inimene kääbus nende kõrval. Neljandaks: sangar ei ole Muundaja, vaid Vembutaja taoline vahendaja, kes võib lepitada tülitsejad, kuid niisama meeleldi ajada kaklema sõbrad. Kolm viimast erinevust võib tuhmuda teiste müütide mõjul, kuid ei kustu täiesti üheski siiaakuulavas loos.

8.2. Võrdlemisi sagedasti on kõuelinnu vaenlaseks Põhja-Ameerikas keegi veekoletis, kellel ilmtingimata on silmahakkav sarv ka siis, kui ta on vaal. Nõnda Quinault (R.L. Olson UWPA VI, 1 (1936), 17, 69: vaal), Hoh-Quileute (Reagan-Walters JAFL 46 (1933), 320-321: vaal), Sarsi (P.E. Goddard UCFAAE 11 (1915), 225-226, 267: sarv on sinine, ulatub jääst läbi), Crow (R.H. Lowie El Palacio 25 (1933), 22), Winnebago (P. Radin 37 ARBAE (1923), 195, 287: sarvega veemadu waktcehi), Iowa (A. Skinner JAFL 38 (1925), 132, 469, 476: 'Horned Water Panther' unktehi), Irokeesi (H.B. Alexander MAR X (1916) 44/5: sarvega veemadu), Kato (P.E. Goddard UCFAAE 5 (1909), 226). Selline sarvega olend on tähtis mitmele algonkini rahvale, kuigi pole teateid ta vaenust kõuega (Micmac, Passamaquoddy, Penobscot: E.C. Parsons JAFL 38 (1925), 60-63, 95-96: elab soodes, ta punane-kollane sarv on rekvisiidiks nõiale), samuti Kagu-Ameerika rahvaile madu, kelle sarved nagu hirvel (J. Swanton 88 BBAE (1928), 127 (Alabama), 174-176 (Koasati), 235, 245-246 (Natchez, kelle järgi just see veeloom võib teha kõuegi)).

Kumbagi olendit on kohati peetud fratriaate esivanemaiks, seepärast hinnang neile sõltub fratria sotsiaalsest positsioonist. Enamasti kõuelinnu vastast on kirjeldatud võimetumana ja linnu söögina. Lood inimesest nende vahendajana teoreetiliselt siis ei tarvitse olla AaTh 1148B säilmed, vaid hoopis hilised kohalikud moodustised mingi kentiva olukorra õigustamiseks. Sest leidub ka lugusid, milles kõuelind alistab veekoletise, päästab ta meelevallast omasid või mõne sangari, kes ise on läinud kaklema tolle veehiuga. Kuid ainult winnebagodel on need fratriad ja nad võistlevad omavahel, sarsidel pole ning nende lugu tundub algsem.

Sarsi jutus kütt tükeldab piisonit järvekaldal. Sel-

lest tõuseb keerlema suur taslânni (nimetus esmalt tõlgitud "water serpent", kordustrukkides "whale") sinise sarvega. See kurdab, et kõued mõtlevad ta pääle ja lähenemas on väikene pilv, mis nende asukohaks. Kõued kartvat inimesi ja ta palub küttil kaitsta end. Tuleb kaldale inimese kõrvale. Siis saabunud kõuelinnud piiravad neid ja tahavad, et kütt astuks kõrvale. Veemadu kinnitab, et kõued ei ole "pühad" (holy) ja lubab küttil oma meditsiinipauna, kui ta aitab teda. Kütt lubab neile siniseile lindudele oma kaitsealuse asemele söögiks piisoni. Kõuelinnud ja piison kaovad kohemaid ja veemadu kingib mehele pauna, mille sisse on maallitud tema ise, väljaspoole kõuelinnud. Pikemas teisesendis (D. Jenness: National Museum of Canada, Bull 90, 1938, 76/77) kõued ja veemadu vaheldumisi kiitlevad eneste väest ja võimeist, mis neil on pakkuda küttil. Veemao arust on maiste väed nagunii suuremad taevaliste omast.

Winnebagode pikas jutus (P. Radin: Primitive Man as Philosopher (1927), Dover Books 1957, 178-185) veekoletised teavad, et kõuelinnud on otsustanud hävitada nemad kõik. Ühe ainus poeg "Matkaja" omaste päästmiseks meelitab võimatute töotuste varal ühe parajasti haldjaväge otsiva poisi. Teataval ajal see peab tulema järvele. Sääli ta varsti näeb kõue ja veemadu teineteise haardes ja mõlemad paluvad, et ta ambuks surnuks teise. Poiss kaldub kord teise, kord teise poole. Viimaks on ambumas veemadu, kuid selle viimane põhjendus - kõuelind pole hoolinud poisist varemalt ega ilmunud talle - on nii veenev, et ta ambub kõue pihta, kes tõmmatakse vee alla. Enne ta ähvardab, et vaenlased tapavad poisi ja ta sugulased üsna varsti. Nõnda juhtubki. - On mõeldav, et seegi lugu kunagi lõppes nende lepitamisega, kuid winnebagodele on kõuelind sotsiaalselt saanud tähtsaks kui veemadu-karu.

Kaudselt siia kuulub siis ka kaks Creeki teisendit (J. Swanton 88 BBAE (1928), 7-9): Kõueolend (Thunder-Being) ja boa (Tie-snake) võitlevad ja mõlemad paluvad abi inimeselt. Inimene tapab ma, saab kõuelt väe ja isegi läheb kõueks. Kuidagi võrreldavad oleksid lood kahest kaklevast hiidlinnust ja inimesest, kes tapab teise nendest (Alabama: 152/3; Koasati: 194/5), kuid kumbki pole kõu. Liiatigi, lood võiksid sõltuda AaTh 738^{xx} mingist kujust.

Isegi sarsi jutt õigupoolest ei ole AaTh 1148B, sest kumbki pool ei ole kaotanud midagi. (Kõuelinna küüned jäävad kinni muis seoseis: 7.2 ja Hitchiti 7.1.) Sarsi loos ometi (ehk ka mõnes Hoh-Quileute omas) inimene on tõeliseks vahendajaks ega sekku otseselt nende võitlusse teise poole kasuks. Võimalik seepärast on, et indiaanlased kunagi teadsid AaTh 1148B enamvähem seda kuju, mis on tuttav Siberis. Oluliseks jooneks ehk on seegi, et mõlemal pool väidetakse veekoletisel-mammutil olevat imelik sarv, kuigi indiaanlastele see on vaid iseloomustav tunnus ilma erilise tähendusega, üpris harva midagi vajalist inimesele või huvitavat.

9.1. Siberist on teada vähemalt viis üsna selget AaTh 1148B sellist teisendit, mis on väga lähedal mu oletatud iidsele reliktmüüdile, ehkki üheski ei ole hiidlindu kujuteldud kõueks. Näib, et võrdlemisi hiljuti veel see müüt oli levinenum, sest vanim teisend erineb tunduvalt hilisemaist, millesse on sügenenud rohkem muud ainet. Osalt see pärineb 7.1 mainitud müüdist, osalt kahest hilisemast muinasjututüübist: kotkapeogade kaitsmine vaenlase eest ja kotkas kandjana (AaTh 301 Vcd) ning rängad ülesanded kosilasele (motiividelt AaTh 328 II, 465 II, 531 IIb).

Vanim teisend (sõlkupi 1: K. Donner SUSA 30, 26 (1913-18), 4/5, kogutud 1912) on episood sõlkupi vembutava ja muundava sangari Iittje loost. Tema noorpõlv mõõdub umbes nõnda nagu muis siberi-indiaani "Vanaema (/õde, sõtse/) poisiga" juttudes: ta otsib aina uusi seiklusi, mis enamasti on üsna ohtlikud.

Ta tuleb suure mere rannale, kus elab hiidlind Püüne, kes võib kergitada maast lahti kõike ja süüa: puid, kaljusid, inimesi ja loomi. Sellesama mere keskel (kas kuskil saarel?) elab ometi veelgi vägevam koletis "Kala (Kua)³) karvase sarvega, tännilise sarvega", kes võiks liigutada ja tõsta üles kogu maa. Kolme aasta eest on Püüne rünnanud seda Kala, haaranud küünistesse ja tahtnud tõusta lendu. Kala on sukeldunud ja kiskunud vee alla Püüne. Lind pääseb vaevu ja rabelemisel kaotab küüned. Suutmata hankida toitu endale Püüne armetult kõssutab rannal ja palub abi Iittjelt, kelle vägitegudest ta on kuulnud. Iittje on valmis, kui Püüne kannaks ta sin-

na. Hoolimata armetusest Püüne suudab kanda teda ja lennata. Laseb tal veel kukkuda kolm korda ja püüab kinni tiivaotsaga, et proovida ta julgust. (See episood ei saa olla algne, vaid pärineb AaTh 537-st, üheski muus teisesindis lind ei kanna sangarit oma vastase juurde.) Püüne jätab Iittje Kala ookeani rannale. Iittje teeb seitsmekeelse pilli ja mängib seda nii hästi kõikide loomade, kalade ja lindude keeles, et need kogunevad kuulama. Viimaks Kalagi tuleb, mängides edasi Iittje kõnnib ta seljale ja Kala ujub avamerele. Ujumise aegu ta kurdab Iittjele haigust: Püüne küüned määndavad ta selga. Kui Iittje avitaks teda, siis ta saaks naiseks Kala tütre. Iittje löigub välja Püüne küüned ja mäda voolab korraks üle kogu mere. Siis Kala käsib teda astuda oma kõrva sisse, mis on tohtusuur tuba, kus Kalaneid viibibki. Sellega ja küüntega Iittje läheb tagasi Püüne juurde ja kättemaksuks kukutamise eest kinnitab küüned nii lõdvalt, et Püüne nendega kolmel korral ei saa haarata ning alles neljandal korral suudab.

Iittje vägeva vastasena esineb viimaks hiidkannibal Püünegusse. Nende nimede seos ehk ei ole näiline ainult. K. Donner arvab, et sõlkupi loos pillimängu episood pole vana, kuid muusikat armastavaid koletisi esineb muinasjutudes võrdlemisi sageli ja nende hulka kuulub ka Nonnose Typhon.

Maansi 1 (V. Tšernetsov: Voguljskie skazki, Leningrad 1935, 47-57, kogutud 1934 Taapõs-suunt-paavelist) sangaril E(e)kva-põriš'el on hiljem ka handikeelne nimi ning pooliti hantidelt ehk on ka hiidlinnu nimi Toulõng Ka(a)rs. Lool endal on väga lähedane handi teisend (handi 3: SNS 59-64, kogunud N.I. Tereškin Nidjamõst 1947), aga selles puudub episood sangarist vahendajana hiidlinnu ja mammuti vahel. Võiks arvata, et handi 3 on jättnud selle välja, sest episood tundub lugu omaette, kui koguni mitte kaks, liiatigi näib, et ta ei sobi konteksti, sest ei ole mõeldav, et lind ilma hoosulgedeta üldse on tegutsenud nii vapralt nagu jutustatakse. Siis aga järgneks, et maansidel või nende naaberhõimudel peab olema olnud rohkem siia kuuluvaid jutte.

Eekva-Põriš on saanud Uusõng-Ootõr-oika tütrele kosjaminekul sõbraliselt taatidelt neli maagilist eset. Uus-

Uusõng-Ootõr on nõus andma tüdart, kui ta tapaks linnupaari, kes laastanud üle poole linna ja viinud poegadele. Nende pesa on lähedal kuumas meres lehise otsas, millel pole ühtki oksa. Eekva-Põriš rõivastub (teiseneb, samuti ka handi 3, 4; keeti 2, 3) hermeliiniks, kui see väsis ronimast, siis ninahireks (handi 3: oravaks). Ta kaebab juba pesa äärest, kui talle tuleb kallale Sūdame-tu-Maksatu-Raudkonn (maansi 2: 'sabatu/otsatu madu'), kes elab Toulõng Kaarsi pesa põhjas ja ikka närib ära poegadel tiivad, kui need on tõusmas lendu, nagu sel hetkel. Sangar tapab konna kirvega. Pojad näitavad talle oma võimet lennata väga kaua ja väga kaugele. (Taaliseelt on väga kaua ära eite-taati, kes saanud tagasi silmad: handi 2.) Siis nad käsivad peituda vanemate eest. Isa tuleb, mees tuttupidi küüsis, heidab selle pessa. Pojad keelduvad söömast ja viskavad ta alla. Ta jääb sangari loitsimise tõttu ellu. Samuti juhtub naisega, kelle ema toob neile. Siis pojad seletavad asja, kuid keelduvad näitamast sangarit, et äkki vanemad söövad ta. Need tõotavad ja kaisutavad. Toulõng Kaars saabab naise poegade-ga tagasi oma maale, ise lubab jääda appi sangarile, sest Uusõng-Ootõr nagunii nõuab muudki. Eekva-Põriš teatub linnu käsul, et on tapnud kannibali. Äi nõuab teisest maailmaotsast pulmapeoks Kuldahvenat. Selle Toulõng Kaars püüab ja kannab koos sangariga taas linna lähedale ja käsib tuua kolm hobust kala äravedamiseks. Samuti toimub lugu äia nõutud linnu Sat-Nematur-Šiški'ga. Kuid siis äi ütleb, et tal pole rohkem nõudmisi. Sangar läheb ja teatab linnule. - Nüüd Toulõng Kaars kurdab, et ta muiste on võidelnud Mammutiga, kellelt riisunud kolm sarveharu ja pidanud loovutama talle kolm hoosulge. Ta saabab Eekva-Põriše mammutile tagastama sarvi ja tooma hoosulgi. Sangarit siin enam ei kanta, ta läheb jalgsi. Mammutätt istub kuumas mere rannal. Ta võtab sarveharud ja paigaldab ning annab suled. Kuid ta palub tuua veel kolm sarveharu por(-fratria)naistelt ja viia neile tagasi seitse sõrme. (Ei ole jutustatud, mis on toimunud nende vahel.) Eekva-Põriš ilma eriliste sekeldusteta toobki. Mammut (nagu Toulõng Kaarski) terveks saanuna kiidab end nii vägevaks, et ta liigutamisel väriseb ko-

gu maa. - Enne Toulõng Kaarsi juurde naasmist Eekva-Põriš veel varastab ühe kauni rõiva ühelt eidelt, kes teda karistab rängalt.

Handi 3 ei erine kuigi palju. Sangar (Imi Xitā) ise tapab hermeliini ja orava, kelle nahku hiljem kasutab samuti. Linnast "lendav/tiiyuline Tungh" on juba seitse aastat tassinud ära inimesi. Sangarilt linnaisand nõuab linnu äraviimist. Kärnkonn kargab sangarile vastu ja saab otsa kirvehoobist. Sangar küsib poegadelt, miks nad ei lenda, kuid pojad ei tea, kes neil üksilugu närib ära sulgi. Imi Xitā seletab ning võib nende tiivanukke kolm korda vedelikuga kuldpuudelist. Viimaks nende tiivad lähevad üpris võimekaks. Edasine ei erine palju maansi teisendist. Kuid siin sangar teatab linnaisandale, et on ajanud ära Tunghi. Imi Xitā peab tooma kolmekümnehäälseid linde ja Kuldahvena. Mõlemal puhul on kandam nii raske, et Tungh alles paari katse järel suudab tõusta lendu ning veoks linna on vaja kolmkümmend hobust.

Kummaski loos ei ole öeldud, millise kavatsusega sangar ronib linnu pessa, kuid sarnaste variantide põhjal (handi 4, 5; keeti 2, 3) võib arvata, et poegade tapmiseks või terroriseerimiseks, et sundida vanu tegema midagi või tappa neidki (nagu 7.1). Juhuslikult temast saab nende kaitsja (maansi 1, handi 3). Linnud näivad kannibaalsed olevat ainult poegade pärast ning muis teisendeis (handi 4, 5; keeti 2, 3) nad ei ole kannibali poolegi.

M. Ošarov on avaldanud "ostjaki" jutuna ühe teisendi (Severnõe skazki, Novosibirsk 1936, 121-124), mis on vist keeti 1, sest Ošarovil ei ole teist sõna keetide nimetamiseks ja lugu ise ei erine väga palju muist keeti teisen-deist. Kuid sangari nimi (I(i)tšekotško) on pigem sõlkupi, ei esine igatahes muis keeti juttudes. Seepärast võiks koguni kahelda, kas keeti 2, 3 üldse on keeti jutt või kuulud naabreilt. Küllap keeti 1 algus (AaTh 222B/537) on saadud venelasilt, kuigi see on juba tuttav paljudele Siberi rahvastele.

Lindude ja loomade sõjas karu poolt vigastatud kotka üks taat viib koju tiiva ravitsemiseks, sest kotkas edaspidi lubab toita teda. Taat ei läbe oodata, kavatseb tappa kotka ja visata ära. Kotkas kisub tal silma pääst

ja lendab ära sellega. Taat jääb abitud majja: ei suuda teda avitada nõiad ega kurat, Maaisand ise, kuigi ta ravigijale lubab kaks tütar. Iitšekotško võtab kuulda teadi kurtmist ja pika matka järel jõuab rannale. Leiab kotka pesa ja ronib sinna varitsema kotkast. Kui see tuleb, sangar nõuab silmi. Kotkas ei anna muidu, vaid käsib minna järvele, mille üle ta lennanud palju aastaid ja alati kaotanud sulgi. Järves elutsev mammut on kõik need kogunud endale. Sulgede eest kotkas on nõus andma silmad tagasi. Iitšekotško viimaks leiab järve, kust mammut suure veeseinas tuleb kaldale. See keeldub andmast, sest talle igal aastal on kasvanud vastsed kihvad küll, kuid langenud kihvad "on kogunud surnud ja teinud neist tasse ja lusikaid ning müünud kaupmees Koljsele". Kui sangar kalmistult toob tagasi need, mammut annab talle suled. Haudade vahel Iitšekotško teeskleb laipa. Surnud väljuvad haudadest ja haletsevad uustulnukat, et see kindlasti on väga näljane. Otsustavad sööta teda, toovad tassid ja lusikad. Sangar need kahmab ja põgeneb, viib mammutile, saab sellelt suled ja viimaks kotkas saab tagasi suled, mis tal - jutu järgi - kadunud tiibadest. Ta väidab, et on nüüd hoopis jõulisem ja lennukam ning võib saada jagu karust. Kui taat hakkab nägema jälle, ta annab Iitšekotškole tütreid ja ise kohemaid läheb jahile.

Ehkki kaotatud suled ja kihvad (ehk originaalis "sarved"?) on loomade eneste väite järgi olnud üleaurused, neid ometi hädasti vajatakse. Veidraks jääb (nagu keeti 3), et mammuti kihvad on sattunud "elusate" surnute kätte. (Sellised surnud tegutsevad ka ühes sõlkupi Iitša jutus SNS 169-170.) Küllap on maansi 1 por-naiste episood pärit mingist taolisest jutust, mis sünenenud lisaks algsemale. Pimestatud taadi episood (millega ehk on võrreldav handi 2, kus riisujaks mee(n)kid: AaTh 321) on vist kuidagi tingitud vajadusest venitada ja korrastada lugu, kui pandi alguseks AaTh 222B. Ometi väga kahtlane tundub, kas saab algsemaks kujukse oletada jutule, et kotkas on kaotanud võitlemisel mammutiga silmad ja suled, mammut temale kihvad ning Iitšekotško pimedada palvel seadis asja taas joonde. Imelik on see- gi joon, et kotkal pole pesas poegi, kuigi tundub, et just nende kiusamine võinuks sundida kotkast tulema.

Keeti 2 (A. P. Dulson: Skazki narodov Sibirskego Severa I, Tomsk 1972, 40/1, 115/6, nr. 113; A.I. Ljamitš) ja keeti 3 (A.P. Dulson: (Ketakijsbornik II), Moskva 1969, 182-186, nr. 57; O.V. Tõganova) peaksid olema üks sama lugu. A.P. Dulson kirjutab (19. X 1972) nende suhtes: "Von den zwei Märchen ist 113 die ursprüngliche Fassung. Sie wurde mir von einer alten Frau erzählt, die allemal bis ich einen Satz niedergeschrieben hatte, den Faden der Erzählung verloren hatte. Nummer 57 ist von derselben Frau abgehört und mir danach wiedererzählt worden." See tähendab, et kumbki tekst ei ole usaldatav täiesti ja keeti 2 on kahel olulisel kohal sõnastuseltki segane.¹¹ O. V. Tõganova repertuaar on ohter (nr. 53-61, 70-85, 114-116, osa neist kordusi) ja ta võis täiendada hoopis muu ainesega keeti 2 teksti, mis ilmselt on sisultki puudulik. Eriti kehtib öeldu väga segaste 57, 20-24, 53b-63 (64) kohta, mis moodustavad eri episoodi. Küllap ta on lugu kuulnud veel kelleltki teiselt, sest osa erinevusi tema tekstis ei ole sobitatavad Ljamitši jutuga. Ta võib olla koguni lugenud või kuulnud Ošarovi teksti või midagi sellele üsna lähedast, sest ta purjutavad kuradid on võrreldavad keeti 1 pidutsevate surnutega, ent kummalegi ei leidu paika Ljamitši kontekstis. Kindel on igatahes, et ta pole neid mõelnud välja ise, kuigi seda on väidetud. Samuti on kindel, et mõlemad tekstid kuuluvad siberi AaTh 1148B rühma ega ole alust just neid kahte teksti pidada ainulaadseks ja siis seletada V.V. Ivanovi ja C. Lévi-Straussi kombel.¹²

Mõlema teisendi algused peaaegu võrduvad ja see episood tundub olnud kunagi üks Vembutaja lugu omaette.

Jõe ääres elav taat kasvatab rebasekest, kes hakkab talle varastama kalu ülejõe asukailt. Need saavad jälile ja varas peab põgenema. Moondumispaol ta esmalt läheb hermeliiniks (ainult keeti 2!), siis näeb kolmjalglobust - olendit, kes mujalgi esineb põgenemislugudes, kuid harva Siberis - ja moondub tagasi inimeseks, kes ratsutab sellel jõekallast pidi ülesvoolu. Ta kuuleb kõlisevat (keeti 3: laulvat) nõiakeppi, mille küljes häll. Siis ta asub hälli, kiigutab end ja häll tõuseb temaga taevasse. Sääli ta moondub kotkaks (keeti 3: põhjapõdraks) ja läheb jumalapuu otsas olevasse kotkapesa. Kotkapesas ta hak-

kab kiusama poegi ja need kukuvad vääksuma. Tulnud kotkalt ta nõuab kotti tulustele. Kotkas lubab, kui sangar toob talle tagasi küüne, mis on kiisa (haljk: keeti 2 ja 3: 26, 27, 30, muidu esineb teelj "mammut" keeti 2 tiitlis ja keeti 3: 28, 31, 45, 47, 50, 51, kuid Tõganova arust see sõna tähendab "haikala või vaal") meelevallas. Ilmselt sangar kiusab poegi ainult selleks, et saada jutule vana kotkaga, sest ta nõustub täitma soovi.

Võiks oletada, et siin on jäänus tulehankimismüüdist ja kotkast pidada tulustekoti omanikuks või vargaks, kuid jutustaja ise kuulub "tulerahvasse" ja borgdol(j)'i asemel ehk nimetati muudki. Ilmselt on selles osas vigane keeti 3, mille järgi rebasekene moondub kolmjalglobuseks ja sellel hakkab (otstarbetult?) sõitma kalade omanik In(i)ting moonduvalt Kasketiks (keeti 3: 9; aga 3: 4 on Kasket üks Initingi juures elutsejaid ja 3: 20 ikkagi rebane!). Keeti 3 lõpul toosama Kasket naaseb jõeäärse taadi juurde, tähendab, on tema omi.

Peaaegu lõpuni nüüd mõlemad teisendid erinevad tublisti. Aga kummastki ei taipa, kas sündmustik toimub taevas või maal. Et "jumalapöder" tähendab kodustamata põhjapõtra, siis isegi "jumalapuu" (eesj-oks) ei tarvitse olla taevane, vaid mingi eriline kõrge puu siinsel maal.

Keeti 2 järgi sangar pika käima peale leiab puutümi-ka ja istub selle otsa. Ta näeb selle "seljas" küünt (või nõela), mille tõmbab välja, paneb tasku ja pöördub tagasi. (Ei ole öeldud, millest ta teab, et tümikas on kiisk, ei seda, kuis see lubab istuda.) Ta paneb küüne kotka sõrme otsa paigale, saab sellelt koti ja naaseb taadi juurde, kellele on tassitud kalu.

Keeti 3 jutustab, et Kasket käinud tüki maad muutub Tõljet Säijet'iks (TS: "Tõljet-lehisekene") (3:20). Aga 3:21 on T lehise (sēg) otsas, siis sinna lendab kotkas (3:22, 23 di?, muidu kõikjal day, dāy) ja tahab haarata puul istuvat, kuid TS (!) kisub talt ära ühe silma. Pole öeldud, mis kotkas arvab sellest, kuid TS taastub Kasketiks. Ta matkab tükk aega. Rannal mõtiskleb kiisa peidukohast. Teelj tõuseb merest ja küsitleb teda sõbralikult. Kasket räägib, et kotkas on saatnud ta kiisalt nõutama tagasi küünt. Teelj sõnab, et kotkas on tahtnud haarata

teda, aga küüs on jäänud talle ja päris muidu ta seda ei tagasta. Ta sarved on talvel külmanud järe: kui Kasket tooks talle need, siis ta annaks tolle küüne. Kasket hulgub rannal, nagu otsiks liivast. Eemalt ta silmab purjutavaid olendeid ja seletab, et need on mustad kuradid (litis). Ta mustab end tahmaga ja poetub nende sarvedest joojate hulka. Joodikud pakuvad talle järjestikku seitse täit sarve. Ta kallab aina joogi kõrvale, sarve pistab põue. Kuradid jäävad nii purju, et vähkrevad liivas ja alles hulk aega hiljem taipavad, et taas üks inimene on joonud koos nendega ja kadunud nüüd. Kasket viib sarved Teeljile ja saab kotka küüne. Siis ta kunagi taas leiab koha, kus oli TS (3: 53B-64). TS mängib lõõtspilli ega hooli millestki (3:54). Tema (= Kasket) vaatab alla, näeb TS juurikal kõvasit (3:55). Ta pistab selle põue ja ronib tagasi TS otsa (3:56). Tema mängib aina edasi pilli (3:57). Meri kerkib sinna (3:58): Kasket laskub, paneb kõvasi Säjgeti oksale ja ronib tagasi üles (3/59). Meri tõuseb kõvasini ja viib selle ära (3:60). Kasket(!) aina mängib, kotkas lendab lehise (sēs) otsa, TS annab kotkale tagasi silma (3:61). Kasket (!) lausub kotkale, et ei anna tagasi talle kotka küünt! (3:62). (Jutus ei seisa, kuhu jääb TS.) Kotkas kannab Kasketi (3:62). Nad saabuvad kotka pessa (3:63). (Jutus ei seisa, kuhu jääb see kotkas.) Kasket pakub kotkale küünt, kotkas võtab ja ise paneb paigale. Siis ta annab Kasketile tulustekoti ning käsib teda minna tagasi oma taadi juurde.

Keeti 2 lühikesena vigugi sisaldab vähem. Siin pole vajadust muutuda hermeliiniks, sest üles saab hällis (maansi 1, handi 3, 4 on ronimine võimatu moondumatult). Ei sobi seegi, kui kotkas ütleb, et kiisk on peitunud merre (ütlemata, kuidas ta küüs on sattunud kiisa meelevalda), siis kiisk puutlimikana seisab rannal, lubab endal istuda ja loovutab küüne ilma ühegi hüvituseta. Keeti 3 puuduste arv on väga suur. Initingi ja Kasketi suhe; Tõljget Säjyreti, Kasketi, säjyreti ja lehise (sēs) suhe on mõlemad täiesti lahendamatud. Kuigi kaks kotkast oleksid seletatavad identseiks, jutustaja meelest nad ilmselt ei ole, sest kotkas, kes ootab tagasi küünt, ei läheks püüdma selle toojat. Ime-

lik kõvasi "leidmine" ja mere kerkimine võiksid pärineda loost, milles Vembutaja on varastanud midagi mere(lojuse)lt, peab jälitaja eest ronima puu otsa ning appumast teda tuleb päästma talle ammu sõbralik kotkas. Selline episood võiks kuuluda "Ülesanded kosilasele" sündmustikku, aga maansi 1 (rõiva riisumise karistuseks sulgemine kivvi) näitab, et sääraestesse lugudesse võis sugeneda üsna kõrvalisi elemente. Igatahes ei kerki meri siin pillimängu pääle, sest siis TS võiks katkestada mängu, liiatigi, pillimäng jätkub, kui meri juba lahkunud. Küllap on O.V. Tõganova kuulnud seda juttu kelleltki muultki ja kombineerinud episoode. Ta on jätnud välja A.I. Ljamitši puutümika episoodi, kuid on võimatu otsustada, millised jooned ta loos pärinevad tollelt, millised kuskilt mujalt.

Kindlasti räägitakse taolisi jutte Siberis praegugi veel ja mõni uus teisend võiks selgitada mõndagi. Viimaks ehk sedagi, kuidas sõlkupi, maansi ja keeti senised teisedid on seoses omavahel. Tundub päris kindel, et pääle sõlkupi 1 kõikide algused on võetud kohalikust repertuaarist ega kuulu ühisesse traditsiooni. Ilmselt lugu algas kannatava kotkaga, kes ei kannu sangarit, aga millegagi hüvitas teda, kuigi sõlkupi 1 on ehitatud vastupidi: haige linn kannab sangarit, veelojus hüvitab, linn ei millegagi.

9.2. Enne islami levinemist see reliktümüt võis olla tuttav veel türklasilegi. Baraba väga isepärases AaTh 531/301(V) + 516/325. sangar toob isandale esmalt ühe hiidkala (Jan) kuldse lõualuu. Ta on inimeste poolt, kes pole saanud püüda teda, sabapidi naelutatud kaldasse. Sangar vabastab kala ja see juhatab, kust ta leiab vanusenõrkusse surnud venna luud. Siis ta peab tooma mererannal seitsme papli otsas elutseva hiidlinnu (Züzülö) naha. Sangar päästab ta pojad merelohu eest - selle ühte soomusesse mahub keema terve põder. Vanade tulekul meri tõuseb papliteni, aga pojad ei söö, sest nad on saanud oma vaenlase liha. Vana tunnistab sangarile, et noorelt ta koos naisega on tõstnud selle lohu taevasse ja lasknud kukkuda Sürü (= Sumeru?) mäe otsa. Kuid nad pole suutnud tappa teda ega nende tolleaegsed kangemad pojad. Sangar siingi saab Züzülö nälga surnud venna naha.

Ka siis, kui see lugu mõneti oleks Indiast, ta ei ole

harilik. Iialgi hiidlind ei seleta, et tal varem on olnud tegu vaenlasest maoga, samuti ei esine üheski säärases loos järjepanuu hiidkala ja lind. Liiatigi on siin igati moti-veerimata, kuidas hiidkala sappa, kes on tapnud kõik kalu-rid, ometi on suudetud lüüa raudnaelu. Kõik need iseärasu-sed lähevad mõistetavaks 9.1 kirjeldatud juttudega kõrvuta-misel, kuigi baraba lugu ei ole AaTh 1148B.

Keeti 3 "jälitava mere" episoodi mõistmiseks on natu-kene abi ühest vanast müüdist, mis kaunis erinevalt on tut-tav njeenetsitele (T. Lehtisalo 53 SUST (1924), 26; 99 SUST (1947), 17, 25-27) ja sõlkupitele (G.N. Prokofjev: Seljkup-skaja grammatika, Leningrad 1935, 107-109). Njeenetsi jutus kõuevaimud võitlevad Põhjala härjaga, kes on ka Veeisanda vastane, sest peab enda juures vangis kalu. Veeisand kutsub enda juurde alla nõid Sõõrokku, annab talle oma hõbetrummi ja palub ta abi. Sõõrokku sõidab oma mammutil Põhjala härja vastu, võitleb temaga, võidab ja toob kaasa tolle olendi poja. (Kalade vabastamisest ei ole juttu.) Kuigi isa jälitab neid tuiskudega, nad tulevad Veeisanda juurde. Sõõrokku saab tasuks Veeisanda tütre ja hakkab edasiseks kohalikuks jumaluseks. Sõlkupi loo põhjal tohib oletada, et kunagi Sõõrokku vabastas vangist just Veeisanda poja, kellega koos pääsesid kaladki. Sõlkupi jutus sangar Jomba satub inimeste juurde, kes kisuvad alla kaks lehise latva, seovad kokku, paigutavad sinna inimese, kes siis viskub üles ja kargab jõkke paluma Veeisandalt ("mäealuselt looz'ilt") kalu, sest ta ei lase ühtki tulla püütavaks ja inimesed nälgivad. Nõiad on avastanud, et Veeisanda poeg on haige ja ta vennad kalad ei taha lahkuda ta juurest. Jomba laseb endaga teha samuti, kuid ambub noole alla ja rippudes selle küljes läbib Veeisanda koja katuse. Ta ravib selle poja, saab naiseks tütre, aga Veeisand ei luba tal minna üles. Ta moondub hermeliini- niks, siis oravaks, kuid ust valvab kaks poolnõlitud karu. Naine õpetab teda ja ise järgneb katuseaugust läbi. Veeisand jälitab neid. Jomba paigutab põgenemisteele järjepanuu takistama seitse koera ja seitse pötra. Viimane on nii võimas, et virutab ja uputab Veeisanda alatiseks Jäämerre. Jomba ja naine rajavad nõiapühamu tulevikuks ja kehtestavad rituaali selle kasutamisel. - See müüt ei ole praegu res- taureeritav, ehkki temast kujunenud muinasjutt (häda

päästetud nooruk õpetab päästjat küsima isalt tasuks näiliselt väga tühist asja (nagu AaTh 560 Ia), milles on peidud ta õde, kes saanult päästja naiseks varustab teda kõige kujukuteldavaga), millel tavaliselt jätkuks AaTh 465, on Siberis võrdlemisi harilik. Seepärast tohib oletada, et leidub - ehk avaldatultki juba - muidki jutte, milles säilinud on motive 9.1 kirjeldatud AaTh 1148B kujust või sellest, milles teise vastase poeg/tütar on sattunud vangi teise kätte.

9.3. Ei ole täiesti mõeldamatu, et mingi 9.1 juttudega väga sarnane on esinenud Euroopaski, olgu siis eesti-soomelapi-skandinaavia kuju kõrval või juba enne seda. See võimalus ei ole täiesti hüpoteetiline, sest ühes hilises Wales'i loos (XVI/XVII sajandist) hiidlind ja kala esinevad kunagiste vaenlastena (J. Loth: Les Mabinogion I, Paris 1889, 243-338 "Kwlhouch ja Olwen"). Lugu on väliselt "Ülesanded kosilasele" ja sisaldab vist enamiku keltidele tuttavaid ülesandeid, mis on järjestatud nõnda, et iga nendest on täidetav üksnes eelmise täitmisega (Mot. H 941 (1241)), samuti on lukku toodud kõik selliseis juttudes esinevad kosija abilised. Mõlemaid on nii palju, et osa ülesandeid jääb toimetamata ja osa abilisi ikkagi ei tee midagi. Ühe vajalike isiku leidmiseks tuleb otsida üles kõige vanem olend maailmas, kes ehk teab, kus ta on. Neidki on terve rida (nagu harilikult AaTh 470B igavese elu otsimisel) ja nad juhatavad aina vanemaid. Eelviimane on Gwernabwy kotkas. See jutustab, et ta muiste oma kalju otsas igal õhtul on taevast võtnud ühe tähe, kuid praegu see kalju pole enam kõrgem palmist. Kord ta on tahtnud tuua omale kauemaks ajaks toiduvaruks Llynn Llyw järve hiidlõhe. Kuid lõhe on ta kiskunud vee alla ja hirmsa vaevaga kotkas on rabelenud valla küüned. Siis ta on kogunud kõik omad ründama lõhet ja tükeldama teda. Aga lõhe on läkitanud saadikud, siis tulnud ise ja loovutanud kotkale oma turjalt viiskümmend noosi liha.

Ehk loo vanemas kujus kotka ja lõhe lepitajaks võiks olla sattunud keegi inimene. Sest keltidel on üsna palju lugusid, milles inimene esineb vahemehena tülitsevate haldjasolendite vahel, kuigi sagedamini soosib teist nendest. Episoodidena neid on paigutatud rüütlieepostessegi muude imepärase seikluste sekka. Nõnda on toimitud kelti mõju

Ääremailgi veel. Provanssaali "Jaufre (XIII sajandist) näiteks jutustab (XVI, 7979-8142; XVII, 8359-8381, 8744-9288), kuidas "Fada de Gibel" ahvatleb sangari vee alla kaitsma tema õigusi, riiki ja kastelli ühe lurjuse vastu, kes talt on alistamas kõike.

Säärased lood omakorda võivad olla toeks arvamisele, et andmed hiidlinnu ja kala kohta ei tarvitse pärineda kesk-aegseist teaduslikest raamatuid. Paljudes teostes on juttu igasuguseist kummalise olemisega inimesist ja lojuseist kaugeil mail. Need ei ole alati saadud muistseist raamatuid ega ole autorite väljamõeldised, vaid vahel on rahvapärimsus esinevate olendite teaduslikkust taotlevad kirjeldused ja seetõttu tublisti enam liialdatud.

10.1 Mõlemad müüdid - kannibaalse kõuekotka taltsutamine ja kõuelinnu võitlus veelojusega - on aegamisi kustumud nende eneste modifikatsioonidesse, mis on olnud palju elujõulisemad. Mõni neist muundusist on väga vana, sest Etana müüdis üks juba esineb selgelt, teine näib olevat tekkimisel. Ühiseks jooneks peaaegu alati on see, et kotkas kannab inimest ja sellega (või mõne hangitava asjaga) tasub inimesele mingi hääteost. Inimene ei ole säärane kotka vaenlane, kes ta on kotka taltsutamisloos.

10.2. Esimest tüüpi juttus kotkal ei ole poegi, õigupoolest ei saagi olla, kuigi pojad võivad (Sumeris) sugeneda loo sisse kõrvaltegelastena teiste taoliste lugude toimel. Kotkas ei ole kannibal, kuigi ta vahel ei käitu eriti sõbralikult. Kotka võitlus vaenlasega on möödunud ning ta ei vaja abi vaenlase alistamiseks, vaid enda elu säilitamiseks. (Seepärast keeti lõpplause, et kotkas kiitleb end kangemaks karust peab olema sekundaarne.) Jutt ise on AaTh 222B +537, milles "Lindude ja loomade sõda" on iidse alguse transformatsioon: kotka ja veelojuse asemele on sünenenud nende malevad, metsloomad ja linnud, ühtlasi on vaenu põhjus liialdatud üpris tühiseks. Teatavasti AaTh 222B esineb ainult keltidel ja venelastel - kuigi mujal leidub võrreldavaid motiive - ning Kaukaasias ja Siberis ainult laenuna venelasilt. Sumeri loo sissejuhatus näib samuti olevat sekundaarne ja üldisema, indiaanidelegi tuttava "Raibet teeskleja" variant. Anzud sööb mao pojad, kellega tal tehtud leping, madu peitub härjaraipesse, mida Anzud läheb söö-

ma, ehkki tark poeg hoiatab, jääb mao kätte, kes talt kisub ära suled. Kotkas maoga esineb sageli sumeri kunstis, kuid ei järgne, et on illustreeritud just seda lugu. Indiaani sangar teeskleb raibet (peitub raipesse), et maksta kätte lindudele, kes ei ole kandnud teda või on kandnud ja lasknud kukkuda, tähendab, motiivi on räägitud tagurpidi: kandmine eelneb karistamisele. Seegi algus ei ole primaarne: maopogade söömine on mõeldud Anzudi halvustamiseks.

Müüdi algus on jäetud välja meelega ning jutustajat kotkas näib huvitanud just nõialinnuna. Kotkas on võidelnud kellegi loomaga - algemas kujus ehk karuga, kui looma üldse mainiti - ja väga kannatanud (ainult SNS 258 (eveni) on kotkas võitnud karu!). Inimene leiab ta ja kotka palvel sööda teda ja toputab pikemat aega. Siis tasuks näljast päästmise eest kotkas kannab päästja sugulaste juurde, kellest igaüks, enamasti ainult viimane, kingib päästjale mingi imeasja. Etana müüdis Anzud kannab päästja taevasse hankima imerohtu. See tundub olnud nõia (sageli esimene nõid ise oli kotkas) tõus haldjaslinnul taevasse, sest selle oletuse varal lähevad mõistetavaks mõned kõrvaljooned. Esmalt AaTh 537 üpris sagedane kolmekordne kukutus, mis harilikult on seletatud karistuseks päästja kolme hoolimatuse eest ja sölkupi 1 Iittje julguse katsetamiseks. Kuid nõid võib kukkuda iga taeva läbimiselgi ning ta kaastaja toetab siis teda (T. Lehtisalo 53 SUST (1924), 93, analoogset mujalgi Siberis). Teisalt on siis samuti mõistetav, kuidas vanus sölkupi laules kotkas esineb sangari ainsa sõiduloomana (M.A. Castrén - T. Lehtisalo 83 SUST (1940), 305-340) ja njeenetsi sangarid ometi tavatsevad lennata ise. Nõnda siis AaTh 537 oleks tekkinud kahest poolikust loost: vigastatud kõue hooldamisest ja nõia lendamisest taevasse kotka kantult. Taevas nõid enamasti käib toomas lapsehingi (näiteks L.J. Sternberg GOGNA 480-482, 491, 520) ja lapsitu Etana Anzud viib taevasse leidma "sünnitamisrohtu" (šammu ša alādi). Ja viimaks: ei olegi veider, et AaTh 537-le harilikuks jätkuks on AaTh 313. Last, kes otse või kaudselt saadud taevast, himustab endale toonela isand.

10.3. Teisel pinnal kotkas on enamvähem selgelt karnibal ja tal on tingimata pojad, keda inimene harilikult kaitseb nende vaenlase eest, mille tasuks siis kotkas teda

kannab, kuigi tal enamasti tuleb lennu lõpul ajutiseks kotkale sööta oma liha. Vaenlane (enamasti madu või lohe, kuid ka kõu (evenki, dolgaani 1, 2, lugu ei kuulu täiesti siia), külm (eskimo), eriline konn (maansi 1, handi 3)) on enam-vähem heraldiline ehk ornamentaalne, loos nii tingimata vajaline, et ta ainsaks ülesandeks on kotkapoegade söömine sel kombel, et vanemad temaga ialgi ei juhtuks kokku. (Ainult baraba teisendis on kotkail kunagi olnud tegemist selle lojusega.) Ka siis, kui vanemate eemalolekut kuidagi vabandatakse (nad ei taha näha poegade surma jne.), ilmneb sellest, et jutustaja kordab endale arusaamatut kotkaste armetust.

See AaTh 301 V cd (B 365.0.1; B 552 (F 101.3); B 322.1) ei saa olla kuigi vana: ta vist puudub indiaanlasil ja muistseil kultuurimail (Rooma-Kreeka-Lähis-Ida-Iraan-India) täiesti, ei ole seega indogermaanlik. Küllap ta on tekkinud paarituhanda aasta eest Siberis (ehk Baraba rohtlas just) ja rahvasterännu aegu on levinenud Euroopasse ja Lähis-Idasse, kaotades ääremail paljugi kanoonilisest selgusest. Episood on nii kivilinenud ja nii vitaalne, et ta on sobitatud paljudesse tüüpidesse. Kotkas kannab sangari üles toonelas (AaTh 301), kannab ta hankima eset, mida nõuab (tulevane) äi või ta naist himustav isand (AaTh 314, 465, 531 jt., vahel on viidavaks just selle kotka poeg või ta sulg), kannab ta peitu kaunitari eest (AaTh 554+325), kannab tagasi ohust (AaTh 554+449) jne. Seda episoodi kasutatakse eepikas ja vahel vist ainult jutu pikendamiseks, nagu väga tihti (eriti Kaukaasias) AaTh 550 IVa+300+301 Vcd VI. Ja ta ometi ei ole kuskil obligatoorne, isegi AaTh 301 levila äärtel ei too sangarit üles maa alt kotkas, vaid mõni sobivam olend, ruttu kasvav puu jne. Kotkas toonelas on loomulik ainult rahvaile, kelle maelelt kosmos on ehitatud korrustena ja alumised korrused ei ole mingid põrgud iseendast. Veelgi vähem seda episoodi on vaja muisse tüüpidesse, ehkki neis sündmused toimuvad siin maal, sest kotkaga võib saada sõbraks teisitigi, kui kaitstes ta poegi veidra (lohe)mao eest.

Vana kotka kannibaalsust ei väljenda ainult see joon, et ta ülelennul peaaegu eranditult saab sangari liha (harilikult jalast) ja see talle maitseb. Väga sageli kotkas

kugistab alla poegade päästja - vahel seletatakse, et suurest rõõmust, vahel sangari jõu suurendamiseks jne. - ja alles poegade ähvarduse pääle (sageli Kaukaasias) või nende sundides (kasahhi 3 pojad pitsitavad ta kõri) kugistab ta välja. Hiljem ta ometi kannab sangarit umbes nõnda nagu haldjas oma nõida ning suudab ravida talle tehtud häda.

Kuigi poegade kannibaalsust Siberis on mainitud vahel (handi 1, sõlkupi 2, dolgaani 1, evenki), seda on aga harva vihjatud AaTh 301 V (maansi 1, handi 3) ning siis kujuneb rängaks küsimuseks: mispärast kannibaalsed pojad kujunesid võimetuteks ja haletsetavateks ning jäeti olendi meelevalla, kes sobiks vaenlaseks nende vanemaile? Olnuks ju võimalik poegade piinamisegagi sundida vana kotkast kandma sangarit, miks siis toodi inimese asemele poegade vaenajaks teisest müüdist kotka vastane lohe ning jäeti see tundmatuks kotkale endale? Seda olulist küsimust vist ei saa üldse vastata ühemõtteliselt. Juba sumeri Lugalbanda, kel küll ei tule kaitsta Anzudi poega lohe eest, toputab ja kaunistab teda ning loodab hüvitust selle eest. Ei tarvitse olla tegemist üldiselt kasvava sümpaatiaga linnupoegade vastu ega respekti suurenemisega kotka vastu, keda ei sobi solvata inimesel. Hüpoteese võib vastuseks konstruuda mitmeid, nagu umbes sellise: Kotkas on söönud (lohe)mao pojad, karistuseks selle eest on määratud, et väga lähedal (kasvõi sellesama puu all) elutsev madu tohib süüa kotka iga pesakonna, kuni tulevikus keegi ta surmab. See oleks Etana loo algus, ainult ilma peitumiseta raipesse ja kotka enda koheste karistamiseta. Aga ei leidu kuskil ühtki teisendit, mis kuidagi tagaks seda päris tõenäolist hüpoteesi.

Selge näib, et võib vaadelda eraldi motiividena: kotkas (nõia/sangari) kandjana ja kotkapoegade kaitsmine mingi ohu eest. Sest handi 2 ei esine poegi ja vastupidi kotkas ei ole kandjaks kuskile mujale: (handi 5), (keeti 2, 3), sõlkupi 2, dolgaani 2, evenki, kuigi poegadel on keegi vaenlane vahel (dolgaani 2, evenki). Neid lugusid võib tõlgendada kahtpidi: nad võivad olla jäänused kogu episoodi kujunemiselt või faasid selle kadumisel. Otsustada on võimaliku. Igatahes on AaTh 301 väga omene Siberi türklasile, kuid teised säälsed rahvad nähtavasti on selle tüübi saanud venelasilt.

Kuigi baraba ja burjaadi teisendite iseärasused võivad pärineda nende jutustajailt, tundub mõlemast järgnevat vähemalt, et kotkapoegade vaenlane ei ole kujundatud inimesest, vaid AaTh 1148B kotka enda vaenlasest. Tähtenduslik küllap on seegi, et mõnes AaTh 300+301 Vcd kombinatsioonis kotkas on valmis sangarit kandma selle lohe tapmise tasuks, kes takistas vett, oli veelojus ja veeomanik, ja õgis neide, sest seesama õgis tema poegigi. Ei ole siis ehk jutustaja tujust ainult, et Züzülö on kunagi kohelnud halvasti ta poegi hiilivat madu ega Chaan Chärdigi poegade kujundamine maole söödavaiks neidudeks. Aga kõik säärased jooned ometi võivad olla jutustajate katsed muuta loogilisemaks tublisti erinevate tüüpide motiivide kombinatsioone. Paraku, AaTh 300 ja 301 on tüübid, mille teisendite arv küll kohutavalt suur, kuid lood ise nii tardunud ja mandumas, et loota mingit selgemust nende tekkimiskäigu suhtes on vist üldse mõtetu, kuid neid seletavaid konstruktsioone ja mudeleid saab luua kümnete kaupa.

11.1. Kuigi kõu on lind indiaanlasil, Siberis ei ole hiidlindu üheski loos samastatud kõuega ning dolgaani 2, evenki hiidlinnu pojad koguni kardavad kõue. Seepärast võiks väita, et vähemalt jutud Siberist (9.1; 9.2.) ei olegi AaTh 1148B, milles teine vastaseist peab tingimata olema kõu. Kuid dolgaani 2, evenki on tegemist hiidlinnu poegade ühes ning üheski teises loos ei leidu midagi, mis võimatus-taks hiidlinnu ja kõue võrrutamise. Leidub koguni andmeid, et Kõu viibib lõunas rändlindudega (6), nagu ka handi 1 kannibaalne Longk (7,1), kes liigub äikesepilvena. Küllap välised arvamused (ehk hiinlastegi omad) või nõidade uskumused on tinginud, et kõue(sid) Siberis harilikult ei kujuteldud lindudena, vaid mingite loomadena. Linnud olid sageli nõidade haldjasabilised, kõu aga (vähemalt njeenetsi, keeti) olend, kelle vastu nõid peab võitlema, et ta ei tooks halba.

11.2. Võib väita, et siberi ja indiaani müüdid (8.1 ja 2.; 9.1.) ei olegi AaTh 1148B, vaid on eri müüt (I) väike-aasia(-kreeka)-eesti-soome-skandinaavia-lapi (II) kõrval, sest mõned erinevused näivad lahutatavat oluliselt. Es-malt: I on kannatanud mõlemad pooled, ehkki mitte alati vas-

tamisi; II on kannatanud ainult Kõu ja inimene hakkab talle abiks. Teiseks: I vastased lepitatakse; II süüdlane kõuevaenlane tapetakse. Kolmandaks: I mõlemal on vigastatud mõni kehaosa; II kannatajalt on riisutud mingi vahend. Loo käigus need erinevused ei tundu küll nii teravad kui eraldatult. Neid saab paisutada täantsaks, kuigi nad eraldatultki on enamvähem tinglikud üldistused.

Esmalt kentib, et ainult Apollodorose ja Nonnose Typhon (samuti hurru Ullikummi) on juba sünnitatud Kõue ründamiseks, mujal kõikjal on (kõue)lind see roimar, kes asub veelojuse kallale. Veelojus õigustatult hakkab vastu, kaitses end ja ründaja ilmingimata peab kaotama midagi. Eriti selgelt see avaldub sõlkupi 1 (Kala ei ole kaotanud midagi, kannatab ainult) ja neis teiseis, milles hiidlind pole saanud riisuda midagi mammutilt, vaid keegi kolmas (maansi 1 (osalt), keeti 1.3). Ka II eeldab, et Kõu on rünnanud esiteks, kuid suhtumine kõuesse on muutunud: Kõu juba ongi selleks, et nuhelda Veelojust, keda ilmingimata tuleb karistada tema loomuse ja seega ta olemasolu eest. Algselt jutustajad ei põlanud kumbagi, ehkki neile Kõu ei meeldinud eriti, hiljem just tema on kujunenud ainuauliseks. Seesama käik avaldub siin teisiti. Pääle sarsi ja winnebago teiseendi lugu ei alga iialgi inimese sattumisega Veelojuse juurde ning kaasnevad asjaolud I ja II ei erine põhiliselt. Sest I on inimesel enamasti endal asja linu juurde (ainult sõlkupi 1 ja indiaani lugudes on sattumine juhuslik), millest võibki areneda pikk rida vahelmisi vajadusi ja ülesandeid (H 941 (1241)). Hiljem on Kõu ise nii auline, et abilise hangib keegi tema või ta ise moondunult. Ükski neist AaTh 1148B teisendeist pole ehtne, milles Veelojuselegi on soetatud abiline.

Teise puhul ilmselt II hoiak on liialdav lõplikustus. Ükski "kurat", olgu ta titaan või hiidki, ei ole ainus oma liigist, sest siis Kõu ise läheks üleauruseks. Sündmused müütides ei olnud ainukordsed ega ainakorduvad, sest nad toimusid ajal, mil veel ei olnud saabunud inimeste aeg. Selgelt selline hoiak avaldub handi 1: sangar tapab kõik "tiivulised Longkid", kuid ometi täävitab, et needsamad olendid tulevikus hakkavad käituma viisakamalt. Müütliste sündmus-

te ainukordseks fikseerimine ajalukku toimub alles siis, kui ajalugu olemas küll on, kuid temast teatakse vähe. Muidugi, ainuauline pool peab tapma oma vastase, sest selle alatuga ei sobi teha mingit lepingut.

Kaotatud kehaosa (küüned/suled - sarved/silmad) asendumine vahendiga võis toimuda sõltumatult kõikjal, kus kõue enam ei kujuteldud linnuna, vaid inimesetaolisena. Aga see toimus üsna hilja, sest väike-aasia II teisendeis ikkagi alles Kõu kaotab kehaosa. Vahend võis lukku sugeneda väga hõlpsalt, sest kõik tontlikuks kujunevad olendid harilikult kardavad väga tühiseid asju: kasetohtu kriginat, linnu tiivavurinat lendutõusul jne. Dolgaani 2, evenki hiidlind kardab (trummi)põrinat ja tarvitseks vaid lisada juttu, et ta püüab varastada seda kiusaja käest. Kolmas erinevus I ja II vahel ei ole siis kuigi terav, ehkki näib oluline.

Algne müüt ehk lõppes mingi peoga Veelojuse juures (/Veelojusele), millest on säilinud üksikjooni I ja II teisendeis. Tõenäoliselt hüvitasid mõlemad vahendajat inimest, kuigi teisendeis on juttu vaid sellest, et Veelojus talle annab oma tütre. Lind ei tasu millegi nähtavaga: tulustekott (keeti 2, 3), taadi silmad (keeti 1), linnu enda nahk või sulg on ilmselt sekundaarsed. Postuleerida võiks, et Kõuelindki vahendajale andis tütre. Pillimäng ehk ei olnud ainult vahend lummamiseks, vaid lepitamisekski. Mõeldav on, et just pulmadel vastased tagastasid riisutu teineteisele ja kinnitasid edasiseks lepingu, mille vahendajaks ja tagajaks inimene jäi seotult mõlema poolega, kes talle ühtmoodi omased ja võõrad.

11.3. Põldurid lõunas vajasisid vihma, et loomadele kasvaks rohtu ja inimestele vilja. Kõu loomulikult muutus oluliseks ja positiivseks ning kohati äike siirdus kellegi kõrgjumaluse hoole alla. Sääil, kus saak põllult ei sõltunud otse vihmast (Sumer, Egiptus), kõuejumalus jäigi teisejärguliseks ja võis kujuneda tülitekitajaks jumaluste hulgas. Kuid enamasti Kõu aina ülenes ja kunagine Kõue vastane taandati ajapikku kõlvatuks lurjuseks. Selle protsessi lainetused kenasti ilmnevad sumeri Anzudi tuhandeaastases biograafias ja kreeklaste suutmatuses saada lahti titaanidest, tunnistada jumalusiks ainult olümposlasi.

Reliktidki on aegapidi teisenenud iseendast, muude lugude või naabrite repertuaari toimel. Hääks näiteks on njeenetsi-sõlkupi lugu (9.2.), milles ju Veelojus on pooldunud Veeisandaks ja Põhjala härjaks ning Veeisand asendab hiidlindu. Samuti maansi 1, milles Mammut on osa oma sarvedest kaotanud Kaarsile, osa por-naistele, sest esimese võib jätta välja ning por-naised kujundada tontlikumaks (keeti 1, 3). Sel kombel müüt võib muutuda tunduvalt. Kuid väga sageli arutleja maitsest sõltub, millist teisendit ta peab lähedasemaks algsele müüdile. Mu meelest on lapi-skandinaavia teisendid kaugemal algsest kui eesti-soome omad, sest rohkem vanu üksikasju on asenenud utega. Ometi saaks öelda, et Vanapagan-kurat on hilisem figuur ja hiid kindlasti vanem ning seepärast ka skandinaavia-lapi teisendid. Kuid Vanapagan on seoses veega, Thrymr ei ole ning see side ilmselt on kaalukam nimetuse vanemusest.

Ei ole suuremat lootust, et mulle tundmata tekstid Siberist palju muudaksid säälsel AaTh 1148B viie teisendi varel saadavat üldpilti. Ainest aga leiduks neis siin esitatud kaalutluste täpsustamiseks ja teisendamiseks, sest need nagunii on esialgsed ja paiguti liialt lihtsustatud.

- 1) B.O. Dolgihh: Mifologitšeskie skazki i istoritšeskie predanija entsev, Moskva 1961, 17 tõlgib selle sõna küll "vnebratšnõj", kuid nõnda nimetatud nooruk on vennapoja ja õetütrelaps - Orb-jumal (Djäba ngaa) ehk "Meid toitev jumal" (Sidõne badasi ngaa) - seega laps, kelle vanemad ei saakski abielluda. Säärasest "intsestist" sündinu ei tarvitse olla nõid, kuid paljude rahvaste esimene nõid on päritolult iseäralik. Orbjumal on vahendaja taeva ja inimeste vahel ning saatusemääraja. Lugu ise meenutab Kagu-Ameerika jutte "Orphan Boy'st" ja selle nooruki toimingud samuti.
- 2) K. Krohni koostatud soome normaalversioon (FFC 96 (1931), 125), mida J. Balys (Tautosakos Darbai VI (1939), 38-42) on muutnud üksikasjus, on J. de Vries'i tõlkes (FFC 110 (1933), 112) järgmine:

During his sleep the thundergod (Ukkonen) or God (Jumala) is robbed by the devil. His instruments are

called pelivärkit (26) or millstones (6: ne kivet joilla ukko jyrisöö). In 14 the devil brings the instrument of thunder (jylistimet) to a rock. In disguise the god goes to the devil and offers to become his servant. Then they embark to fish together; the servant proves to be exceptionally strong. (Kahes teisendis nad kisuvad võidu üles mände.) The devil is induced to boast of his having robbed the thundergod of his instrument and to fetch them (in some variants they are locked up in a room with many bolts). The devil, however, cannot play on them; hence the strong servant may try his forces. He begins to play softly, but gradually with increasing violence and at last the devil's hall bursts asunder, his children are smashed to pieces and he himself dies, is thrown into the air or swoons.

Lapi teisendid näivad väga ühtlased, sest Krohni normaalversiooni (FFC 96 (1931), 123) ei teisenda kuigi palju hilisemad variandid (T.I. Itkonen 60 SUST (1931), 37-38; V.V. Tšarnoluskij: Saamskie skazki, Moskva 1961, 35-40).

K. Krohn ütleb:

Die lappen berichten, dass ein bergriese (jettanas, vahel kurat, karu) den donnergott gefesselt und in seiner höhle eingesperrt gehalten habe. (Nach einer variante ist er in seiner eigener grotte gefangen worden.) Kein regen befeuchtet die erde, selbst der ozean leidet darunter, und der meerriese seufzt. (See on olulisi jooni Nonnosel ja eesti teisendeis, oli ehk hetitidelgi, pääleegi Telepinus on võrreldab mordva Norov-pas'iga). Während der bergriese schläft drängt sich einer der knechte des donnergottes in die höhle (keegi karu vangistatud tüdruk, kes talle keelatud toas joodab vangi, või kuradi inimsulane, kes talitab samuti) und schneidet die fesseln seines herrn durch. Der donnergott erhebt sich in die wolken und erzeugt blitz, donner und siebenwöchigen regen.

Sellest loost võiks järeldada väga palju, sest kõuejumalus on vangis ju Apollodoroselgi. Samuti saaks selle põhjal pidada üheks AaTh 1148B eri kujuks koguni "Hiidude

õe" tüüpi (mis on väga harilik Kaukaasias, sageli AaTh 552 jätkuna), ehkki see tõlgendus ei meeldiks ühelegi moodsale natuurmütoloogile. Selles loos hiidneiu ihimesest mees talle keelatud toas vabastab vendade poolt ammu vangistatud koletiskosilase, kes siis viib ära ta naise oma kantsi. Koletise võib täävitada aheldatud kõueks ja hiiud veelendeiks!

- 3) Kirjas 29. I 1944 Walter Anderson väidab veel, et lood üpris harva liiguvad "kultuurivoolu vastu" ja juba seepärast oleks loomulik eeldada, et soomlased ja eestlased on AaTh 1148B saanud skandinaavlasilt ega ole kolmandat ühist allikat, sest juttudes enestes ilmnevad "in die Augen springenden Übereinstimmungen" (lk. 74). Paljude teiste ja minu meelest on erinevused väga suured ning kultuurivoolu suunda siin pole õigust rõhutada. Eestist võinuks AaTh 1148B sattuda Skandinaaviasse ainult mereröövlite (või nende orjastatute) kaudu ning ei näi olevat mingit alust arvata, et skandinaavia mereröövlid kultuurselt seisnuks kõrgemal eesti omadest, kes muidugi skandinaavlasile tõnkasid nende keeles. Et aga Thrymskvidha sel määral erineb eesti-soome juttudest, siis tundub õigem Thrymskvidha algsemat kuju pidada reliktiiks, mille skandinaavlastel on saanud neile eelnenud neoliitikuilt.
- 4) V.V. Ivanov & V.N. Toporov: Issledovanija v oblasti slavjanskich drevnostej, Moskva 1974, 4-179 on konstrueerinud slaavi-balti loitsude, aitioloogiliste saagade jt. alusel ürgindogermaani müüdi kõuejumalusest, millest nende arvates on kujunenud muudki, loomulikult ka eesti-soome AaTh 1148B. See on järgmine:
- A. Äikesejumalus asub üleval, nimelt mäel, taevas (kus temaga koos viibivad päike ja kuu), kolmeosalise maailmapuu ladval, mis laiub nelja maailmakaarde.
 - B. Madu asub all, kolmejaolise maailmapuu juurtel, mustal villal.
 - C. Madu riisub sarvlojused (ja peidab need koopasse, kalju taha); kõuejumalus purustanult kalju vabastab lojused (ehk inimesed).

- D. Madu järjestikku peitub mitmet liiki elusolendite varju või moonduv nendeks (inimeseks, täkuks, lehmaks jt.); madu peitub puu alla või kivi alla.
- E. Äikesejumalus täkul või vankril oma relvaga (kirvevälguga) lõõb puud, põletades selle, või kivi, purustades selle.
- F. Pärast äikesejumaluse võitu mao üle ilmub vesi (tuleb vihma); madu peitub maapääleisse vetesse.

See rekonstruitud müüt on mu meelest meelevaldne summa heterogeenseist (A-B kolmejaoline maailmapuu on Sumerist; D-E arvatavasti bogomilide teooriaist) ja omavahel sobimatuist (D madu ei saa peituda sinna, kus ta nagunii elab; F ja C ei sobi, sest F eeldab, et on vangistatud vesi) elementidest, mis pandud kokku sihiga mahutada kõiki indogermaani jutte kõuest ning siis see abstraktne summa täävitada lähtemudeliks. Sääraste loogiliste ringkäikudega pole võimalik rekonstruuda midagi. Võimatu on nõustuda hüpoteesiga selle mudeli transformatsioonest (lk. 92-96), sest see eeldab, et neil inimesil oli olemas äärmiselt üldine ja abstraktne mõiste "omand", mille pinnal (riisitud) objektid võisid vahetuda. Ainult siis "minu kari", "minu silm/süda", "minu tööriist" võivad asendada teineteist. Aga kari ei ole vahend tegutsemiseks, ei saa siis transformeeruda tööriistaks, milleks võiks pidada mõnd ilmselt tegutsevat kehaosa. Veiste vargus on indoiraani privaatnõrkus: nad ei suutnud kujutella lohetki, kes ei tegeleks selle õilsa ametiga hankimaks endale silmapaistvat sotsiaalset seisundit.

- 5) Oluliselt ei erine see tõlge (Ancient Near Eastern Texts Relating to the Old Testament. Edited by James Pritchard. Second Edition Corrected and Enlarged, Princeton 1955, 125) A. Goetze varasemast tõlkest (Kulturgeschichte des Alten Orients: Kleinasien, München 1933, 59, 2; 131), ehkki sellal Inarast peeti meheks ja Hupasiast homoseksuaalseks. Ainult valitud stiililt erineb teise versiooni tõlge H. Schmökelil (Kulturgeschichte des Alten Orients (Kröners Taschenausgabe 298), Stuttgart 1961, 423; 678, 19).

6) Esimeseks ühendajaks oli K. Krohn (Übersicht über einige Resultate der Märchenforschung (FFC 96), Helsinki 1931, 128), kelle järgi on olnud "eine allgemein europäische legende vom raube der donnerwerkzeuge, die der besitzer (Elias) zurückholt, der dieb ist Judas oder Teufel" ning see jutt olevat kontamineerunud teisega "von der befreiung der sonne unter einer eisdecke". Väide, et selline legend on "allgemein europäisch" tugineb kahel teisendil Bukoviina ukrainlasilt ja Transsilvaania rumeenlasilt (O. Dähnhardt: Natursagen I, Leipzig-Berlin 1907, 139, 145). Esimese järgi on välk ja kõu algusest pääle kuradi meelevallas, et ta aga neid kasutab kurjasti, laseb Jumal ta voodile meres kasvada 24 sülda jääd ja saadab Eelija varastama neid. Kurat sööb end jääst läbi, saab Eelijat venitada jalust ja kiskumise kestel tammuda orud tasesesse pinda. Eelija saab vahendid endale. Teise loo järgi Juudas (Iskariot) on Peetruse magades varastanud taevast päikese ja kuu. Eelija pakub end nende tagasihankijaks, saab kõue ja välgu relvadeks ning viimaks aheldab Juuda samba külge.

O. Looritsa arvates on need lood liiga kaugel AaTh 1148B-st, aga ta oletab algallikaks ometi (pool)kristliku bütsantsi legendi, milles esinenud Eelija. A. Annist (F.R. Kretzwaldi muinasjuttude algupära ja kunstiline laad, Tallinn 1966, 150) kordab K. Krohni arvamust, ehkki mainib Bütsantsigi. Kõike muidugi ilma, et keegi katsumuks koguda kõiki seda laadi jutte - ainult mõned on O. Dähnhardtil - või püüdnuks taastada nende algsemat kuju või kujusid, sest need erinevad nii palju omavahel, et ei saa olla üheainsa modifikatsioonid.

Kuigi päikest ja kuud varastatakse ja peidetakse võrdlemisi sageli, ei ole ühtki teadet nende peitmisest jää alla. Samuti ei ole üheski neist lugudest kõu ja välk olnud algsest Eelija (või kellegi ingli) päralt, kui üldse on tegemist kõue ja välguga. Kuradi käes on enamasti muid objekte, mida mingil kombel ei saa nimetada kõueriista transformatsiooneks. Ja viimaks: sellised lood on levinenud ainult Vahe-Euroopas, rooma ja kreeka katoliikluse piirimail ning neis ilmneb bogomiilide mentaliteet.

Kurat ei ole riisujaks, vaid temalt riisutakse need (valguse)esemed, mis ta meelevallas olnud maailmatekkest saadik. Indogermaanluseelisel Balkanil ei näi olnud erilist ilmastiku või kõue jumalust, kui indogermaanistunud Balkanil kõneldigi midagi Apollodorose müüdiga võrreldavat, siis see sinna peaks olema tulnud kreeklaste kaudu Väike-Aasiast. Ei ole usutav, et selline oletatav müüt säält levinenuks enne viikingite aega Vahe-Euroopas põhjapoolle, sest siis peaksid seda tundma kõik slaavlased.

- 7) Näiteiks olgu W. Radloff: Proben der Volksliteratur der türkischen Stämme, SPb I (1866), 224-234; IV (1872), 56-72 ja 181-192 ning V.F. Miller: Osetinskie Etjudó I (Moskva 1881), I, 1: nr. 6, lk. 32-33. Kaukaasiast on lugu vähemalt 24 teisendit.
- 8) Säärast lugu võidi ehk kuulda foiniiklasiltki. Tundub ju, et on õigus T. Jacobsenil (JAOS 88 (1968), 104-108), kelle arust Enūma eliše see võitluse-episood looduslikult ei sobi Mesopotaamiasse ja ehk on tulnud amurrude kaudu ja nendega Vahemere rannikult. Siis tuleks Marduksi ja Tiāmati võitluseloo allikaks pidada müüti, mis lähedal Ugariti müüdile Ba'ali võitlusest mere (Jamm) vastu, kelle vangis on olnud jumalatar Aštart. Ba'al kaikaga, mis on nagu kotkas, virutab Jammi lagipähe ja ninajuurikale ning teeb talle otsa (III AB,A). Mujalt (II K I-II, 7-9) on teada, et Ba'alil oli eriline püha rajulind (hl) - ühtlasi Ugariti embleemiks - kelle nimi 'Anj.
- 9) Need lood ei saa olla täiesti sõltumatud teineteisest. Tundub, et sõlkupi sangar Tšanker = evenki raudlind Kingir. Kuid evenki jutustajale (a. 1952) või tõlkijale ei ole võõrad ka dolgaani (1 ja) 2 või nende suuline traditsioon. Kõigis neis juttudes lind viib mehe pessa: söögiks (sõlkupi 2), kaitsma poegi kõue eest (evenki, (dolgaani 2), toiduks jänesed), nimetamata tarbeks (dolgaani 1, toiduks põdrad). Ainult dolgaani 2 sangar oma tahtel kaitseb poegi/mune kõue eest ja tasuks lind viib ta oma raudmajja. Kõigis teisendeis pojad asu-

vad inimese kallale (ka handi 1!), siis sangar teeb müra: taob pödraribist trummi (sõlkupi 2), laseb tuua trummi (evenki). Pojad surevad ja toibuvad (dolgaani 1), surevad lõplikult kõik (evenki). Lind viib mehe koju (dolgaani 1), kodused tulevad talle järele (evenki). Sõlkupi 2 Tšanker lummab linnule söödavaks mammuti rannal, rabeleb, lõhub pesa kuu ja päikese poole, kui pojad taagivad ikkagi, kukutab pesapuu merre, lind tahab tõsta seda, kuid Tšanker lõõb pooleks ta jala ja tiiva ning ujub vooluga kaasa. - Ei ole eriti kiita sõlkupi 2 ega evenki. Sõlkupi 2 võiks olla nõiavision, sest seikluste lõpul on Tšanker tagasi sellesama toominga juures, mida hakkas raiuma säälsel kirvega; kuid ka katse taastada poolununenut pikka juttu, sest vahe-episoodis metsatondi võõrasema raiub ära Tšankeri saba ja neab teda, et sellest ajast kõik inimesed oleksid sabaatud. Evenki teisend tundub olevat katse teha pooliti mõistetut realistlikumaks. Kingir asub nii läheda kalju otsas, et mehe laulu kuuleb ema ja naine. Mees ei pääse alla kaljult, kuid naised käivad sinna kaks korda, teisel viivad talle trummi. Dolgaani 1 on pojad skalpeerinud mehe ja taakinud ära ta kulmud koos lihaga, kuid tal pole sest häda. Evenki mees jääb tobedaks, sest pojad on katkunud ta juukseid, haavanud pääd, kriimustanud nägu. Kuid sõlkupi 2 ei ole Tšanker pääsnult mingil kombel armetum või viganne.

- 10) Muundumismotiiv on üsna harilik: maansi 1; handi 3,4; sõlkupi 2; keeti 2, 3; kasahhi 3. Ei jutustata ühtmoodi selle võime saamisest, vajadusest ega kasutamisest. Kontekstis oleks muundumistel mõtet, kui puu otsa ei pääse inimesena (maansi 1; nandi 3, 4; keeti 2, 3; kasahhi 3?) või, kui sangar peab jääma tundmatuks linnu(poegade)le või nende ründajale (handi 3, 4). See võime on sangaril kuidagi iseendast (handi 3, 4; sõlkupi 2; keeti 2, 3), saadud vanaisade käest (maansi 1) või kolmelt naisevennalt (kasahhi 3). Keeti 2, 3 on muundumised ((hermeliin)-(kolmjalg)hobune)-kotkas/põhjapõder) juba üsna tarbetud ja rahuldavalt ei seleta neid ka kasahhi 3. Sangar paneb ülle järjepannu hermeliini ja ninahiire naha (maansi 1),

on hermeliin ja siis orav (handi 3), soobel ja hermeliin (handi 4, siis peitub - nagu Siberis sageli - nõelana) kaljukotkas, valge hiir, haugas (kasahhi 3). Keeti 3 kõvasiloo suhteski on huvitav sõlkupi 2: Tšanker metsatondi jälitamisel paneb esmalt ülle linnukese naha, lendal mere keskele, väsis, viskab taskust merre kõvasi, millest saab kõrge kalju, kus ta puhkab, mudib linnunaha suuremaks, tõmbab taas ülle, istub vee üle kaldu lehise otsa, muutub pistrikuks, laseb alla võrgu, millesse püüab metsatondi, riputab puu otsa, ta, ise lendoravana laskut metsatondi venne. - Igatahes selle motiiviga ei ole lähedamalt seotud keeti 2, 3 ja handi 4.

Poegade kõrde kinnisidumine (handi 4, 5), nende näpistamine (keeti 2, 3) samuti ei osuta nende teisendite erilist lähedust. Kuid kõrde pitsitamine ei ole vist ka jutustajate eneste leiutatud, et seletada hiidlinnu tingimusteta alistumist. Üheltpoolt kasahhi 3 pojad pitsitavad ema kaela, et ta rõhitaks välja nende päästja ning just sellisena motiiv ehk on levinenum. Teisalt aga Põhja-Ameerika idaosas jutustati (C.Burland: North American Indian Mythology, New-York 1965, 79) kütist, kes suudab lummata hirvi kokku endale tapmiseks. Ta tavatseb kutsuda sööma kotkadki, kuid siis hukkab neid tarbetult. Tohtusuur kotkaste ema tuleb viimaks ja kütt poeb õõnsasse ronti. Selle viib suurkotkas pessa ja lahkub tooma toitu. Kütt sööda poegi oma moonast ja seob siis kinni nende nokad. Lugu lõpeb leppega: kotkaste ema viib küti tagasi, kui ta vabastab pojad ja edaspidi kotka tapmiseks igakord hangib loa kõrgemalt vaimult.

Silmariisumise motiiv ei ole neis lugudes eriti selge küll (handi 2, 5; keeti 1, (3)) ega esine iial Illujankas B kombel, kuid silmast on Siberis kindlasti räägitud rohkem. G.N. Potanin (Otšerki severo-zapadnoj Mongolii IV, SPb 1883, 233-235) pakub terve rea Altai türklaste (päämiselt telengiti) ja mongolite arvamusi, mille järgi lendorav uuristanud välja Tängri poja silmad (233a silma; kuigi 235k ja 141, 17 on kuulnud samalt telengitilt, on 141, 17 süüdlaseks Tamias striatus (burunduk)), keda selle süü eest nüüd kõikjal kõu jälitab. Mõnede tea-

dete järgi on Tängri poeg tapetud mitme olendi poolt või on lendorav närinud läbi ta kõri (II, nr. 17a: mongoli-urjanhai) või teatakse ainult, et lendorav on teinud sellele midagi kurja (IV, 181a: darhati). Siis muidugi ei ole mõeldamatu, et handi 2, (keeti 1) pimestatud eite-taati on kõued toonelas, kellele sangar hangib tagasi silmad, ja kãris nende käsutuses ehk ka nende poeg. Sellega neostuks ka ainulaadne (vist ainus) teade Sahaliini nihhidelt (L.J. Sternberg GOGNA 320), et kõued (kas lõokesed) talvitavad merepõhjas (uduseil mäeharjul altai-laste järgi) ning mägimetsaolendid käivad torkimas jääaluste silmi, mille karistuseks kõued - hoolimata vastaste häretust moondumisvõimest - neid hukkavad rohkesti suviti. Kuidagi peab kõigega olema ühendatavaks ka handi 5: kãaresed ehitavad liivast pesa, tuul pühib liiva lähedal elavate inimeste silmadesse ja need jäävad pimedaks. Sangar tahab, et nad viiksid pesa mujale ja vanade sundimiseks seob kinni poegade kõrid. Kõigist neist sporaadseist andmeist järgneb vähemalt, et Siberis on kõneldud säärasest kõue vaenlasest, kes ta pojalt või temalt endalt on riisunud silmad. Kuid midagi üksikasjalisemat ei ole enam säilinud.

- 11) Üsna kõikuv on Tõganova häälendus, veelgi enam Ljamitši oma: taadi nimi neljal kujul Õd/ra(a)t/d, "rebane" kolmel jne. Sellest poleks palju süüd, kuid kahel olulisel kohal teksti mõte jääb segaseks. Ei ole hoitud lahus ?in "küüs" ja in "nõel" (kas need ongi eri sõnad?), kuigi üldiselt esineb esimene, ütleb kotkas ometi bin "minu küüs" ning siis puutüvikus olev in ka võib olla "küüs", igatahes ei tarvitse olla "nõel". Ljamitši järgi sangar liigub ülal sel'o:rl' "v litšine orla", kuid Tõganoval s'e:l'ol "v litšine olenja". Keeti 2 näib looduslikult õigem, kuid keelelt see on võimatu ja d-r-l ei ole haruldane. Mõeldav muidugi oleks, et põder on see lojus, kelle kotkas viis poegadele puu otsa, sest põdrana lennata sinna oleks võimatu kasketilgi. Tõganova on nähtavasti andnud oma tekstile tõlkegi, sest muidu oleks mõeldamatu, kuis väljend Tõljget säjʼe/it on: "Tõljget s

listvennitäkoj" (20, 24), "T. i listvennitäka" (53), "T." (23, 54, 61), "listvennitäka" (55, 56; nagu säjjet "listvennitäka" (59)). On nagunii imelik, et Ljamitš ainult tiitlis kasutab Teelj ja hiljem ainult haljk "kiisk", aga halvem, kui Tõganova leiab, et teelj on "akula ili kit" ning sedasama olendit kotkal laseb nime-tada ikkagi haljk (18, 26, 27, 30). Kas see sobimatus ei tulene sellest, et jutustajad teavad midagi Kuldahvena toomast (maansi 1, handi 3), või on kuulnud sõlkupi l taolist, kuid ei tea lugu?

- 12) V.V. Ivanovi (Vosstanovlenie pervonatsalnago teksta ketskogo mifa o razoritele orlinõh gnezd: Materialõ vse-sojuznogo simpoziuma po vtoritšnõm modelirujuštšim sistemam I (5), Tartu 1974, 51-64) arutlused keeti 2,3 kal-lal on hoopiski mõõda nende tähendusest ja kuuluvusest. Eriti vägivaldsed on kõik C. Lévi-Straussi strukturali-satsioonid, millele tugineb V.V. Ivanovi seletus. Ainus õige on endastmõistetav opositsioonide kolmik - kotkas, lind, tuli; mammut, kala, vesi - kuigi "kala" on sekun-daarne ja "tuli-vesi" õigupoolest ei avaldu. Lausa mõt-tetu on otsida siit ja avastada kultuurse (vahetus) ja antikultuurse (kalade vargus) käitumise vastandamist või leida metafoorsed intsesti (kalade vargus = söömine = = intsest, kusjuures veel ähmane kellega ja kuidas!). Ei ole mõtet arutella, et müüdis on tegemist tule tekkimi-sega nidemes linnu eritunnuse (küüne) tekkimisega. Mõle-mad ju eksisteerivad enne müüdi algust. Kotkalt nõutud tulustekott võiks vihjata, et ta selle on riisunud san-gareilt, või on teda mõeldud "tulerahva" esiemaks. Kül-lap viimast, sest Kasket ei läheks tooma küünt kotkale, kuna ta riisutu nagunii saaks kotkalt kätte poegade pii-nustamise õlul. Motiiv siinsena on väga kaugel kannibal-kotka taltsutamisest (7.1) ja vaevalt ühendatav sellega.
- 13) S. Thompson: Tales of North American Indians (1929), Midland Book 91 (1966), 318-319, n. 151c.
- 14) S. Thompson m. t., 318, n. 151 loendab 32 teisendit.
- 15) S. Thompson m. t., 358, n. 287j.

Märkus. Autori sõnastus ja ortograafia muutmata.
Redaktsioonikolleegium

THUNDERBIRD AND WATERMONSTER

(AaTh 1148B)

U. Masing

S u m m a r y

In this article the folkloristic relict AaTh 1148B is dealt with. Its Estonian-Finnish, Lappish and Scandinavian variants are excluded, only its Near Eastern, Siberian and American Indian variants are discussed. These variants make it possible to establish the oldest form of this myth, about 10 000 BC. It was related that the Thunder-Being (usually a bird) and the Water-Being (usually a horned monster, whale or fish) contending with another had lost some of their limbs, organs (claws, eyes, heart, horns, etc.) to one another, and were incapable to pursue their normal activities. A human being, impartial on both sides, is needed to mediate between them. He does restore the former state of affairs, and is rewarded during a feast by one (or both) of them.

For the first time this myth is written down in Asia Minor (3: Illuyankas, Ullikummi, Kumarbi; in the Balkan bogomil repertoire the clutching of the feet of the adversary is combined with the tale of the Frozen Giant), later it is quoted by Greek mythographs (4: Apollodoros, Oppianos, Nonnos). There may have been analogous Sumerian myths (5: Anzud, its Arabian and Indian survivals). In North America the Thunder-Being is nearly always an eagle (6). Some myths dealing with this eagle are discussed (7.1: The cannibal Eagle tamed and reduced to a more normal size; 7.2: The Eagle captured by an artificial whale) with their Siberian parallels. Next the Siberian stories of more or less cannibalistic giant birds (not identified with Thunder) are summarized (7.3). Then the American Indian stories of combats between the Thunderbird and the Horned Watermonster are discussed (8: particularly Sarsi, Winnebago, Creek). The corresponding Siberian ones are treated more thoroughly (9.1: Sölkup, Mansi, Khanti, Ket), some Si-

berian tales partially important are mentioned (9.2), and at last a Celtic motif (9.3).

In the third part there is shown at first, how the types AaTh 537 (Etana) (10.2) and AaTh 301 Vcd used in several types, like AaTh 314, 325, 449, 465, 531, can be interpreted as developments of the motives of (7.1; 7.2) and (8.2; 9.1; 9.2). At last the question is considered, if these Siberian and American Indian myths could not be regarded as independent ones unconnected with AaTh 1148B in Asia Minor and North Europe. In the author's opinion the apparent diversities between them are resulting from the different estimation of the Thunder-Being, viz. he is promoted into an important beneficial deity, therefore his finally wicked antagonist is capable only of stealing his instruments and, naturally, should be killed at last. These differences, however, do not possess the same weight in the European variants of AaTh 1148B which may be considered as more or less local alterations of the primary myth.

Содержание - Contents

<u>О. Клаассен.</u> Агрессия фашистской Италии в Эфиопии (1935-1936) и Эстония.	3
O. Klaassen. The bourgeois Estonia's attitude towards the Italian fascist aggression in Ethiopia (in 1935 and 1936). ... Summary....	43
<u>М. Тянава.</u> О возникновении солдатского профессионализме в Риме.	44
M. Tänav. Über die Entstehung der Berufsarmee im alten Rom. ... Zusammenfassung.	57
<u>М. Тянава.</u> К вопросу об изменении социального состава римской армии (II в. до н. э.)	58
M. Tänav. Zur Frage nach einer Abänderung des sozialen Bestandes der römischen Armee (vom 2. Jh. an bis zur Jahrtausendwende)... Zusammenfassung.	73
<u>Л.Н. Гумилев.</u> Монголы и меркиты в XII в.	74
L.N. Gumilev. Les Mongols et les Merkits au XII siècle(essai ethnologique)...Résumé	116
<u>U. Masing.</u> Kõuelind ja veesarvik (AaTh 1148B). ...	117
U. Masing. Thunderbird and Watermonster (AaTh 1148B). ... Summary.....	168

Ученые записки Тартуского государственного университета. Выпуск 416. ТРУДЫ ПО ВОСТОКУ И ДРЕВНЕМУ МИРУ II. На русском и эстонском языках. Резюме на английском и немецком языках. Тартуский государственный университет. ЭССР, г. Тарту, ул. Пилкоски, 18. Ответственный редактор П.Нурмекунд. Корректор Н.Чикалова.

Сдано в печать 30/03 1977. Бумага печатная № I, 30x45 1/4. Печ. листов 10,75. Учетно-над. листов 10,12. МВ 00483. Тираж 450. Типография ТГУ, ЭССР, г.Тарту, ул. Пилкоски, 14. Зак. № 393. Цена I руб. 52 коп.

Опечатки

<u>стр.</u>	<u>строка</u>	<u>напечатано</u>	<u>должно быть</u>
5	2 сверху	идеалисти- ческого	идеологичес- кого